

ВИРТУАЛЬНАЯ НЕНАВИСТЬ

Как бороться с ксенофобией
в Интернете? **с. 12**

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

ДАЖЕ ВИРТУАЛЬНАЯ СВОБОДА НЕ БЕЗГРАНИЧНА

МЫ ДАЖЕ НЕ ЗАМЕТИЛИ, КАК ИНТЕРНЕТ ИЗ СРЕДСТВА «СВОБОДНОГО общения» и облегчения доступа к всевозможной информации превратился для некоторых в средство распространения ненависти и вражды. Соответственно, возникает проблема ответственности. Например, в прошлом году МВД России зафиксировало 1,5 тысячи преступлений на почве разжигания ненависти и экстремизма. Из них 9 процентов было совершено именно в Интернете. И в последние годы десятки человек получили реальные сроки заключения как за размещение информации экстремистской направленности, так и просто за ее репосты и даже «лайки».

Однако правоприменительная практика сильно разнится. За одно и то же преступление в виртуальном пространстве можно получить и штраф в тысячу рублей, и два года колонии. Потому что нет, например, четкого разграничения, когда это делается «намеренно», а когда «случайно».

Вопрос о том, не стоит ли смягчить наказание за «всего лишь репосты», задавался на прямой линии с президентом Владимиром Путиным в этом году. И вскоре Кремль дал понять, что он «против перегибов» по части наказания за репосты. Соответствующий законопроект появился в Думе. Он предусматривает частичную декриминализацию наказаний за перепосты или «лайки» в том числе экстремистского контента. Высказалась на эту не-простую тему и Русская православная церковь. Председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Волоколамский Иларион поддержал думский законопроект, предусматривающий отмену уголовной ответственности за репосты в соцсетях: «Я думаю, ответственность за публикации несут те, кто осуществляет эти публикации. Репост, то есть простая пересылка той или иной публикации какой-то группе людей, не может квалифицироваться как преступление, равное публикации конкретного материала», – считает он.

Истина, возможно, как всегда, где-то посередине. Скорее всего, полностью отменять уголовную ответственность за незаконные репосты в Сети законодатели не будут, опасаясь вернуться к временам «анархии» ранних лет развития Интернета. Разумнее, считают они, декриминализировать только первый случай «возбуждения ненависти и вражды» – за этот проступок будет грозить административная ответственность. А вот второе и последующие нарушения подобного характера будут караться по Уголовному кодексу. В любом случае времена «вседозволенности» в виртуальном пространстве кончились и уже более никогда не вернутся. А поиск оптимального соотношения свободы распространения информации и ответственности за распространение незаконной информации будет продолжаться, пока вообще существует Интернет. И это соотношение будет меняться в зависимости от развития общества, массового сознания и эволюции культурных ценностей. И именно поэтому регулирование Интернета уже никогда впредь не будет универсальным по всему миру. ♦

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник
заместителя
председателя
правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор
департамента
специальной связи
МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления
президента
Российской
Федерации
по межрегиональным
и культурным связям
с зарубежными
странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента
Российской Федерации

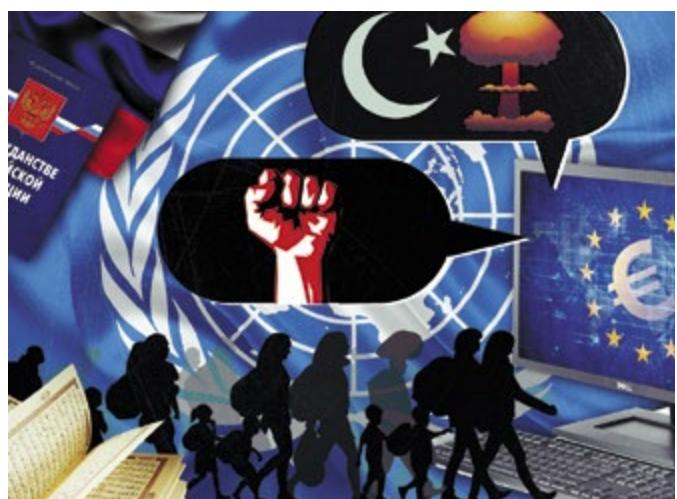

ЯКУНИН В.И.
Председатель
попечительского
совета Фонда Андрея
Первозванного
и Центра национальной
славы

РУССКИЙ МИР

- 06** Теракт столетней давности
08 Узник «Рижского центра»

СИТУАЦИИ

- 12** Пощечина демократии

ИНТЕРВЬЮ

- 16** Правда-истина Михаила Булгакова

- 22** Толстой – Тургенев – Достоевский: драма отношений

ИСТОРИЯ

- 30** Петропавловская оборона

- 36** Дела и дни маячного смотрителя

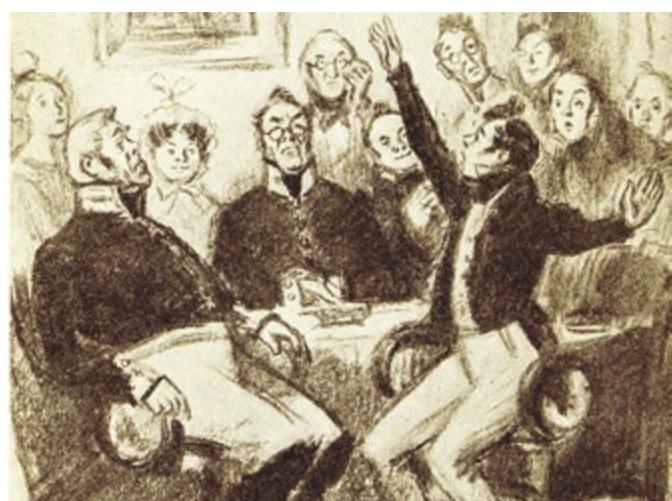
НАСЛЕДИЕ

- 40** Неслабеющий голос

- 48** Сны спящего мальчика

- 56** С Пушкиным на дружеской ноге

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА МУЗЕИ

62 Великий
графоман

68 Голоса-колокола

КУЛЬТУРА

78 Донецк смеется

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ ПУТЕШЕСТВИЕ

86 Жорж Санд
и «пылесборники»

90 Без малого
тысяча

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Николай МАНВЕЛОВ
Зоя МОЗАЛЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Дмитрий УРУШЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamour-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Олега БОРОДИНА

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

лишь в одном: теракт был провокацией против большевиков, последовавшей после подписания Брестского мира, который многими воспринимался как позорный и предательский.

Профессор Боннского университета Винфрид Баумгарт в своем докладе выдвинул версию, что за организацией убийства посла стоял Дзержинский. А немецкий историк Маттиас Уль считает, что с покушением на Мирбаха был связан и будущий военный атташе РСФСР в Германии Яков Фишман.

С немецкими коллегами не согласился итальянский историк, писатель, дипломат, экс-посол Италии в СССР Серджо Романо, выдвинувший свою версию: «Подготовка к убийству Мирбаха началась в марте 1917-го в Цюрихе. В июле против Временного правительства восстал Петроградский полк, и Ленин с Зиновьевым скрылись на даче под Выборгом, продолжая вести переговоры с немцами. В письме Троцкому Ленин писал: «Сейчас они нас всех расстреляют. Это лучший момент для них...» И как минимум должен был произойти их арест. Но министр юстиции сразу был отправлен в отставку, как только показал Керенскому документы, подтверждающие сговор большевиков с Германией и Швецией. В русскую революцию Германия вложила 50 миллионов золотых марок и, конечно, не была заинтересована в военных действиях на востоке Европы, поскольку была чрезвычайно занята на Западном фронте – во Франции. К тому же готовилось наступление на Фландрию. С Россией она воевать не хотела. А Ленин, в свою очередь, ни в коем случае не хотел отказываться от своих германских покровителей»...

В убийстве Мирбаха была заинтересована и партия левых эсеров во главе с Марией Спиридоновой. Во-первых, Ленин, прийдя к власти, распустил Учредительное собрание, в котором после выборов эсеры были в большинстве. Во-вторых, условия Брестского мира были унизительными для России, эсеры рассматривали договор как предательство. В-третьих, возобновление военных действий спасло бы честь

ТЕРАКТ СТОЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

СТО ЛЕТ НАЗАД, В ИЮЛЕ 1918-ГО, В МОСКВЕ левыми эсерами был убит посол Германской империи в РСФСР граф Вильгельм фон Мирбах. Террористический акт произошел в германском посольстве, располагавшемся тогда в экспроприированном большевиками особняке промышленника Сергея Берга. Убийство посла послужило сигналом для восстания левых эсеров.

В НАЧАЛЕ ИЮЛЯ В МОСКВЕ состоялась международная конференция «1918–2018: век истории в особняке Берга», организованная посольством Италии в РФ в сотрудничестве с посольством Германии, МИД РФ, Институтом Европы РАН, МГИМО, Итальянским институтом культуры и Гёте-Институтом в Москве.

После убийства Мирбаха в особняке Берга располагался исполком Коммунистического интернационала, а с 1924 года в нем разместилось посольство Италии. «С тех пор его называли «маленькой Италией», – заметил директор Института Европы, директор европейских программ фонда «Русский мир», модератор конференции Алексей Громыко. Поэтому помимо обсуждения тем о русско-немецких отношениях устроители задались целью

выявить константы и особенности итalo-российского диалога.

Посол Мирбах был застрелен 6 июля 1918 года двумя сотрудниками ВЧК – Яковом Блюмкиным и Николаем Андреевым, пришедшими в посольство под вымышленным предлогом: якобы среди немецких военнопленных находился родственник графа и они готовы содействовать его освобождению. Посол принял посетителей. Те, после нескольких минут разговора, выстрелили в Мирбаха четыре раза, бросили две гранаты и выпрыгнули в окно в палисадник. На улице их ждал автомобиль с включенным двигателем, и они благополучно скрылись...

Мирбах пал жертвой политических интриг, но попытки выявить истинные причины его гибели до сих пор не привели экспертов к общему пониманию. Согласны историки

Посол Италии
в России
Паскуале
Терраччано

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

страны и ослабило бы положение большевиков, что дало бы возможность эсерам прийти к власти. Согласно архивным данным, Блюмкин и Андреев были посланы на убийство Мирбаха именно этой партией. «Все политические силы России в тот момент находились в чрезвычайно жестком противостоянии и, по сути, представляли собой вражеские партии, – сказал Серджо Романо в беседе с корреспондентом «Русского мира.ru». – Левые эсеры надеялись, что эта провокация навредит большевикам. Однако их план провалился, и, по сути, фон Мирбах погиб ни за что. Все постреволюционные институты советской власти имели смешанный состав, во всех состояли эсеры и большевики. И многие политики ждали, кто в итоге возьмет верх. Возможно, Дзержинский поступал так же. «Конкуренция» – верное слово для характеристики его взаимоотношений с Лениным. Но из исследований о Якове Блюмкине становится ясно, что те документы, которые он предъявил в посольстве, были поддельными, а подпись Дзержинского – скопирована. И я не верю, что Дзержинский действительно присутствовал в посольстве Германии, когда Ленин приносил свои извинения»...

Убийство не имело политических последствий, а путь левых эсеров был подавлен за одну ночь...

На конференции также выступила с докладом прараправнучатая племянница посла графиня Мария фон Мирбах-Харфф, которая рассказала о жизни и семье Вильгельма фон Мирбаха.

«Работа дипломата сильно зависит от личности. А фон Мирбах был талантливым человеком, – сказал в беседе с корреспондентом «Русского мира.ru» посол Германии в России Рюдигер фон Фрич. – Как дипломат, он представлял интересы своего правительства и в работе следовал именно таким курсом. Думаю, мысль о незаинтересованности Германии в мире все-таки была сегодня высказана опрометчиво. Если мы попытаемся окунуться в менталитет того времени и понять историю с точки зрения тех событий, то можем констатировать: Германия и ее союзники в то время воевали на таком количестве фронтов, что они были заинтересованы в перемирии хотя бы на одном из них. Именно в этом была цель подписанного в Брест-Литовске мира. Германский рейх попытался все-таки сохранить свои военные связи с Россией, которым позднее был

Директор
Института
Европы РАН,
директор
европейских
программ фонда
«Русский мир»,
модератор
конференции
Алексей Громыко
и посол
Германии
в России,
историк Рюдигер
фон Фрич

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

задан новый дипломатический вектор. И как ужасно, что существуют фанатические идеологии, которые пытаются все оправдать – любые средства оправдать своей целью! Я думаю, ничто не может оправдать массовые убийства, которые находятся вне здравого смысла».

Конференция продолжилась в Институте Европы РАН. Здесь обсуждались вопросы противостояния России и Запада в конце XIX и в начале XX века. Итальянский историк Анджело Вентроне отметил, что в конце XIX столетия волна негатива пошла из США, где доминировала теория «массового общества» и был взят курс на отказ от духовных потребностей. В Европе осуждали такую модель общества, равно как и модель СССР: идеология и насилие. Исследователь продемонстрировал плакаты 1930–1940-х годов: профиль Сталина как «Тип преступника», скелет в форме советского солдата с подписью: «Голосуй или он будет твоим хозяином!» Пропаганда создавала образ врага, а политики сплачивались против коммунистической идеи. Но нет худа без добра, заметил историк Роберто Валле: в годы холодной войны и изоляции Россия избежала тех кризисов, которые жестоко были в XX веке по Европе...

В финале конференции посол Италии в РФ Паскуале Терраччано процитировал Максима Горького: «Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего». И мы на этой встрече в очередной раз могли убедиться в том, что насилие никогда не приводит к позитивным результатам».

«Мы говорили о целом веке, история присутствовала во всех темах выступлений, – подвел итог мероприятия Алексей Громыко. – Кто кого использовал в конце концов – Россия или Германия? Однозначного ответа нет до сих пор. Эта неисчерпаемость тем исследования говорит о повторяемости истории: достаточно вспомнить о конфликтах в современном мире. Так что история – всегда актуальна».

Материалы и доклады всех участников конференции войдут в специальное издание Института Европы РАН.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

УЗНИК «РИЖСКОГО ЦЕНТРАЛА»

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ИМЯ ЛАТВИЙСКОГО ПРАВОЗАЩИТНИКА ПРОФЕССОРА АЛЕКСАНДРА ГАПОНЕНКО, КОТОРЫЙ БОЛЕЕ ДВУХ МЕСЯЦЕВ НАХОДИТСЯ ПОД АРЕСТОМ ПО ОБВИНЕНИЮ В АНТИГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СЕГОДНЯ ИЗВЕСТНО ВО МНОГИХ СТРАНАХ. НАКАНУНЕ НЕДАВНЕГО СУДЕБНОГО СЛУШАНИЯ ПО ЕГО ДЕЛУ В СТОЛИЦАХ НЕСКОЛЬКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРЕД ПОСОЛЬСТВАМИ ЛАТВИИ ПРОШЛИ ПИКЕТЫ В ПОДДЕРЖКУ ГАПОНЕНКО. УВЫ, МЕСТНАЯ ФЕМИДА ОСТАЛАСЬ ГЛУХА КО ВСЕМ ПРИЗЫВАМ: 64-ЛЕТНЕМУ ДОКТОРУ ЭКОНОМИКИ, АКТИВИСТУ ШТАБА ЗАЩИТЫ РУССКИХ ШКОЛ ВНОВЬ ПРОДЛИЛИ СРОК СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ ЕЩЕ НА ДВА МЕСЯЦА...

Он никого не убил, не ограбил, не пытался организовать переворот в стране. Он не проводил несанкционированных митингов и не призывал к насилиственному свержению власти. Вся вина общественного деятеля, профессора, члена Нью-Йоркской академии наук заключается лишь в его критическом отношении к правящим властям, излагаемом в книгах, фильмах, выступлениях в СМИ и саркастических статьях, опубликованных на его же страничке в «Фейсбуке». Но, как оказалось, в современной Латвии на любого человека, выступающего в защиту прав русскоязычного населения, теперь можно найти подходящую статью в Уголовном кодексе ЛР.

Александр Гапоненко был арестован 20 апреля – через три недели после его выступления на Вселатвийском родительском собрании и митинге, где он предложил обратиться к России с просьбой ввести санкции против русофобов, виновных в уничтожении русского образования в Латвии. Вменяется ему в вину и очередной его политический прогноз в «Фейсбуке», в котором публицист предположил, что во

СУДЕБНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ в Рижском суде проводились за закрытыми дверьми, поскольку делу Гапоненко, по настоянию местных спецслужб, придан статус секретного. И лишь в коридоре, через который конвой вводил его в наручни-

ках в зал заседаний, журналистам и друзьям удавалось задать несколько вопросов Александру. Он успел сказать, что в день ареста его держали в наручниках 11 часов, издевались, не давали ни есть, ни пить. Напомним, что 64-летний профессор всего два года назад перенес инфаркт.

громкость оба своих телевизора. От постоянного шума, невыносимой духоты и тесноты профессор находится на грани нервного истощения. Беспокоят его скачки давления, больное сердце. Из лекарств – валидол... Отдушиной были занятия спортом, но с недавних пор Александра вычеркнули из списков тех, кому это разрешено. Правозащитник уверен, это сделано за то, что он отказывается от сотрудничества со следствием и не дает показаний против себя, к чему его постоянно призывают. Содержание за решеткой он считает самой настоящей пыткой.

Эта информация была передана друзьями правозащитника в комитет по пыткам при ООН с просьбой провести проверку законности содержания под стражей латвийского гражданского активиста. Но ООН пока безмолвствует, как и европейские структуры, куда тоже потоком идут жалобы из Латвии. В защиту Гапоненко выступили председатель комитета Государственной думы РФ по образованию и науке Вячеслав Никонов, уполномоченный по правам человека в РФ Татьяна Москалькова, директор департамента МИД РФ по работе с соотечественниками за рубежом Олег Мальгинов. Освободить Гапоненко потребовали партия «Русский союз Латвии», Союз наблюдателей за правами человека Литвы, «Социалистический народный фронт Литвы», Координационный совет организаций российских соотечественников Грузии и Молдавии. У посольств Латвии 19 июня в нескольких странах состоялись пикеты протеста против ареста Гапоненко.

Два охранника завели подсудимого в зал, его руки были скованы наручниками. Все собравшиеся в зале встали и приветствовали Гапоненко аплодисментами. Когда Александру удалось совладать с волнением, он с горечью произнес: «Вот, друзья, такова судьба русских правозащитников: кандалы и камера за то, что мы защищаем право своих детей учиться на родном языке, хотим сохранить русскую школу и свою православную веру...»

До прихода судьи нам удалось еще минут десять поговорить с узником

ПОКА БЕЗМОЛВСТВУЕТ ООН

На время объявленных военных учений НАТО в странах Балтии начнулись массовые аресты лидеров русских общественных организаций. На момент ареста было известно о двух статьях, инкриминируемых Гапоненко, – разжигание межнациональной розни и действия, направленные против государственной независимости Латвии. Но пока суд да дело, количество уголовных статей увеличилось...

Это уже второе дело, возбужденное местными службами безопасности против латвийского правозащитника. Первое, тоже «за разжигание розни», тянется уже пару лет. И опять из-за публикации в «Фейсбуке», где Александр опубликовал ссылку на статью одного из российских информационных агентств, в которой шла речь о возможном развязывании большой войны в Прибалтике. В комментариях Александр упомянул американские танки, как нельзя кстати появившиеся на улицах Риги. Трем депутатам Сейма Латвии, известным патриотам, его заметки очень не понравились. И они написали заявления в Полицию безопасности с просьбой привлечь распоясавшегося профессора к уголовной ответственности. Процесс пошел. И второе слушание было назначено на 19 июня. К тому времени Гапоненко находился в тюрьме уже по новому делу.

Бельгия,
Брюссель. Пикет
у посольства
Латвии

Адвокат
Имма Янсоне
считает, что нет
никаких право-
вых оснований
держать под
стражей ее
подзащитного.
Жалоба на про-
извольный арест
Александра
Гапоненко уже
отправлена
в ЕСПЧ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

совести, как его сейчас многие называют. Александр рассказал, что Полиция безопасности его шантажирует, на него оказывается психологическое давление. У него нет возможности нормально готовиться к суду, поскольку нет доступа ни к компьютеру, где собраны все необходимые материалы, ни к Интернету. «За эти два месяца меня не допрашивали, – сообщил Гапоненко. – За решеткой держат, чтобы я сломался и дал признательные показания в преступлениях, которые я никогда не совершал...». Он поблагодарил за книги, которые ему передали друзья, сказал, что, несмотря на ужасные условия, уже написал почти треть монографии и даже половину повести «Битва при Молодях».

– Это очень интересная история, нигде не описанная, о том, как русские войска разгромили крымско-татарское войско, в шесть раз превосходившее их по численности. Работать в камере сложно, мало того что шумно, так еще жара была жуткая. Сидел у приоткрытого окошка и писал. Плохо, что в камере темновато, просил лампу настольную – нельзя! Еще беда – ручек не хватает, хоть пальцем пиши!

При этих словах я ринулась было к скамье подсудимых, протягивая арестованному две шариковые ручки, но была остановлена конвойным: не положено! Уговоры, естественно, не помогли. Александр успел сказать, что в его деле, видимо, будет использована технология, когда-то опробованная на Димитрове, которого пытались обвинить в поджоге Рейхстага, как в зал вошла судья и суд начал работу. Выяснилось, что не пришли ключевые свидетели: эксперт-лингвист от обвинения и один из авторов доноса в ПБ – депутат парламента Латвии Вейко Сполитис, известный ездой на автомобиле в нетрезвом виде, а также своими русофобскими высказываниями. Именно он с трибуны Сейма призывал запретить георгиевские ленточки, выступал за снос памятника Освободителям Риги от нацистских захватчиков. И именно Сполитис потребовал от Полиции безопасности привлечь лидера «Конгресса неграждан» за «разжигание национальной, этни-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

литовские антифашисты провели пикет в защиту латвийского политзаключенного у здания посольства Латвии в Вильнюсе

За выступление на Всеславянском родительском собрании против Владимира Линдermana также было возбуждено уголовное дело. Сейчас он находится на свободе, но под подпиской о невыезде

ческой и расовой ненависти» за его посты соцсетях... Депутата пришлось ждать полчаса, он приехал лишь после звонка судьи. Подтвердил, что считает посты профессора Гапоненко в «Фейсбуке» разжигающими межнациональную рознь. На вопрос Александра: «Уточните, к какому этносу относятся американские танки, ведь в «Фейсбуке» я писал об их прибытии в Ригу и своих опасениях по этому поводу. Вы посчитали мои слова разжигающими межнациональную рознь, но не указали, к кому я разжигал рознь – к американским танкам?» – депутат от ответа уклонился, назвав все это глупостью. Тогда непонятно, зачем же было обращаться в Полицию безопасности? А вот эксперт, увы, уехал за границу, поэтому выслушать его компетентное мнение суде не удалось. В связи с чем слушание дела перенесли на 21 сентября!

ОБВИНЕНИЕ В ШПИОНАЖЕ

А через два дня в этом же здании, но другим судьей, рассматривалось ходатайство адвоката об изменении меры пресечения Александру Гапоненко. Поскольку слушания на этот раз проходили при закрытых дверях, ждать вердикта нам пришлось в коридоре. Все это время мы обсуждали, отпустят сегодня Александра, который и так уже два месяца провел в тюрьме, или добавят ему еще два месяца... Оптимизм внушало недавнее освобождение Владимира Линдermana, соратника Гапоненко, арестованного 8 мая за выступление на том же Родительском собрании, но выпущенного через две недели решением Окружного суда под подписку о невыезде. Но тут прошла информация, что Гапоненко добавили еще одну статью обвинения, связанную со шпионажем, значит, шансы увидеть его на свободе невелики.

Два часа гнетущего ожидания действительно закончились разочарованием: правозащитника вывели в наручниках. Он был явно в подавленном состоянии, успел крикнуть, что все плохо, ему продлили арест еще на два месяца. «Друзья, спасибо всем за поддержку – я не виновен!» – проговорил Александр Гапоненко, отвечая на вопросы бегущих за ним журналистов. Решение суда о продлении ему меры содержания под стражей еще на два месяца –

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Судьба русского правозащитника в Латвии – кандалы да камера...»

ется грубейшим нарушением Европейской конвенции по правам человека. В жалобе, отправленной в ЕСПЧ, содержится перечень статей Европейской конвенции, которые, по мнению Александра Гапоненко, нарушил суд – это «Свобода выражения мнения», «Свобода собраний и объединений» и др. Кроме того, в жалобе говорится о фактах беспрецедентного давления на подследственного и шантаж. Так, 19 июня в камеру к Гапоненко в сопровождении следователя явился глава ПБ, тот самый, на которого Александр в прошлом году написал жалобу в прокуратуру Международного уголовного суда за его преследование русских активистов Латвии. Узнику «Рижского центра» в обмен на свободу предложили дать показания в том, что свою общественную деятельность он вел по заданию Москвы. Услышав отказ, ему пригрозили дополнительной статьей УК – той самой, 81-й, в ее новой редакции. Эта угроза была реализована.

Известный эстонский юрист и правозащитник Сергей Середенко сравнил дело Гапоненко с делом польского активиста Матеуша Пискорского, который уже третий год сидит в тюрьме в Польше по обвинению в шпионаже в пользу России и Китая. Но в отношении Пискорского уже вынесено заключение рабочей группы при верховном комиссаре ООН по правам человека, которая потребовала от польских властей освобождения правозащитника с выплатой ему компенсации. В этом заключении также отмечается, что Пискорский был лишен свободы за мирное использование им права на свободу мнения и выражения, свободу собраний и ассоциаций, права участвовать в управлении своей страной и заниматься публичной деятельностью согласно Всеобщей декларации прав человека. Политический заключенный, которым, несомненно, является Александр Гапоненко, обвиняется в Латвии практически по тем же статьям, что и Пискорский. Руководство Евросоюза не раз выступало за соблюдение прав человека, более того, в базовых документах ЕС существует специальный раздел о поддержке правозащитников. Но что-то не слышно европейских голосов, призывающих освободить узников совести Польши и Латвии.

окончательное и обжалованию не подлежит.

Мы окружили адвоката Имму Янсоне. «Что сказать? Мы имеем дело с откровенной и беспрецедентной манипуляцией, – признала она. – Основной причиной отказа стало то, что подсудимый не идет на сделку со следствием и не признает себя виновным. В данном случае нарушено право Гапоненко на защиту – решение суда обжаловать нельзя, а обвинение выдвигает суду новые аргументы, которых раньше не было. Теперь ему добавляют обвинение еще и по статье 81.1 – «Помощь иностранному государству в действиях против интересов безопасности ЛР». В связи с этим у нас есть все основания подать жалобу в Европейский суд по правам человека. Мой подзащитный просил передать содержание этой жалобы в СМИ, что я и сделала».

«ПОЛУ-ШПИОНАЖ»

По словам активиста Штаба защиты русских школ Владимира Линдермана, статья, инкриминируемая Гапоненко, рассчитана на те случаи, когда судить человека за шпионаж в пользу России не получается – нет юридических оснований, а посадить русского активиста очень хочется. Вот и придумали такой «полу-шпионаж», обвинить в котором при желании можно любого общественного деятеля Латвии, участвующего в международных конференциях, выступающего в СМИ с критической оценкой политического курса правящих властей и т.п. Все эти действия с легкостью можно посчитать «помощью иностранному государству».

В случае с задержанием Гапоненко есть важный фактор: президент страны, премьер-министр и глава МВД публично высказывались за арест русского правозащитника, что явля-

Пикеты против политических преследований за инакомыслие прошли и в Риге

ПОЩЕЧИНА ДЕМОКРАТИИ

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ПОЧЕМУ В РОССИИ СНИЖАЕТСЯ УРОВЕНЬ КСЕНОФОБИИ И РАДИКАЛИЗМА, НО РАСТЕТ КИБЕРБУЛЛИНГ?

ДОКЛАД ООН 2017 ГОДА «О глобальных угрозах» преподнес сюрприз: в документе констатируется, что в последние годы в мире растут проявления ксенофобии и радикализма, а в России они, напротив, падают. В Евросоюзе их рост составил 77 процентов относительно 2000 года, в США и на Ближнем Востоке – по 42 процента, а в РФ отмечено падение ксенофобских и радикальных настроений до 12 процентов против 21 процента в 2000 году. Но есть и обратная сторона медали: вместе с США и ЕС Россия входит в число мировых лидеров по темпам роста проявления ненависти в Интернете. При этом РФ и Китай в числе «предовиков» по части уголовного преследования ксенофобии и радикализма в глобальной сети, а западные страны – последовательные противники ограничения «свободы слова».

– «Развилка» в отношении ко злу ксенофобии условных Запада и Востока, – считает президент РГГУ, член-корреспондент РАН Ефим Пивовар, – тот самый зазор, который дает силу новой ксенофобии. Данность такова, что с наступлением эры цифровой экономики, впервых, размываются границы, во-вторых, стремительно развиваются высокие технологии, коими являются в том числе Интернет и социальные

сети. В-третьих, стремительность прогресса имеет издержки в виде роста радикализма в социальных сетях, создающих в киберпространстве систему угроз. Поэтому для начала надо понять: радикализм и экстремизм нельзя победить навсегда, их надо побеждать регулярно, постепенно и терпеливо. Это стратегически. Тактически нам надо повышать сопротивляемость этим явлениям и постепенно маргинализовать радикальные идеи и группы людей, их продвигающих. Для этого надо научиться молниеносно отвечать на вызовы.

КУДА УХОДЯТ КСЕНОФОБЫ

Однако в силу консервативности Востока и толерантности Запада пока им оперативно отвечать на вызовы не удается. К тому же разница подходов Запада и Востока, включая серьезные различия их законодательств, ведет к новому феномену. Мировыми лидерами роста проявлений ксенофобии стали страны, где меньше, чем у соседей, мигрантов или беженцев, – Италия (91 процент), Венгрия и Украина (по 90 процентов), Эстония (87 процентов), Армения (81 процент) и Польша (80 процентов).

Польша до сих пор в шоке от майского избиения подростками профессора Варшавского университета, который в трамвае по телефону заговорил на

немецком языке. Как установила полиция, хулиганы были интернет-«фанами» движения футбольных болельщиков, что, в общем, лишь подтверждает мнение о миграции ксенофобии в Сеть.

По данным ООН, лидером этой тенденции является Великобритания. Сам процесс незамысловат: сначала наблюдается рост виртуальных проявлений радикализма (в Великобритании – 19 процентов), а затем они выплескиваются на улицу, про-

ЦЕННОСТИ ПРОТИВ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

– Примеру России Европа не только не следует, – комментирует ситуацию руководитель Центра мониторинга и компартивного анализа межкультурных коммуникаций при Московском институте психоанализа Валерий Энгель, – но и осуждает его. На мой взгляд, это конфликт между ценностями и целесообразностью. Так, Италия и Франция аргументируют свою позицию верностью Конституции и демократическим ценностям, в частности свободе слова. Аргумент же о том, что носителями радикализма выступают не только исламские радикалы, но и правые радикалы Европы, упирается в контраргумент – закон для всех один.

Вот только во Франции уже раздаются голоса о необходимости введения «двух законов для двух общин». Так, 75 процентов мигрантов не хотят ассимилироваться, 47 процентов не знают французского языка и не намерены его учить, а 37 процентов требуют введения законов шариата. Радикализируются и умонастроения французов: 47 процентов из них выступают против увеличения числа мигрантов, 71 процент – против введения законов шариата в районах, заселенных мигрантами. Приблизительно те же настроения царят в соцсетях Великобритании и Германии.

КОПИА ОЛЕГА БОРОДИНА

Эксперты ООН тенденцию к отказу мигрантов от ассимиляции считают трендом будущего, который будет питать радикализм.

– Главные причины роста ксенофобии, – считает профессор факультета психологии МГУ Александр Асмолов, – ускорение глобализации и смена приоритетов личности. Если раньше природу глобализации определяли американские и европейские офшоры в Китае, где зарплаты ниже, а прибыль выше, то сегодня офшоры от высоких технологий перебираются в ЕС, Россию и Индию. Они лишают рабочих мест «среднегородского» европейца, что порождает

воцируя рост реальных преступлений (31 процент). То же самое наблюдается в Германии: рост проявлений ксенофобии в Сети 17 процентов, увеличение реальных преступлений на почве радикализма – 27 процентов. К сожалению, схожие ситуации складываются в большинстве стран Европы, за исключением Польши и России. В этих двух странах проявления ненависти в Интернете уголовно наказуемы. В результате, по данным ООН, в России

рост проявлений ненависти в Сети составил 9 процентов – это самый низкий показатель в Европе. А количество реальных преступлений на почве ненависти сократилось на 33 процента. Правда, при этом эксперты ООН говорят об осторожном отношении к статистике МВД РФ, которую, по их мнению, отличает некоторая «лакировка действительности». Но признают: российская статистика «в целом отражает реальность, а пример России достоин изучения».

прослойку правых радикалов, которые боятся «чужих». Еще конкуренты приезжают с иными культурными устоями и не намерены, как раньше, менять свою идентичность.

С Александром Асмоловым согласен Валерий Энгель. Он привел в пример сына. Тот работает в Латвии программистом в американской компании за 1500 евро, что по местным меркам является высокой зарплатой. Программисты из США и ЕС в его компании отказываются работать и за 4 тысячи евро, требуя оклад как «дома» – в 5–6 тысяч евро, где их тоже теснят конкуренты из Индии и России.

КТО ПИТАЕТ РАДИКАЛИЗМ

В увеличении числа мигрантов – «новых чужих», подверженных влиянию радикалов и прежде всего религиозных экстремистов, – председатель Духовного управления мусульман Москвы Ильдар Аляутдинов видит не угрозы джихадизма, а очевидные просчеты миграционной политики.

– Почему из среды мигрантов из стран Центральной Азии, работающих, например, в России и Казахстане, активно идет вербовка adeptов ДАИШ (деятельность этой организации запрещена в России. – Прим. ред.)? – говорит Ильдар Аляутдинов. – А их, мигрантов, отвергают страны пребывания. Им или платят копейки, или обманывают. И их отторгают общество. Социальная незащищенность мигрантов как в странах исхода, откуда их выдали бедность и безразличие чиновничьих элит, так и в странах пребывания, где мигранты часто превращаются в изгоев, – вот причина радикализации этой части социума. Тут главное – тотальное безразличие чиновничества. И вот мигранты, оторванные от семей и родины, часто живущие в подвалах, вдруг слышат: «Брат, давай им всем покажем!» Это одна сторона проблемы. Но есть и другая. Вербовщики легко заманивают мусульман

как пушечное мясо и из благополучных стран Евросоюза. Как? Опять «во имя идеи». В ЕС в мусульманских сообществах царствует духовная пустота. На фоне отторжения со стороны местного населения она усиливает желание приобщиться к идеи «рай на Земле», как себя позиционирует ДАИШ. Так мигрантам России и ЕС экстремисты, проникающие в мечети, «дарят» изощренный суррогат веры.

Выход в Духовном управлении мусульман Москвы и России видят в традиционном религиозном образовании, но встроенном в контекст социума.

– Религиозное просвещение работает лишь в комплексе с законодательными, воспитательными и иными мерами, включая и репрессивные, по отношению к экстремистским идеям, – считает первый заместитель председателя Совета муфтиев России и Духовного управления

ЯЗЫК ОНЛАЙН-НЕНАВИСТИ

На первый взгляд в Интернете главенствуют позитивные ценности: по данным Фонда развития Интернета РФ, позитивная информация в Сети составляет 80 процентов и лишь 20 процентов приходится на негатив или, как «говорят» в соцсетях, «чернуху». Но и 20 процентов – это довольно много. По крайней мере, больше, чем нужно, чтобы в Сети, как считают учёные, зрел конфликт социумов. Его проявления для многих пользователей уже стали вполне привычными. Например, в польских социальных сетях никто не возмущается появлением объявлений с уточнением: «Украинцам просьба не обращаться». Или вот, к примеру, распространенные объявления в российских сетях: «Сдаю жилье. Только для славян», «Русская бригада строителей. Работа под ключ». И даже подобные проявления «языка вражды» – это, как утверждают психологи, позавчерашний день. Сегодня ситуация усугубилась. Так, по данным Фонда развития Интернета, 20 процентов так называемой радикальной коммуникации в Сети делится на следующие «подвиды»: нецензурная лексика – 37 процентов; троллинг (provokacii) – 52 процента; киберунижения – 55 процентов; кибербуллинг (травля в Интернете) – 69 процентов.

В мире набирает обороты крайняя форма интернет-ненависти – травля в Сети. В России от нее чаще страдает молодежь до 23 лет. 86 процентов из них хотя бы раз подвергались травле.

– Рост виртуальной ксенофобии и ненависти – это пощечина демократии и вызов традиционным ценностям, – убеждена директор Фонда развития Интернета Галина Солдатова. – То, что старая болезнь человечества прячется в новую обертку – «цифру», предупреждение всем: чтобы защитить ценности, нужна соразмер-

ность комплекса мер. И репресивных мер, и терпимости по отношению к радикалам, и снижения аппетитов глобализации, которая надрывается в погоне за сверхприбылями.

ИГРА НА ОПЕРЕЖЕНИЕ

Как прогнозируют авторы доклада ООН «О глобальных угрозах», основные болевые точки будущего роста ксенофобии в мире – это Интернет и цифровизация жизни. А точнее – роботизация производства и усиление влияния искусственного интеллекта.

С одной стороны, страны и народы, у которых хватит материальных и интеллектуальных ресурсов, смогут войти в «цифровую» экономику. Те, кто «опаздывает» и не успеет встроиться в этот процесс, проигрывают конкурентную гонку и обрекут свои народы на неприкосновенность миграции. С другой стороны, «цифра» и роботизация вынуждают человека уходить из материального производства. Как в таком случае решать проблему занятости населения? Проще говоря, куда девать людей? И молодежь в такой ситуации – особая группа риска.

– Только не надо злорадствовать по поводу «пощечины демократии»: этого от нас как раз и ждут носители новой ксенофобии, – убежден Ефим Пивовар. – Думающим людям нужно научиться терпеливо сближать позиции. У каждого государства и народа свои приоритеты, и мы не должны на них посягать. Но есть четкое понимание: человеческий ресурс ограничен, и мы, осознавая ценность человеческого капитала, должны бороться за каждого своего гражданина. Увести от экстремистов человека можно и нужно. Во-первых, в игре на опережение радикалов. Во-вторых, в укреплении традиционных ценностей. В-третьих, в гибком встраивании в информационное общество и цифровую экономику всех граждан. ●

мусульман Российской Федерации Рушан Аббасов. – Все преступления в Интернете, начиная с обычных киберскорблений и взломов страниц и заканчивая призывами экстремистского толка, призывами к суициду или хакерскими атаками, надо качественно расследовать: устанавливать места и устройства преступлений. А вслед выстраивать позитивные ценности и блокировать негативные проявления.

ПРАВДА-ИСТИНА МИХАИЛА БУЛГАКОВА

БЕСЕДОВАЛ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

СПОРЫ ВОКРУГ ТВОРЧЕСТВА МИХАИЛА БУЛГАКОВА
НЕ УТИХАЮТ ПО СЕЙ ДЕНЬ. КАК ОТНЕСТИСЬ К НИМ?
КЕМ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ БЫЛ МИХАИЛ БУЛГАКОВ?
ЧТО ДЕЛАЕТ СТОЛЬ ЗЛОБОДНЕВНЫМИ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ?
ОБ ЭТОМ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ
СОТРУДНИК ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
ЕВГЕНИЙ ЯБЛОКОВ.

— Евгений Александрович, готовясь к беседе, я прослушал в Интернете несколько лекций о творчестве Булгакова и убедился, что он по-прежнему остается в центре литературных полемик. Причем — чем и отличается наше время от 60–70-х годов XX века — его образ трактуется «с понижением»: одни называют его «философом для бедных», другие считают чуть ли не сталинистом...

— Да, это отдельная тема. Про историю интерпретаций булгаковского творчества можно было бы написать прелюбопытную книжку. В 1920-е годы он слыл белогвардейцем, в 1970-е был неоспоримым авторитетом, философом, практически религиозным писателем «для избранных» — имею в виду прежде всего роман «Мастер и Маргарита». Такое отношение продержалось до перестройки. Потом, в годы клерикального бума, его стали именовать сатанистом.

Однако новое время — новые выдумки. Сейчас в моде очередной ярлык — «сталинист». Аргументация немудреная: последним законченным произведением Булгакова была драма о молодом Сталине — «Батум», которую МХАТ заказал писателю в 1939 году, к шестидесятилетию вождя. Стало быть, сталинист. А жена его, Елена Сергеевна, оказывается, была агентессой НКВД. Про это уж лет двадцать твердят Мариэтта Чудакова, не предъявляя никаких доказательств. Была, потому что не могла не быть! Ведь Булгакова же не тронули —

не посадили, даже не арестовали. И предыдущего мужа Елены Сергеевны, генерала Шиловского, тоже не убили и не посадили — следовательно... Такая вот «логика». Как будто агент НКВД мог что-то вытребовать у этого ведомства! Но уж если человек мним себя генеральным булгаковедом и учителем жизни, ему логика не указ. Хотя именно Чудакова дольше других работала с дневником Елены Сергеевны и знает, что про «агентуру» в писательской среде там говорится немало и с отвращением. Из того же ряда — широковещательные речи литератора Дмитрия Быкова, почему-то считающего себя литературоведом, хотя даже тексты, про которые Быков говорит, он знает плохо — это относится и к роману «Мастер и Маргарита». Наивная суть «концепции» Быкова в том, что роман был написан для Сталина и, соответственно, Воланд — это Сталин. А мораль «Мастера и Маргариты», по Быкову, примерно такова: ты, великий вождь, можешь делать все, что захочешь, в неограниченном количестве убивать мелких людышек — только вот нас, талантливых, не трогай, даруй нам покой... И вся эта ахинея внедряется в мозги. Не думаю, что существует какой-то конспирологический план по дискредитации Булгакова — сейчас про многих писателей, и не только, несут такое, что не приведи господь. Влияет, как говорится, стиль эпохи — пошлый, меркантильный, нагло-саморекламный. Ну и зависть, конечно, играет роль — помните поэта Рюхина перед памятником Пушкину?

— А в чем, с вашей точки зрения, заключено послание Булгакова? Работая над «Мастером и Маргаритой», он знал, что роман не опубликуют?

— Думаю, знал.

— Двенадцать лет работал в стол. Значит, что-то сокровенное наверняка в этот роман вложил...

— Да он в каждый текст вкладывал сокровенное. И всю жизнь фактически проработал в стол — ведь опубликована при жизни Булгакова была ничтожная часть написанного. «Закатный» роман — это он так назвал «Мастера» в одном из писем, — наверное, самый сокровенный. Но дело в том, что я привык смотреть на произведение «со стороны текста», а не «со стороны автора» — ведь в душу писателя, даже если бы он был жив, влезть не получится. В лучшем случае выйдут фантазии, вроде «писал для Сталина»... А «от текста» можно приводить аргументы, доказывать, полемизировать — то есть вести себя как нормальные цивилизованные люди. Например, можно заметить, что, стремясь воплотить нечто глубоко сокровенное, Булгаков пользуется весьма «традиционными» средствами. Ведь история о том, как сатана приходит к людям и что из этого получается, — сюжет, воплотившийся в литературе сотни раз — вспомним того же «Фауста». Вопрос в том, зачем и как Булгаков его использует.

Говоря обобщенно, булгаковские сюжеты воплощают, в сущности, одну ситуацию: человек перед лицом Катастрофы — самодовлеющей силы, которая так или иначе наступает и переворачивает всеобщую жизнь. И вот как человек будет ве-

сти себя перед лицом Катастрофы — именно это для Булгакова важно. В «Белой гвардии» жизнь Турбина рушится под ударами «бурана» — эпиграф из «Капитанской дочки», — который, однако, разыгрывается не в первый раз, если судить по критериям «большой», всеобщей истории. Недаром место действия в «Белой гвардии» носит название «Город» — это, так сказать, «город вообще», хотя в нем нетрудно узнать реальный Киев. А в «Мастере и Маргарите» подобную катастрофу олицетворяет Воланд — хотя бы потому, что категорически не вписывается в советский уклад 1920-х годов. Вы, может быть, помните, каким предстает Воланд Маргарите, когда в последнем полете ночь сдирает с всадников шутовские наряды, в которых они орудовали в Москве.

— Не помню. Но конь его превратился в глыбу мрака...

— А поводья — в звезды. И сам Воланд как бы растворяется в звездном небе. Он и есть звездное небо — Бесконечность. Булгакова, собственно, это и интересует: как ведет себя человек перед лицом Бесконечности. У Льва Толстого в книге «Круг чтения» сказано: «Истинная религия есть такое установленное человеком отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками». У Булгакова воплощено что-то очень похожее. Как только ты заявил нечто о Боге — например, что его нет, — ты сразу включаешься в круг взаимоотношений с Бесконечностью. Вот она к тебе пришла и села

на скамейку возле пруда – давай, мол, побеседуем, испытаем тебя на прочность...

Неслучайно разговор Воланда и Берлиоза очень быстро приходит к Канту. По Канту, Бог непознаем – мы можем лишь догадываться о его присутствии. Кантовское доказательство бытия Божия, про которое говорят в романе, примерно таково. Если человек способен на поступки, идущие вразрез с его эгоистическими, прагматическими интересами, то это и свидетельствует о существовании Бога. Бог есть стихийная нравственность – он прежде всего «внутри». Помните знаменитую фразу из кантовской «Критики практического разума» – о том, что существуют две вещи, которые «наполняют душу всегда новым <...> удивлением и благоговением. <...> Это звездное небо над нами и моральный закон в нас».

Воланд и есть это самое звездное небо, космос, Все-ленная. Он вседесущ. Он вне времени. Он не добр и не зол. Представления о добре и зле свойственны только людям – они не могут ни существовать, ни мыслить вне оценки, вне аксиологии. И Воланду подчас любопытно такое «человеческое» измерение. Когда во время сеанса в Варьете Бенгальскому отрывают голову, Воланд поворачивается на восклицание: «Ради бога, не мучьте его!» И в итоге заключает: «Люди как люди. <...> Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних...» Хотя Булгаков и сатирик, но для него важнее не «грехи» как таковые, а то, как человек их, так сказать, изживает. Помните, как после бала Маргарита просит за Фриду?

– Да.

– Важна именно коллизия раскаяния. Грешник мучился – и прощен. То же самое с Пилатом. Он, как говорится в романе, двенадцать тысяч лун думал лишь о том, что послал невинного человека на смерть; в итоге его грех «отпущен» – как и сам Пилат буквально отпущен с того кресла, в котором просидел все это время.

Если говорить о нравственно-философских идеях Булгакова, то он писатель абсолютно «традиционный». В его книгах «узнаются» Пушкин, Достоевский, Толстой... Все проходили в школе «Капитансскую дочку» с императивом «Береги честь смолоду» – это типично «булгаковская» проблема. В «Войне и мире» Ростопчин отправляет на смерть невиновного человека в лисьем тулупчике, отдает его толпе на растерзание, а потом перед Ростопчиным на улице появляется сумасшедший, кричаший, что он Христос, и Ростопчин понимает, что теперь уже никогда не забудет того погубленного в лисьем тулупчике; вот вам и булгаковский Пилат. И Достоевский, конечно, очень важен – особенно «Бесы». Похоже, у Булгакова в какой-то период это была настольная книга, потому что у него множество реминисценций из романа Достоевского, а есть и прямые цитаты. Например, в «Белой гвардии» инфернальный

клетчатый «кошмар» – явный предшественник Коровьева – является к Алексею Турбину со словами из «Бесов», увы, в полной мере актуальными и для сегодняшней нашей жизни: «Русскому человеку честь – одно только лишнее бремя».

– *А у меня впечатление, что в «Мастере и Маргарите» Булгаков, по сути, написал два апокрифа. Один апокриф – об Иисусе Христе, вот этот роман Мастера...*

– Но он же не пишет об Иисусе. Он пишет о человеке, который, по сути, совершенно непохож на Иисуса, имеет лишь «внешние» его атрибуты. Мы просто автоматически «достраиваем» образ Иешуа до образа Христа, следя культурной инерции. Это хитрость Булгакова: с одной стороны, всё вроде как в Евангелии, как бы узываемо, а с другой – совершенно не так, про другое. В романе Мастера нет никакого Сына Божия, перепутаны реалии. Возникает совсем иная картина: перед нами невинный человек, который гибнет, попав между молотом и наковальней – метрополией (Рим) и колонией (Иудея). И, в отличие от Евангелия, акцент смещен на другого человека – Пилата, с которым связана проблема вины: коллизия трусости, раскаяния и прощения. И сочинение Мастера называется романом о Понтии Пилате: он главный герой.

Если смотреть «извне» и взять за точку отсчета Евангелие – Булгаков действительно имитирует апокриф. Но если попытаться понять внутреннюю логику романа, необходимо прежде всего осознать, «увидеть», что в романе Мастера всё совсем не так, как в Евангелии. Сохранен, так сказать, внешний антураж евангельского сюжета, но по сути иначе. Недаром в самом начале «Мастера и Маргариты» поставлен вопрос о том, как «на самом деле» происходили события, описанные в Евангелиях, имели ли они место в действительности и так далее. И по внутренней логике булгаковского романа выходит, что события эти «на самом деле» происходили так, как описано в романе Мастера – именно этот текст «восстановил» факты в их достоверности. А дальше возникает вопрос о том, как эти события впоследствии были зафиксированы, интерпретированы. Иначе говоря – что из них сделал Левий Матвей, ведший записи, которые, как мы знаем, абсолютно неистинны. Сам Иешуа свидетельствует: «...я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там написано, я не говорил».

– *Левий Матвей «все перепутал».*

– Да, но почему перепутал? Ясно же, что не из злонамеренности – ведь никто не любит Иешуа так, как он. Полностью исказив слова Иешуа, Левий написал чистую правду – то есть добавил свои представления о том, «как должно быть». А судя по его имени – Матвей, – из этой «правды» возникло Евангелие. К которому бессмысленно подходить с критерием «было – не было»...

– Второй апокриф – про Воланда. Он же такой странный дьявол, который судит человека по Божьим заповедям...

– Но ведь Воланд никого не судит, никого не наказывает...

– Ну, одного выбросил из квартиры, потому что ему так удобно...

– Да, но если представить масштаб возможностей Воланда, то выкинуть человека из Москвы в Ялту – это такие пустяки... Как, впрочем, и все забавы его компании. Нередко говорят: вот, мол, Воланд устраивает Страшный суд над москвичами. Ну а что в результате? Разбегаются из Варьте голые гражданки, и сгорают в Москве четыре дома. Ну еще какое-то число людей пережили нечто вроде душевной болезни, но всех вылечили, и все благополучно забыли о происшедшем – даже Бездомному-Поныреву пережитое им является лишь в снах. Ничего себе «Страшный суд»... Замечу, что у Булгакова катастрофы всегда оканчиваются ничем – события возвращаются к началу, восстанавливается статус-кво.

В сущности, перед нами театр – всё как бы не совсем «взаправду». К булгаковским сюжетам нельзя относиться со звериной серьезностью. Ибо он писатель очень театральный – по духу, по мироощущению. Недаром говорил, что для него драма и эпос сосуществуют как левая и правая руки пианиста – он одинаково владеет обеими. Отсюда особая драматургия булгаковских сюжетов.

– Евгений Александрович, а вы любите Булгакова? Вот, я смотрю, у вас над рабочим столом портрет его...

– А муж с женой, которые прожили вместе лет сорок, – они любят друг друга?

– Любят.

– Но это любовь уже такая, которую объяснить двадцатилетним нельзя. Тут уже не любовь – тут судьба. Вот так бы я сказал.

– А как эта судьба вас накрыла?

– Даже не знаю... По факту. Интересно было – и до сих пор остается.

– Если вернуться к булгаковскому нравственному императиву, то героическим персонажем в романе можно назвать только Маргариту? Как в «Белой гвардии» единственным героем является полковник Най-Турс, который, несмотря на безнадежность дела, продолжает-таки защищать от петлюровцев Город и в результате гибнет...

– Верно, Маргарита – героиня и в том смысле, что ведет себя героически. Но есть еще Левий Матвей, который – также во имя любви – готов даже убить Иешуа, чтобы прекратить его мучения. А есть еще один любящий персонаж: собака Банга. «Единственное существо, к которому ты

привязан», – как говорит Иешуа Пилату. То есть для Булгакова женская любовь, любовь ученика, любовь собаки – явления как бы одного порядка. Иешуа, как мы помним, не видел ничего обидного в сравнении человека с собакой. Истинная любовь безотчетна и самоотверженна.

– Но сам-то Булгаков – романский Мастер? А Мастер уж ни в коем случае не герой. Он в буквальном смысле сломался – заболел психически. Он не может больше противостоять миру и выбирает покой... Почему Булгаков изобразил себя таким?

– Потому что булгаковские автобиографические герои – тот же Алексей Турбин, Голубков в «Беге» и прочие, – как правило, люди слабые в морально-психологическом смысле, проявляющие склонность к компромиссу, не умеющие защищать свое дело. Мягкотельые, одним словом.

– Но сам он таким не был?

– Мы не знаем, каким он был; но такова, видимо, самооценка. Сам себя представлял недостаточно стойким и конформным. Хотя при этом, а может, как раз из-за этого, вел себя подчас эпатажно и даже скандально, иногда лез на рожон, предпринимал рискованные шаги вроде известного письма правительству – читай Сталину – и прочее.

– А при жизни Булгаков как воспринимался?

– При жизни он являлся в основном автором «Дней Турбиных». Это была действительно знаменитая пьеса – почти тысяча раз сыграна с 1926 по 1941 год. Но книг-то не было: почти все, что написал Булгаков, осталось не напечатанным. Единственный более или менее полноценный сборник, «Дьяволиада», это 1925 год; там две повести и пара рассказов. В 1926-м «Дьяволиаду» переиздали, и вышли еще две тощие книжонки – в журнале «Смехач» и журнале «Огонек». А в 1927 году в журнале «Медицинский работник» печатались рассказы цикла «Записки юного врача» и «Морфий». Вот, собственно, и все – до самой смерти. Ну, еще газетные фельетоны...

– Но, по-моему, публиковалось начало «Белой гвардии»?

– Да, первые два фрагмента были в журнале «Россия» в 1925 году. Но его той же осенью прикрыли. Впрочем, в начале 1926-го вышли еще три номера – под названием «Новая Россия»; но Булгаков почему-то не сделал попытки напечатать там окончание «Белой гвардии», хотя технически, насколько я понимаю, такая возможность была. А позже заключил договор с парижским издательством, и в 1927–1929 годах «Белая гвардия» появилась во Франции. Он очень любил эти два небольших томика, дарил – в том числе и будущей жене, Елене Сергеевне. Но на внутреннюю, российскую известность писателя это издание практически не повлияло. В результате к середине 1930-х годов Булгаков был, в сущно-

сти, забыт. В дневнике Елены Сергеевны записана история о том, как Булгаков в августе 1937-го случайно встретился с поэтом Чуркиным и тот, услышав фамилию, спросил Булгакова, не родственник ли он писателя, которого в свое время очень ругали в прессе. А услышав, что перед ним «сам» Булгаков, поразился, что тот жив: «Вы даже не были в попутчиках! Вы были еще хуже!..» На что Булгаков с тонкой иронией заметил: «Ну что может быть хуже попутчиков». То есть в середине 1930-х эпоха премьеры «Турбинных» воспринималась как глубокая архаика. А ведь прошло всего десять лет. И действительно все изменилось: индустриализация, коллективизация, новая Конституция... Соответственно, никакого «масового» образа Булгакова в ту пору уже не было.

— *А если его сравнить с Платоновым, например?*
— Платонова публиковали все-таки. Ругали, но печатали. А это лучше, чем ничего. Но важнее, что его публиковали в журналах. Кроме того, в 1937 году издан сборник «Река Потудань», хотя и не очень большой. Всего у Платонова с 1927 года до войны вышли четыре сборника и потом еще в войну — четыре книжки военных рассказов и очерков. То есть он был «на слуху», хотя чаще в негативном контексте. Платонова периодически «прорабатывали», он каялся, но продолжал писать свое. Впрочем, ни о какой свободе говорить тут не приходится: при жизни Платонова увидела свет едва четверть им написанного; и главный его роман, «Чевенгур», тоже вышел много лет спустя после смерти автора.

— Творческая судьба Булгакова, конечно, ужасна. И все-таки он нашел в себе силы написать «Мастера и Маргариту». Двенадцать лет работы в стол. Нужно иметь большое мужество, чтобы в таких обстоятельствах верить, что «рукописи не горят». По-моему, Булгаков — герой, что бы он о себе ни думал. Но не было ли у него желания посчитаться в романе с советской властью?

— Дело в том, что у Булгакова — при всей фельетонной остроте — нет представления о государстве как «сиюминутном», характерном сугубо для нынешнего исторического периода политическом строе, укладе, нравах и так далее. Скорее, ему близка мысль, что в мире в разные времена разыгрывается один и тот же, по сути, спектакль. Противоречат Хаос и человек, Бесконечность и человек. Конечно, в «Мастере и Маргарите» налицо мощный сатирический пласт, но Булгаков при этом писатель-философ. И те, над кем он смеется, не сиюминутные «типы» — скажем, писатели, обыватели, энкавэдэшники, — а по-новому костюмированные актеры в бесконечно длившемся спектакле жизни, который есть в одно и то же время и великая комедия, и великая трагедия, и естественная сцена для испытания различными историческими обстоятельствами божественного начала в человеке — его совести. В этом испытании открывается истина о человеке. И в этом колоссальная правда писателя Михаила Булгакова.

ТОЛСТОЙ – ТУРГЕНЕВ – ДОСТОЕВСКИЙ: ДРАМА ОТНОШЕНИЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БЕСЕДОВАЛ

АНДРЕЙ ЮЗЖАЛИН

ПИСАТЕЛЬСТВО – ШТУКА БЕСПОЩАДНАЯ. СУДЬБЫ КРУПНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ САМИ ПО СЕБЕ ДОСТОЙНЫ РОМАНА. А ЧЕГО СТОИТ РАЗОБРАТЬСЯ В ОТНОШЕНИЯХ ВНУТРИ ЛИТЕРАТУРНОГО МИРА! ДРУЖБЫ, ССОРЫ, ВЗАЙМОНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ И НЕПРИЯЗНЬ – СЛОЖНОЕ ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА И ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЗАСЛУЖИВАЕТ ОДЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. НЕ ВСЕГДА ПРИ ЭТОМ ЛИТЕРАТУРНОГО. ЛЕТОМ 2018 ГОДА В ТОЛСТОВСКОМ ЦЕНТРЕ НА ПЯТНИЦКОЙ ОТКРЫЛАСЬ ИНТЕРЕСНЕЙШАЯ ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ ДВУХ КРУПНЕЙШИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX СТОЛЕТИЯ – ИВАНА ТУРГЕНЕВА И ЛЬВА ТОЛСТОГО. ПРИУРОЧЕННАЯ К 190-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ТОЛСТОГО И 200-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ТУРГЕНЕВА, ОНА РАССКАЗЫВАЕТ О НЕПРОСТЫХ ОТНОШЕНИЯХ, СЛОЖИВШИХСЯ МЕЖДУ ПИСАТЕЛЯМИ, ВВОДИТ ВСЕХ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В ЛИТЕРАТУРНУЮ АТМОСФЕРУ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА. ТАК ЧТО ЭТА ЭКСПОЗИЦИЯ – ТОЖЕ СВОЕГО РОДА ИССЛЕДОВАНИЕ. ЧТО ЖЕ ВЫЯСНИЛОСЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ? ОБ ЭТОМ РАССКАЗЫВАЕТ ЗАВЕДУЮЩАЯ ОТДЕЛОМ «ТОЛСТОВСКИЙ ЦЕНТР НА ПЯТНИЦКОЙ-12» ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ Л.Н. ТОЛСТОГО ОЛЬГА ГОЛОВАНОВА.

— О

ЛЬГА ВИКТОРОВНА, ВЫСТАВКА предворена строками Тургенева: «Нам суждено любить друг друга издали», между тем, насколько я помню, начинались отношения Тургенева и Толстого с самой пылкой дружбы...

— Скажу больше: Тургенев начал разыскивать Толстого за несколько лет до их очного знакомства. Дело в том, что в журнале «Современник», которым руководил тогда Некрасов и где Тургенев был «козырным» автором, в 1852 году за подписью «Л.Н.» была опубликована первая повесть Толстого, «Детство». Толстой служил тогда на Кавказе, и никто поначалу не знал, кто скрывается за этим псевдонимом. Критики заговорили о новом литературном таланте, по словам Ивана Панаева, даже несколько оробели перед ним. Все старались узнать имя нового автора, а наиболее всех, как писала тетушка Толстого, был этим заинтересован Тургенев, расспрашивая соседей по имению, нет ли у сестры Толстого, Марии Николаевны, на Кавказе брата, который пробовал бы себя в литературе. Но на Кавказе служили тогда два брата Толстых — Лев и Николай. Последний

тоже определенно имел литературное дарование и не стал писателем лишь потому, что не имел тех необходимых писателю недостатков, без которых писательство невозможно: он был начисто лишен честолюбия, сознания особой писательской миссии, желания все поверять бумаге. В 1854 году Лев Толстой отправил в «Современник» первую часть будущих «Севастопольских рассказов» — «Севастополь в декабре 1854 года», — который был опубликован и вызвал восторженную реакцию публики и даже молодого императора Александра II, просившего беречь «талантливого офицера»... Тургенев, уже зная, кто является автором «Детства», написал Толстому письмо, уговаривая его не испытывать судьбу, а уезжать из Севастополя, не подвергая себя опасности.

Осенью 1855-го, когда с падением Севастополя Крымская война фактически закончилась, Толстой был отправлен курьером в Петербург. К тому времени он был уже известным автором, тяготился военной службой и мечтал о карьере писателя. Поэтому по приезде своем в столицу он отправляется к Тургеневу, который с восторгом принимает его и вводит в круг авторов «Современника»...

– Толстой ведь даже поселился на квартире у Тургенева. Но это совместное бытование длилось недолго... Тургенев был литературный «генерал», пользовался неоспоримым авторитетом, а Толстой – он и в молодые годы был ершист и склонен к ниспровержению авторитетов. В этом смысле литературная опека Тургенева быстро должна была ему надоест...

– Да, первый, «восторженный» период отношений Тургенева и Толстого длился недолго. Но он был. В ноябре 1855 года, через две недели после приезда Толстого в Петербург, Тургенев сообщает критику Анненкову: «...Вообразите: вот уже более двух недель как у меня живет Толстой (Л.Н.Т.) – и что бы я дал, чтобы увидать вас обоих вместе! Вы не можете себе представить, что это за милый и замечательный человек – хотя он за дикую рьяность и упорство буйволообразное получил от меня название Трогоходита! Я его полюбил каким-то странным чувством, похожим на отеческое...» Тургенев, который был на десять лет старше Толстого, поначалу пытался не то чтобы опекать Толстого, но, по крайней мере, «вживить» его в ту литературную среду, к которой принадлежал сам. Отчасти это удается ему. Некрасов полон благоговения перед новым автором и прочит ему великое будущее, называя его надеждой русской литературы. Но Толстой не склонен упиваться этими похвалами. Дело в том, что литературное окружение Некрасова, которое выросло из «кружка Белинского» – Гончаров, Панаев, Григорович, Дружинин, Соллогуб, – было квинтэссенцией либеральной интеллигенции со всеми вытекающими плюсами и минусами. Здесь поругивали власть, говорили о своей любви к народу и возмутительности крепостного права, вообще, собираясь, говорили много и красно – чего Толстой терпеть не мог. Уже в ноябре 1855 года он пишет сестре Марии Николаевне, что хотя ему и нравится «умная беседа» с писателями и удобства жизни, которые он нашел в Петербурге, но, «к несчастью, я чувствую, что я уж слишком отстал от них, – в гостиной мне хочется развалиться, снять штаны и сморкаться в руку, а в умной беседе хочется сорвать глупость».

Доходило до случаев комичных: однажды на квартире у Некрасова Толстой заспорил о чем-то с Тургеневым, тот, не выдержав спора, тонким голосом закричал, что не может спорить, что у него бронхит, и стал метаться по комнатам. Григорович вспоминал, что в ответ Толстой саркастически обронил: бронхит! Бронхит – это выдуманная болезнь! И вообще – бронхит – это металл! «...У хозяина – Некрасова – душа замирает: он боится упустить и Тургенева и Толстого, в котором чует капитальную опору «Современника», и приходится лавировать. <...> В предупреждение катастрофы подхожу к дивану и говорю: «Голубчик Толстой, не волнуйтесь! Вы не знаете, как он [Тургенев] вас ценит и любит!»

– Я не позволю ему, – говорит с раздувающими ноздрями Толстой, – ничего делать мне назло! Это вот он нарочно теперь ходит взад и вперед мимо меня и виляет своими демократическими ляжками!»

Но не всегда дело заканчивалось так безобидно. Первая серьезная размолвка с авторами «Современника» произошла у Толстого в феврале 1856 года из-за Жорж Санд. Писатели обедали у Некрасова. Речь зашла о новом романе Жорж Санд, который все нахваливали. Толстой молчал-молчал, но под конец не выдержал и, объявив себя ненавистником французской писательницы, сказал, что «героиня ее романов, если бы они существовали в действительности, следовало бы... привязывать к позорной колеснице и возить по петербургским улицам». Жорж Санд была, как известно, ярой сторонницей женской эмансипации. Щекотливость момента заключалась в том, что среди присутствующих как минимум двое – Тургенев и Некрасов – состояли в любовных отношениях с такими «эмансипантками». Тургенев – с Полиной Виардо, с которой, кстати, Жорж Санд писала главную героиню своего романа «Консуэло», а Некрасов – с Авдотьей Панаевой, женой своего друга и соиздателя «Современника» Ивана Панаева...

– Это после этого случая у Толстого с Тургеневым дело дошло чуть ли не до дуэли?

– Нет, на этот раз резкие слова Толстого были ему прощены и дело забылось. Толстой продолжал печататься в «Современнике», где наконец обрел полное литературное имя: напечатанный в первом номере 1856 года «Севастополь в августе 1855 года» он впервые подписал: «граф Л.Н. Толстой». Тогда же он посвятил Тургеневу свой рассказ «Рубка леса», что очень Ивана Сергеевича растрогало. Он признался, что ничто еще в его литературной карьере так не льстило его самолюбию. Вообще, расхождение Толстого с Тургеневым, да и со всем кругом «Современника», подготавливалось исподволь, и главной причиной было неодолимое несходство характеров. «Сердечно сблизиться с Толстым я не могу, – писал Тургенев Анненкову. – Он слишком иначе построен, чем я. Все, что я люблю, он не любит – и наоборот. Мне с ним неловко – и ему, также, вероятно, со мною. <...> Но из него выйдет человек замечательный – и я первый буду любоваться и рукоплескать – издали».

– Толстой сам постоянно пишет, что он то «посорился с Тургеневым», то вроде вновь сошелся. Это тянетяется добрых два года. Но все-таки во время первого своего заграничного путешествия, оказавшись в 1857-м в Париже, Толстой направляетяется к кому? К Тургеневу?

– Да. И Тургенев вновь берет его под свое «отеческое» крыло: знакомит с Парижем, вновь пытается ввести в круг своей европейской жизни и интересов. Все-таки Тургенев был известен как

мастер европейской литературы, они с Полиной Виардо держали литературный салон, где постоянными гостями были Флобер, Доде, Гонкур, Золя... Но Толстого эта жизнь по большому счету не интересует. Он весь – в российской проблематике. Кроме того, Толстого не может не коробить жизнь Тургенева «на краю чужого гнезда» в семье Виардо. «Жизнь втроем» для него непримлема. Для Толстого семья – святыня; раз созданные семейные отношения должны быть нерушимыми. Он в связи с этим верно подмечает, что Тургенев не любит, а любит любить. Отсюда, наверное, несчастная душевная судьба всех тургеневских героинь – их любовь, их порыв никогда не достигают цели. Чувство так ни во что и не воплощается... Ибо «любить любить» – значит оставаться вечным влюбленным, вечным женихом. В парижском дневнике Толстого много справедливых и много несправедливых упреков Тургеневу, но заканчивается дневник такой записью: «Заехал к Тургеневу. Оба раза, прощаешься с ним, я, уйдя от него, плакал о чем-то. Я его очень люблю. Он сделал и делает из меня другого человека». Тургенев по-своему откликается на появление в Париже Толстого: «Толстой... поумнел очень – но все еще неловко ему с самим собою <...> Но я радуюсь, глядя на него: это, говоря по совести, единственная надежда нашей литературы».

И вот странно, что и из этих слез, из этих надежд родилась история, которая чуть не привела Толстого и Тургенева к дуэли.

Весной 1861 года Тургенев вернулся в Россию, где жил наездами – и тут же написал письмо Толстому о желании повидаться. Решили, что лучше всего сделать это у общего друга Афанасия Фета, который незадолго до того приобрел имение Степановку, которое ни Тургенев, ни Толстой еще не видели. Толстой приезжает к Тургеневу в Спасское-Лутовиново. Оттуда Тургенев сообщает Фету, что они вместе с Толстым едут к нему. Происходит очень радушная встреча. Потом обед. За обедом Тургенев вдруг очень подробно начинает рассказывать историю своей дочери Полинетт – Пелагеи, в молодости прижитой им от белошвейки Дуняши, и в конце концов им признанной. Он, очень гордясь, рассказал, что гувернантка-англичанка требует с него каждую неделю определенную сумму, которую Полинетт должна раздать бедным, а в последнее время придумала для нее еще и такую благотворительность: собирать рваную одежду бедняков и чинить ее для них. Толстой, нетерпимый к любой искусственности и ненатуральности, сказал, что «разряженная девочка, держащая на коленях грязные и зловонные лохмотья, играет неискренно, театральную сцену».

– Я вас прошу этого не говорить! – воскликнул Тургенев с раздувающимися ноздрями.

– Отчего же мне не говорить того, в чем я убежден, – отвечал Толстой...».

Фет крикнул Тургеневу: «Перестаньте!», но тот, бледный от злобы, выпалил в лицо Толстому: «А ежели вы будете так говорить, то я вам в рожу дам!»

Наверное, никто и никогда не говорил графу Толстому таких слов. Тургенев выбежал из комнаты, потом ворвался вновь с извинениями, но все уже было скомкано. Тургенев спешно уехал в Спасское, Толстой поехал в Новоселки к зятю Фета Борисову. И там написал Тургеневу письмо, в котором требовал извинений и для себя, и для Фета. Все-таки сцена была безобразная. Ответ Толстой попросил доставить ему на почтовую станцию Богослово. Тургенев ответ написал, но отправил его в Новоселки, откуда Толстой уже уехал. Так начинается история с письмами. Дело в том, что второе и третье письмо Толстого Тургенев уничтожил. Во втором, по позднейшим записям Софии Андреевны, Толстой, так и не получивший пока письма с извинениями, предлагал Тургеневу встретиться на опушке леса у Богослово с ружьями. В третьем письме, – получив наконец тургеневские извинения, – Толстой, вроде бы, написал: «Вы меня боитесь, а я вас презираю». Отношения были разорваны... Конечно, только на очень поверхностный взгляд Толстой и Тургенев поссорились «из-за гувернантки», из-за пустяка. В этом коротком споре были затронуты очень важные вещи и для того, и для другого. Их взгляды на мир оказались диаметрально противоположны. Не случайно в своем дневнике по поводу ссоры с Тургеневым Толстой записал: «...он подлец совершенный, но я думаю, что со временем не выдержу и прощу его». Но для примирения потребовалось семнадцать лет...

– Я хотел бы повернуть разговор в другую сторону. Все-таки и Толстой, и Достоевский перешагнули границы своего времени. Для современной образованной публики они остаются актуальным чтением. А вот Тургенев остался в границах своего времени. Сегодня, чтобы читать его, нужно специальное время найти да отыскать «очки с диоптриями», нацеленными на XIX век. Тургенев ощущал это?

– Безусловно, ощущал. Он сам себя еще в 50-е годы называл «писателем междуцарствия» – то есть между Гоголем и «будущим главою». По этим меркам и предлагал судить все тогдашнее поколение литераторов.

– Другое дело, что он этого «будущего главу» понапацу не разглядел ни в Достоевском, ни в Толстом. И в этом смысле хотелось бы узнать, как складывались отношения Тургенева и Достоевского.

– Как ни странно, история их отношений очень похожа на толстовскую – сначала бурная дружба, восхищение и попытки сблизить «молодое дарование» с кружком Белинского–Некрасова, а потом насмешки, придирки и в результате – ссора. Собственно, Достоевского, два года как вышедшего

АНДРЕЙ СЕМАШКО

в отставку после окончания Инженерного училища, открыл Григорович, который некоторое время снимал одну с ним квартиру. Он первый прочитал дебютный роман Достоевского, «Бедные люди», пришел в восхищение. Передал роман Некрасову, а тот уже, прочитав роман Белинскому, прокричал: «Новый Гоголь явился!» Покуда Достоевский работал над текстом романа для публикации его в некрасовском «Петербургском сборнике» – некрасовского «Современника» тогда еще не было, – в кружке Белинского говорят, что автор – гений. Ему едва ли не поклоняются. И вот роман в 1846 году выходит. Однако для Достоевского триумф продолжается недолго. Было что-то неумолимо гаденькое в литературном окружении Некрасова: во всяком случае, Авдотья Панаева, бывшая свидетельницей разных литературных историй, пишет в мемуарах, что как Толстого «подначивали» в 1856 году, так же в 1846 году «подначивали» и Достоевского. Могли придраться к одной фразе, к выражению лица, к манере говорить... И, что интересно, первым зачинщиком всех этих поднажек и насмешек был в обоих случаях один и тот же человек – Тургенев. Но если Толстого Тургене-

ву так ни разу и не удалось вывести из себя, то Достоевскому, как человеку нервному и ранимому, пришлось хуже. Почувствовав эту ранимость, Тургенев доводил Достоевского «до бешенства», что Ивана Сергеевича как раз и веселило. Кончилось тем, что Некрасов с Тургеневым сочинили на Достоевского стишок:

Рыцарь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыщ,
На носу литературы
Рдеешь ты, как новый прыщ.

– Если это и шутка, то очень дурного тона. Но каково: за один год из «гения» и «нового Гоголя» превратиться в «пыща» и «прыщ»...

– Достоевский был взбешен. Он кинулся к Некрасову, кричал, что запрещает тому публиковать рецензии на его сочинения... К тому же и «великий Виссарион» сменил милость на гнев: он раскритиковал новую повесть Достоевского, «Двойник», – ее новаторство в полной мере было оценено только в XX веке, – чем дал повод критикам «натуральной» школы писать о Достоевском с сарказмом, как о «непризнанном гении». Разрыв

АНДРЕЙ СЕМАЦКО

с «Современником» стал неизбежен. В дальнейшем до ареста Достоевский печатался в «Отечественных записках» Краевского, а после каторги и службы рядовым – так и вовсе в «Русском вестнике» Каткова, где, кстати, печатали свои лучшие произведения и Тургенев, и Толстой.

Однако, вернувшись после государева помилования в 1859 году в Петербург, Достоевский, продолжавший интенсивно работать, пришел в себя, обрел новую уверенность – и… возобновил свои отношения с Тургеневым. Их переписка 1860–1865 годов может быть даже названа дружеской. Нам сейчас, возможно, их трудно понять, но что поделаешь, их интересовало мнение друг друга. Тургеневу понравились «Записки из Мертвого дома» Достоевского, тот, в свою очередь, оценил «Дворянское гнездо» и – один из немногих – «Отцов и детей». Тургенев даже писал Достоевскому, что он один верно понял образ Базарова.

– Но развеяла их все та же литература.

– Да. Дело в том, что из каторги и ссылки Достоевский вернулся глубоко религиозным человеком, для которого был один идеал – Христос.

В идейном плане он был убежденным почвенником, в политическом – убежденным монархистом. Тургенев был атеист, раскованный либерал-западник, для которого было очевидно, что никакого «особого», а тем более мессианского пути у России быть не может, а что это просто отсталая страна, плохо еще усвоившая уроки цивилизации Запада. Со всей резкостью это сфокусировалось в новом тургеневском романе, «Дым». Когда роман вышел, Достоевский был в Баден-Бадене. Здесь же на Villa Tourgueneff проживал Тургенев, переехавший в Германию из Франции вслед за Виардо, поскольку муж Полины был противником правящего во Франции императора Наполеона III. Достоевский был очень задет «Дымом», который, по его словам, «подлежал сожжению от руки палача» и решил пойти к Тургеневу, чтобы выяснить отношения. Этот эпизод он описывает в своем письме Аполлону Майкову: «...Я, хоть и откладывал заходить к Тургеневу, решился наконец ему сделать визит. Я пошел утром в 12 часов и застал его за завтраком. Откровенно Вам скажу: я и прежде не любил этого человека лично. <...> Не люблю тоже его

аристократически-фарисейское объятие, с которым он лезет целоваться, но подставляет Вам свою щеку. Генеральство ужасное; а главное, его книга «Дым» меня раздражила. Он сам говорил мне, что главная мысль, основная точка его книги состоит в фразе: «Если бы провалилась Россия, то не было бы никакого ни убытка, ни волнения в человечестве...» С этим Достоевский согласиться никак не мог. Между писателями произошел окончательный разрыв.

В следующий раз Тургенев и Достоевский встретились только в 1880 году, в Благородном собрании в Москве, где Федор Михайлович, уже тяжело больной, выступал со своей знаменитой «Пушкинской речью» по поводу открытия памятника Пушкину. Говорят, когда среди истинно русских женских характеров Достоевский, наряду с пушкинской Татьяной и толстовской Наташей Ростовой, назвал Лизу Калитину из «Дворянского гнезда», зал взорвался аплодисментами – Тургенев еще не изжил своей популярности. Иван Сергеевич был искренне тронут. Он со слезами на глазах бросился обнимать Достоевского. Однако прочитанная им, в свою очередь, речь, которую Достоевский расценил как заигрывание с революционной молодежью, была во всех идейных предпосылках противоположна речи Федора Михайловича. Больше писатели никогда не встречались. Достоевский умер в самом начале 1881 года, Тургенев недолго пережил своего оппонента – его не стало в сентябре 1883-го...

– А как относился к Достоевскому Толстой? Ведь они не были даже знакомы. Но писательская интуиция не может подвести в отношении сосуществующего рядом с тобой мощного писательского дарования. Толстой должен был чувствовать Достоевского, следить за его творчеством...

– Разумеется, у Толстого, как и у всех критиков и писателей того времени, много претензий к Достоевскому по качеству торопливого письма, «ненатуральных» диалогов, в которых все персонажи говорят «языком автора». Но это очень поверхностный уровень. Толстой очень ценил Достоевского за его нравственные искания, за поиск Христовой искры в человеке. Толстой на протяжении нескольких лет спорил в письмах с религиозным мыслителем Страховым, питавшим острую неприязнь к Достоевскому как к художнику и мыслителю. Страхов пишет в 1892 году: «Достоевский, создавая свои лица по своему образу и подобию, написал множество полупомешанных и больных людей и был твердо уверен, что списывает с действительности и что такова именно душа человеческая».

Что ж, отвечает Толстой, может, вы и правы, но только «результат тот, что даже в этих исключительных лицах не только мы, родственные ему люди, но иностранцы узнают себя, свою душу. Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знако-

мее и роднее». И, конечно, к числу самых потрясающих документов, свидетельствующих об отношении Толстого к Достоевскому, относится письмо Страхову Толстого, написанное им вскоре после смерти Федора Михайловича. В нем Толстой признается, что воспринял эту смерть как потерю самого близкого, самого дорогого друга: «...Я никогда не видел этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий дорогой, нужный мне человек. <...> Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу».

Замечательное письмо! Вот Тургенев так и не смог «переварить» Достоевского и в одной из посмертных публикаций даже назвал того русским маркизом де Садом.

– С Тургеневым Толстой тоже в конце концов примирился...

– С годами Толстой стал мудрее и спокойнее. Он понимает, что ему, с его взглядами на искусство и на жизнь, с Тургеневым идеально не примириться никогда. И все же в 1878 году он делает первый шаг к восстановлению разорванных отношений с Тургеневым. В том же году Тургенев дважды побывал в Ясной Поляне; писатели мило провели время, вспоминая о былом и в то же время избегая говорить о чем-то серьезном. То же нежелание углубляться в принципиальные вопросы сквозит и в переписке писателей. Толстой тогда находился в эпицентре своих религиозных исканий, только что написал «Исповедь», и, как атеист, Тургенев просто не смог бы понять его. И не понял. Но для Толстого это, в принципе, не важно. Он пишет тому же Страхову, который не любил и Достоевского, и Тургенева: «...Зачем вы сердитесь на Тургенева? Он играет в жизнь, и с ним надо играть. И игра его невинная и не неприятная, если в малых дозах».

Толстой склонен прощать современникам их маленькие слабости. Но смерть Тургенева потрясла Толстого до глубины души. Весь сентябрь он читает Тургенева. В дневниках, в письмах Софье Андреевне – одно: читал Тургенева.

Позднее, в письме академику Александру Пыпину, Толстой говорит, что всегда любил Тургенева, но только после смерти оценил его по-настоящему. И расшифровывает: «Тургенев прекрасный человек (не очень глубокий, очень слабый, но добрый, хороший человек), который хорошо говорит всегда то, что он думает и чувствует. <...> и потому воздействие Тургенева на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное...»

Конечно, ничего однозначного в отношениях Тургенева, Толстого и Достоевского нет. Но так устроена жизнь: в ней все меняется, переплетается, в ней все непросто. А как бы вы хотели, если речь идет о самых гениальных людях в русской литературе вообще? Иначе не бывает... ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ ОБОРОНА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ДО ПОРЫ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, КАК И ВСЕ ВООБЩЕ ТЕРРИТОРИИ ЗА УРАЛОМ, ЖИЛ ВНЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ, БУДТО ОБЛОЖЕННЫЙ КОЛОССАЛЬНЫМИ ПОДУШКАМИ ПРОСТРАНСТВОМ ОТ ЛЮБЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАКЛИЗМОВ. Лишь в середине XIX века положение это было внезапно нарушено, когда объединенная Англо-французская эскадра вошла в Авачинскую губу, чтобы разрушить и захватить Петropavlovsk-Kamchatsky. Так восточные рубежи империи впервые столкнулись с мировой историей.

Л

ЮБОПЫТНО, ЧТО Крымская, она же Восточная, война – со всех сторон империалистическая, захватническая – в народной памяти осталась как война справедливая, отечественная, народная. Это остро почувствовал и показал Лев Толстой в «Севастопольских рассказах». Действительно, начавшись как война России с Турцией, очень скоро – с вмешательством Англии и Франции – война эта стала агрессией против России сильнейших в ту пору европейских держав. Бастоны Севастополя и Малахов курган для нас святы, как святы и герои бессмертной Севастопольской обороны. Но нападению подвергся не только Крым в Черном

Петropavlovskий порт на Камчатке. Литография середины XIX века

СТРЕМИТЕЛЬНАЯ «АВРОРА»

Рано утром 26 апреля 1854 года из перуанской гавани Кальяо на Тихом океане неожиданно снялся с якоря и ушел русский 44-пушечный фрегат «Аврора». В Кальяо стояли тогда и английские, и французские боевые корабли, в том числе флагман объединенной Тихоокеанской эскадры 50-пушечный «Президент» с командующим союзными силами контр-адмиралом Дэвидом Прайсом. И хотя обстановка в порту была, конечно, подогрета слухами о грядущей войне, официального известия о начале военных действий никто еще не получал, все отношения с капитаном «Авроры» Иваном Изыльметьевым ограничились обменом визитами. После чего, пробыв в порту всего несколько дней, русский фрегат, только что перешедший Атлантику, бесстрашно вышел в Тихий океан. Только 7 мая союзники узнали, что война объявлена, и стали собираться в поход. Позже один из участников экспедиции, французский лейтенант Эдмонд де Айи, написал о необыкновенной способности русских выигрывать время: «Аврора» ушла из Кальяо 26 апреля, а 1 июля была уже в гавани Петропавловска. После туда пришел военный транспорт «Двина» с 300 солдатами на борту. До этого Петропавловск представлял собой неукрепленную позицию, да и солдат в распоряжении военного губернатора Камчатки, адмирала Василия Завойко, было всего 283 человека.

Спешно начали возводиться батареи – частично из пушек, снятых с «Авроры» и «Двины». Вскоре из Охотска прибыло подкрепление – еще 400 солдат; батареи закрыли весь подход к порту и городу, и когда англо-французская эскадра прибыла... а когда она прибыла? Только 29 августа. За это время Петропавловск подготовился к обороне.

Объединенные англо-французские силы насчитывали шесть военных кораблей и более чем

Адмирал
Василий
Степанович
Завойко
(1809–1898),
первый военный
губернатор
Камчатки

Фрегат
«Аврора» под
командованием
капитан-
лейтенанта
И.Н. Изыльметь-
ева участвовал
в отражении
нападения
англо-
французской
эскадры

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

2 тысячи матросов и морских пехотинцев: французские фрегаты «Форт» с 60 орудиями, «Эвриди-ка» с 30 орудиями, «Облигадо» с 12 орудиями. У англичан – «Президент» с 50 орудиями, «Пик» с 46 орудиями, пароход «Вирааг» с 6 бомбическими орудиями. Французской флотилией командовал контр-адмирал Депуант, но общее руководство осуществлял контр-адмирал Прайс.

НЕОЖИДАННЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ

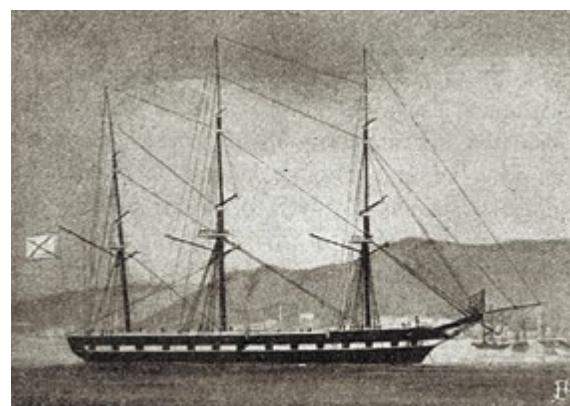
29 августа эскадра подошла к Авачинской губе, и контр-адмирал Прайс, велев «Вираагу» поднять флаг нейтральной страны (американский), сам выехал на разведку: осмотр его расстроил. Разведка показала, что в губе стоят и фрегат «Аврора» с 44 пушками, и «Двина» с 12 пушками. Гавань защищена тремя батареями, имеющими 3, 11 и 5 орудий (на самом деле батарей было семь). «Камуфляж» с американским флагом не мог долго продолжаться: как только навстречу пароходу был вы-

слан российский катер, он реагировался. Прайс убедился, что Петропавловск защищен гораздо лучше, чем это можно было ожидать, и горько пожалел, что в свое время «упустил» «Аврору». Один из авторов, детально разобравший события Петропавловской обороны, отставной морской офицер Юрий Завражный, продемонстрировал, что Василий Завойко и капитан «Авроры» Иван Изыльметьев выстроили оборону города таким образом, что численное превосходство союзников не могло быть полностью использовано. Русская оборона была вытянута в линию и «стяжалась» лишь в месте возможного прорыва к порту. Англо-французские суда, следя вдоль берега, могли использовать орудия только одного борта. А 102 орудия против 74 – это не такое уж большое преимущество, хотя орудия англо-французской эскадры были современее и обладали большей сокрушительной силой. В случае высадки десанта корпусу союзников противостояли бы сопоставимые силы русских – около тысячи человек: не поснимаешь же всех до единого матросов с кораблей, чтобы обеспечить двукратное преимущество.

Так или иначе, под вечер неприятельская эскадра втянулась в Авачинскую губу, но ограничилась перестрелкой с береговыми батареями, определяя их место и количество орудий. решающий бой на следующий день должен был решить судьбу города.

ОН ЗАСТРЕЛИЛСЯ!

С вечера на французском флагмане «Форт» проходил военный совет. Командующий объединенными силами Дэвид Прайс изложил свой вполне дальний план атаки: сковывая огонь береговых батарей залпами корабельной артиллерии, подавить огонь батарей №1 и №2, прикрывающих город, и возле порта высадить десант. Отбросить противника, ворваться в город. В общем, Прайс не зря считался

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

специалистом по взятию береговых укреплений... Утром он снова навестил флагман французской эскадры, подтвердил все детали плана, после чего вернулся на «Президент». О дальнейшем мы знаем лишь от одного-двух очевидцев. «Адмирал Прайс спокойно (как казалось) прогуливался утром по палубе с капитаном Бэрриджем, говоря о предстоящем сейчас сражении, затем пошел в каюту, и Бэрридж видел, как он вынул из ящика пистолет, приложил дуло к сердцу и выстрелил. Смерть последовала через несколько секунд».

Застрелившись за несколько минут до начала сражения! Ведь оно еще не проиграно! Не было ли то внезапное помешательство или несчастный случай?! Однако современники однозначно расценили поступок Прайса как самоубийство: «Было ясно, что Прайс покончил с собой, отчаявшись в надежде взять Петропавловск и захватить «Аврору» и «Двину», что только и могло загладить [его] оплошность...»

Все дело в том, что атмосфера в военно-морских силах Британии того времени была столь нетерпима к поражениям и неудачам, что адмирал Прайс предпочел свести счеты с жизнью на берегу Тарынской губы, лишь бы не объясняться с лордами Адмиралтейства. Да, он поверил каким-то китоловам на Сандвичевых островах и думал, что его ждет готовый к сдаче городишко с ничтожным гарнизоном. А тут – за короткое время русские соорудили едва проходимую береговую оборону буквально из ничего...

«Мы умеем извинять неудачу и помнить обстоятельства, которые ее вызвали, – вспоминает де Аий, – тогда как у наших союзников потерпеть неудачу – это не несчастье, это пятно, которое желательно изгладить из книги истории; это даже больше того, это вина, я даже скажу – почти преступление, ответственность за которое несправедливо ложится без разбора на всех».

Иван
Николаевич
Изыльметьев
(1813–1871),
русский
военный моряк,
контр-адмирал
с 1864 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и «Двина» из-за косы грянули по французам прямой наводкой, русские, под командой мичмана Фесуна и 2-й стрелковой партии поручика Губарева, ударили в штыки... и десант был ликвидирован. Батарея №2, которой командовал лейтенант Дмитрий Максутов 3-й, снова открыла огонь. Не обращая внимания на бомбы, которыми неприятельсыпал батарею, лейтенант Максутов умело использовал свои 36-фунтовые орудия, давая вражеским кораблям подойти поближе, бил точно в цель, да так, что в конце концов получивший несколько пробоин ниже ватерлинии «Президент» едва добрался до Ванкувера.

Таким образом, батарея из трех орудий на протяжении девяти часов выдерживала огонь «с лишком 80 орудий»: «...редкий пример в истории войн прошедших, редкий тем более, что, несмотря на весь этот ураган ядер, батарея устояла и, исправившись в ночь, в следующее утро снова готова была вступить в бой...»

По всей губе еще раздавались громы орудий, однако ясно было, что русских сломить не удалось. Десант отбит, корабли получили серьезные повреждения, город зажечь не удалось, «подавить» русские батареи тоже не удалось...

ТИХИЕ АМЕРИКАНЦЫ

В последующие два дня стороны зализывали раны: на судах объединенной эскадры стучали молотки, поновлялись изорванные снасти, такелаж; русские чи-

Г.С. Зорин
и Я.С. Куриленко.
Оборона
Петропавловска-
на-Камчатке
в 1854 году.
1950 год

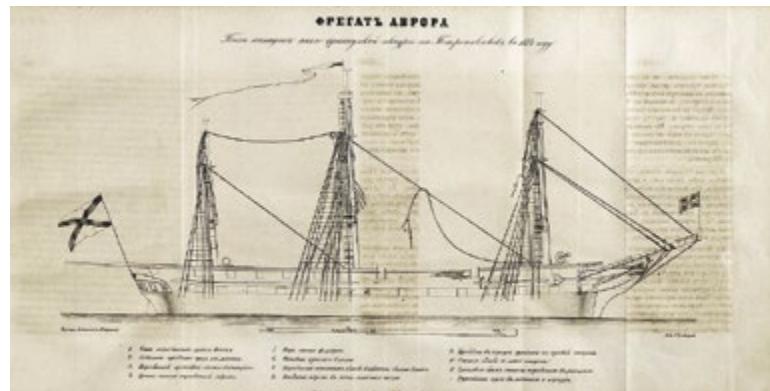

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нили разбитые лафеты и срытые бомбами брустверы батарей. В это время и решено было придать земле тело контр-адмирала Прайса, которое во время штурма висело в шлюпке за кормой. Для этого в Тарыинскую бухту на противоположной стороне Авачинской губы отправился пароход «Вираго». Пока похоронная партия занималась погребением адмирала и нескольких погибших, солдаты, занятые поисками воды, внезапно наткнулись на двух американцев, сбежавших с китобойного судна и готовых – при условии, что их доставят в Сан-Франциско, – проинформировать касательно неприятеля. Лейтенант Палмер свидетельствует: «Позже, присматривая в бухте место, где набрать воды, мы набрели на нескольких янки, и они вызвались сопроводить нас по дороге, ведущей к городу сзади. Мы подумали, что это весьма кстати, поскольку французы, которые были теперь нашими старшими офицерами, уже говорили насчет ухода отсюда...»

Действительно, адмирал Депуант пал духом. Но английский капитан Фредерик Николсон решил на военном совете вечером того же дня использовать американцев, чтобы склонить французов к новому штурму. Депуант недвусмысленно высказался о желании покинуть Петропавловск. Оно и понятно: старый тактик линейного морского боя чувствовал себя не в своей тарелке, штурмую береговые батареи. Настала очередь капитана Николсона. Он велел вызвать американцев и с их слов изложил суть дела: город надо брать не в лоб, а с тыла, откуда русские не ждут нападения. Опять-таки, пользуясь всей мощью морской артиллерии, подавить батареи русских, в «слепом пространстве», недосягаемом для пушек, под Никольской сопкой высадить десант, занять господствующую высоту и... Самое хитрое в этом плане было то, что и пушки кораблей, и большинство русских батарей, «нацеленных» на вход в Авачинскую губу, окажутся вне боя!

Фрегат «Аврора»
после нападения
англо-француз-
ской эскадры на
Петропавловск
в 1854 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЭТО БЫЛ АД...

«Вираго» и на этот раз при полном безветрии вывел и расставил по номерам главные фигуры игры 4 сентября 1854 года. Фрегат «Форт» явно собирался заняться батареей №5, которая являлась своеобразным ключом к порту. Помимо двух фрегатов «Вираго» буксировал еще целую флотилию шлюпок, а на его палубе толпились десантники. Немного в стороне лежал в дрейфе «Пик». «Эвридики» и «Облигадо» самостоятельно вышли на позиции напротив мыса Сигнального и встали на якорь. «Эвридика» тут же начала обстрел батареи №1, словно родившейся заново из груды камней. «Облигадо» развернулся бортом к песчаной косе «Кошка» с «Авророй» и тоже открыл беглый огонь. На берегу сразу поняли, что это отвлекающий маневр и второе действие кровавого спектакля разыгралось в районе Никольской горы. Там прямо на пляже стояла совершенно открытая батарея, получившая название «Смертельная». Командовал ею одно-

фамилец героя первого штурма, лейтенант Александр Максютов 2-й. Между его батареей и двумя флагманами союзного флота завязалась неравная дуэль. «Форт» и «Президент» не отдали еще якоря, как лейтенант Максютов дал своим трем пушкам приказ: «Все номера, пли!» Три ядра из пяти попали в «Президент». Одно из них сбило гафель, на котором висел британский флаг, и он упал за борт. Но тут прозвучал ответный залп. Батарею засыпало землей, несколько человек упали. Следом раздался залп с правого борта французского флагмана «Форт». Но едва рассеялся дым, как орудия батареи поочередно начали расстреливать французский фрегат. «Вираго» в это время оттаскивал «Президент» к месту предполагавшейся высадки десанта. «...Между французским флагманом и батареей лейтенанта Максютова разгорелась жуткая артиллерийская дуэль, – пишет Завражный. – Батарея превратилась в земляное крошево, номера расчетов падали один за другим – кто убит, кто ранен, кто оглушен. На их место вставали новые бойцы, спешно откапывали пушки, банили стволы, засовывали в них картузы, вкатывали ядра. Наводка особой сложности не представляла – вот она цель, как на ладони. Несколько выстрелов, ответный залп фрегата – и снова откапывать пушки, оттаскивать раненых и убитых... Если три дня назад на батарее Сигнального мыса был ад, то здесь сегодня был ад кромешный. Вскоре по сигналу флагмана к нему на по-

Дэвид
Пауэлл Прайс
(1790–1854),
английский
флотводец,
контр-адмирал

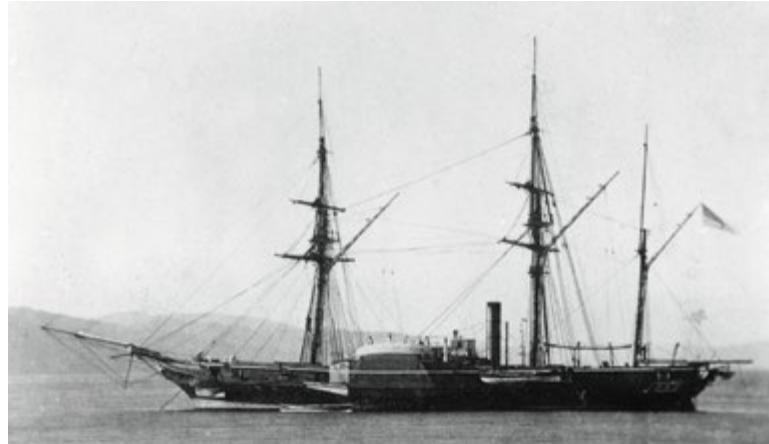

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мощь... подошла продырявленная в нескольких местах «Эвридики» и добавила свои девять пушек в общую лавину огня». Ему вторит участник и очевидец событий мичман Фесун: «...Станки перебиты, платформы засыпаны землей, обломками; одно орудие с оторванным дулом, три других не могут действовать; более половины прислуги ранены и убиты; остается одно — одна пушка, слабый остаток всей батареи; ее наводит сам князь, стреляет, и большой катер с неприятельским десантом идет ко дну; крики отчаяния несутся с судов. Французский фрегат, мстя за своих, палит целим бортом; ураган ядер и бомб носится над батареей, она вся в дыму и обломках, но ее геройский защитник не теряет присутствия духа. Сам заряжает орудие, сам наводит его, но здесь, здесь судьба положила конец его подвигам, и при повторных криках Vivat с неприятельских судов он падает с оторванной рукой...»

Всех подробностей боя нам не восстановить: в них путаются даже очевидцы. Подошел решающий момент высадки десанта: «...У «Форта» уже были сбиты две мачты, фрегат получил несколько пробоин в правом борту. Но шлюпки с десантниками от него продолжали отваливать. Батарея умолкла — авроровцы спешно откапывали единственное орудие, которое еще могло стрелять. Откопали, навели; Максутов сам взял фитиль, проверил прицел и выстрелил. Ядро попало в гребущий к берегу вельбот, его разломило, десантники оказались в воде. Не обращая внимания на свистящие мимо ядра и вздымающуюся землю, лейтенант прицеливался, и пушка стреляла снова. Раненые и контуженные матросы тащили очередной картуз с порохом, очередное ядро, наводили... И тут «Форт» дал еще один бортовой залп. Он накрыл батарею; лейтенант Максутов 2-й упал с оторванной левой рукой и зияющей раной в боку, на фрегате громко закричали «Виват!», шлюпки снова пошли было к берегу...»

Пароход
«Вираго»
из эскадры
английских
кораблей

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БЕГУЩИЕ В ТЕРНОВНИКЕ

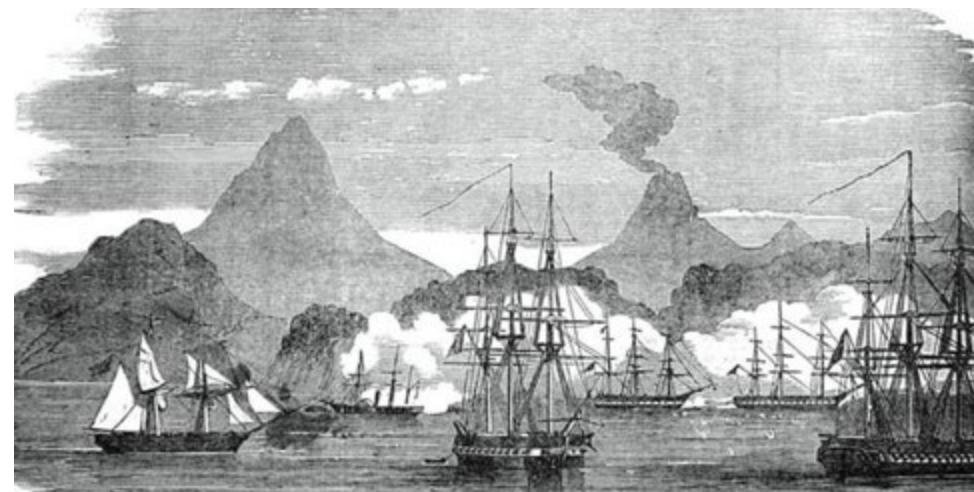
На вершине Никольской сопки во время описываемых событий находился не парк, как сегодня, а сплошная «нечесаная шкура» из шиповника и терновника. С сопки точно так же, как и сейчас, отлично просматривалась город, порт, «Аврора» и «Двина», укрывшиеся за «Кошкой». В общем, оказавшись на господствующей высоте, десант мог быть в корне изменить ход сражения. Сплоченный-то отряд в 800 человек, вооруженный нарезными ружьями, гранатами, ракетами и переносными 6-фунтовыми пушками! Но этого не произошло. Почему?

Впоследствии, разбирая причины неудачи, англичане и французы, помянув густой «чапараль» (субтропическая жестколистная кустарниковая растительность. — Прим. ред.), в конце концов припомнили, что у отрядов, оказавшихся на вершине, не было командиров. То есть провожал-то

их сам адмирал Депуант, размахивая в вельботе саблей с золотым эфесом. А там-то, в «чапарале»? Кто направит действия группы из 15–20, 100 человек? Таковых предусмотрено не было. В результате, когда стоящая за сопкой батарея №7 окатила их картечью, а навстречу десантникам, несмотря на их яростный огонь из нарезных штуцеров, бросились в штыки три сотни русских, точно так же не знавших этого «чапарalia» и увлекаемых только яростью, которая ведет к победе... И черт возьми! Больше всего боявшиеся русского штыкового боя англо-французские десантники стали просто прыгать со склона сопки вниз, к шлюпкам.

В своей истории Крымской войны академик Евгений Тарле любит цитировать мичмана Фесуна, очевидца боя: «...Положение губернатора было более нежели критическое (!). Зашед в гору, неприятель рассыпался по всему ее протяжению до перешеекной ба-

Атака англо-французской эскадрой Петропавловска-Камчатского в 1854 году. Рисунок из английской газеты The illustrated London news за 25 ноября 1854 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тареи. <...> Так как строившийся против Озерной батареи неприятель представлял довольно большие массы, то командиру этой батареи и отдано [было] приказание стрелять картечью. Исполнение этого вместе с действием конной пушки произвело смешение в неприятельских рядах и отбросило его в гору, <...> лейтенант Ангудинов и мичман Михайлов, рассыпав свои отряды цепью и соблюдая равнение в парам, как на ученье, подымались наверх, несмотря на неумолкаемый ружейный огонь засевшего там неприятеля. <...> я скомандовал: «вперед в штыки», что, будучи исполнено с быстротою и стремительностью, обратило неприятеля в бегство. <...> Бегство врагов – самое беспорядочное, и, гонимые каким-то особенным паническим страхом, везде преследуемые штыками наших лихих матросов, они бросались с обрывов сажень 60 или 70, бросались целыми толпами, так что изуродованные трупы их едва поспевали уносить в шлюпки...»

Английские и французские матросы стремились забрать с собою всех убитых и раненых. В это время на гребень сопки уже выбежали русские стрелки. Некоторые лодки так и отходили, полные неподвижных тел, от силы два-три человека могли в них грести. Притом что в «лобовом» столкновении десантники потеряли едва ли 28 человек, у берега эти потери утроились; русские стрелки сверху били неприятеля «на выбор», так что

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Александр Петрович Максутов (1830–1854), почетный гражданин Петропавловска-Камчатского, князь, лейтенант, участник Петропавловской обороны 1854 года

при такой конфузии союзников уже не могло быть и речи о том, чтобы продолжать штурм. В планах и английского, и французского адмиралов все было правильно. И даже красиво: жестко подавить превосходящим огнем батареи противника, взять город и отметить взятие фейерверком. Но одного они не учли. Русской особенности, которую губернатор Камчатки адмирал Завойко определял так: «умереть, не думая об отступлении»...

Эскадра отошла вглубь Авачинской губы, подсчитывая потери: около 450 убитых и раненых. Корабли избиты ядрами русских батарей. В Ванкувере портовая публика сразу заметила, что на английских и французских кораблях занимаются мачтами поочередно: приведут сначала в порядок фок, потом – грот и бизань. Такое бывает, когда и корабль, и экипаж очень сильно потрепаны. Вышло, однако, так, что эта «потрепанность» и вообще «ощущение глубочайшего поражения, за которое нельзя оправдаться»,

пронизали все сознание союзной эскадры. И, естественно, одной трагедией не обошлось.

Чтобы понять ее, вникнем еще раз в психологию побеждающего Запада: в этой войне с Россией к потерям французский император и его министры привыкли. Но к поражениям не привыкли. И успех, хотя бы минимальный, искупал все. А тут налицо было самое настояще поражение, которое можно было велеть замалчивать (и это было сделано, конечно), но отрицать его было бы абсурдом.

В Англии было хуже: всех офицеров, участвовавших в камчатской кампании, лишили знаков отличия. В прессе о Петропавловском деле или не говорили вовсе, или говорили с плохо скрываемым раздражением.

Для главнокомандующего объединенными силами адмирала Депуанта это был позор. Он переживал его так сильно, что умер на обратном пути «ужасной и медленной смертью от истощения физических и душевных сил, <...> прислушиваясь к ропоту ближайших подчиненных, не видя перед собой ничего лучшего, и уже на пути к Франции, к той Франции, которой он служил десятки лет, и до этого похода на Камчатку вполне безуокризненно...».

В России известие о Петропавловской победе произвело, понятно, обратное впечатление. Она не могла, конечно, рассеять густые сумерки театра военных действий Крымской войны, но мелькнула как луч солнца и надежды. Все отличившиеся в этом незаурядном деле были награждены.

На следующий год, 31 мая 1855 года, усиленная англо-французская эскадра из 12 военных кораблей вошла в Авачинскую губу. Но в некотором смысле опять опоздала: и люди, и имущество порта, и орудия по решению русского командования были эвакуированы из Петропавловска раньше. Союзники пустили несколько ядер в пустой город и вынуждены были ретироваться. Впрочем, это уже не имело никакого значения.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обстрел Петропавловска-Камчатского англичанами

ДЕЛА И ДНИ МАЯЧНОГО СМОТРИТЕЛЯ

АВТОР

НИКОЛАЙ МАНВЕЛОВ

ЧАСТО, ПРЕДСТАВЛЯЯ СЕБЕ ЖИЗНЬ НАШИХ ПРЕДКОВ ЛЕТ ТАК 150 НАЗАД, ДУМАЕШЬ О ТОМ, КАК ЖЕ ПРОСТО ИМ БЫЛО ЖИТЬ НА БЕЛОМ СВЕТЕ. ПО СРАВНЕНИЮ С НАШИМИ ДНЯМИ, КОНЕЧНО, НИ ПРИВЫЧНЫХ НАМ СКОРОСТЕЙ, НИ ДУРНОЙ ЭКОЛОГИИ. СЛУЖИШЬ СЕБЕ, НАПРИМЕР, СМОТРИТЕЛЕМ МАЯКА, ДЫШИШЬ СВЕЖИМ ВОЗДУХОМ, ЛОВИШЬ РЫБКУ, ОХОТИШЬСЯ НА МОРСКОГО И БЕРЕГОВОГО ЗВЕРЯ... А ДЛЯ РАЗНООБРАЗИЯ ЗАЖИГАЕШЬ В ТЕМНОЕ ВРЕМЯ СУТОК ОГНИ, ГАСЯ ИХ В НУЖНЫЙ МОМЕНТ.

KАРТИНА, СОГЛАСИ-
тесь, идиллическая.
Но так ли было на са-
мом деле, как нам ри-
сует наше воображение? Давай-
те попробуем перенестись в
последнюю четверть XIX века и

оценить, сколь легок был хлеб смотрителя маяка. Например – маяка на Белом море.

28 июля 1875 года император Александр II утвердил новое подробное «Положение о найме смотрителей и прислуги для

беломорских маяков». Предыдущие правила, кстати, работали около пятнадцати лет и были куда менее детальными.

Высочайше было утверждено, что смотритель – главное лицо на маяке – должен был избираться «преимущественно из лиц, знакомых с бытовыми условиями северного поморья, грамотных, хорошего поведения и нравственности и могущих по состоянию своего здоровья вынести тяготы службы на Беломорских маяках». Смотритель должен был знать, как обращаться с маячной и метеорологической аппаратурой (на маяках вели наблюдения, которые один-два раза в год передавались на пришедшее судно снабжения. – Прим. авт.), а также иметь представление об азах медицины. Для этого его на два-три месяца прикомандировывали к лазарету Архангельской флотской роты – для знакомства с основными правилами гигиены, врачебными средствами, способом составления и употребления этих средств, а также с правилами оказания помощи заболевшим и ухода за ними.

По климатическим условиям беломорские маяки, в отношении денежного содержания смотрителей, разделялись на два разряда.

К первому разряду принадлежали Святоносский (на мысе Святой Нос Кольского полуострова), Орловский (на одноименном острове Белого моря), Сосновский (остров Сосновец в Горле Белого моря) и Моржовский (у острова Моржовец при входе в Мезенский залив) маяки. Ко второму – Жижгинский (на одноименном острове), Жужмуйский (на острове Большой Жужмуй), Соловецкий (на Секирной горе Большого Соловецкого острова) и Мудьюгский (на одноименном острове) маяки. К тому же второму разряду относились и «створные освещаемые башни» на острове Мудьюг.

Стоит сказать, что в наши дни не все упомянутые маяки являются действующими.

Большая
северная башня
на острове
Мудьюг

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ШТАТ МАЯКА

Смотритель маяка первого разряда ежегодно получал 400 рублей жалованья, а его коллега, работавший на маяке второго разряда, – 300 рублей в год. В месяц выходило негусто, но после каждого трех лет «вполне исправного и безукоризненного исполнения» службы можно было рассчитывать на прибавку – 100 рублей в год. Кроме того, собственно на маяке деньги тратить было некуда.

Маячный смотритель имел право нанять себе в помощь небольшой штат – не менее пяти человек на период навигации и не менее двух человек в остальное время. Один из сотрудников – «лучший по поведению» – назывался «помощником смотрителя». Где и как набирать людей – решал смотритель. Если же маячные служители отказывались выполнять свои обязанности и ударялись в бега, смотритель, при необходимости, мог прибегнуть и к помощи «местной полицейской власти» для доставки своих подчиненных на маяк.

Примечательно, что в числе «прислуги» маяка могли быть и женщины, которые, впрочем, должны были быть в меньшин-

Боцман администра-
тивного
парохода
«Мурман»

Жижгинский
маяк и дом
смотрителя
маяка

стве по сравнению с мужчинами. Особо отмечалось, чтобы «женщины, поступающие на маяки, были вполне здоровы и крепкого телосложения». В число прислуги могли входить и члены семейства самого смотрителя.

Говоря о здоровье маячного персонала, стоит заметить, что от него не требовалось обладать силой и выносливостью Геркулеса. Смотрители должны были лишь убедиться, что люди соответствуют требованиям, предъявляемым к нестроевым чинам Морского ведомства.

Каждый вольнонаемный служитель получал, в зависимости от разряда маяка, не менее 12 или не менее 10 рублей жалованья в месяц. Смотритель мог и увеличить содержание, не выходя, впрочем, за рамки средств, заложенных на жалованье прислуге и прочие надобности, помимо тех, что учитывались казнью. А мог и ограничить число помощников, параллельно увеличив свой доход. Например, наняв собственных же родственников.

Для маяка первого разряда соответствующая сумма составляла 800 рублей, а для маяка второго разряда – 600 рублей в год.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Святоносский маяк действует и сегодня, существуя в нынешнем виде с 1862 года: в 1828 году здесь была построена неосвещаемая башня. С 1835 года на маяке стояли масляные «аргандовы» лампы, позже – керосинокалильные и газокалильные системы. В конце 1930-х годов маяк был переведен на электрическое освещение.

Соловецкий маяк – самый высокий на Белом море, он расположен на высоте 98 метров. Его особенность заключается в том, что маячное оборудование расположено на верхнем ярусе церкви Вознесения Господнего Соловецкого монастыря. С 1897 года и до окончательного установления Советской власти на маяке работала исключительно братия и послушники монастыря. Электроэнергия для питания ламп стала использоваться здесь только с 1960-х годов.

Орловский маяк, позже переименованный в Терско-Орловский, существует с 1842 года. Он располагал не только световой сигнализацией, но и туманным колоколом. Вступивший в строй в 1863 году Сосновский маяк также был оснащен туманным колоколом. Моржовский маяк был построен в 1842 году и неоднократно перестраивался, причем в последний раз в 1974-м. Жижгинский маяк действует с 1841 года. Мудьюгские маяки также продолжают работу. А вот Жужмуйский маяк, построенный в 1871 году, в наши дни, увы, уже не работает.

Моряки крейсера «Вестник» ставят навигационный знак при входе в Екатерининскую гавань

Соловецкий маяк стоял в этом отношении как бы вне разрядов: размер суммы, отпускаемой на содержание прислуги, определялся по соглашению с Соловецким монастырем.

Какое же довольствие получала вольнонаемная прислуга маяка и примкнувший к ним смотритель?

Ежемесячно на каждого полагался 1 пуд и 32,5 фунта муки (29,7 килограмма), без указания, правда, какой именно; 15 фунтов и 26 золотников (6,3 килограмма) гречневой крупы, 1 фунт и 59 золотников (663 грамма) соли, 5 фунтов и 58 золотников (2,7 килограмма) «коровяго масла».

Отдельно указывались испытанные веками «противуцинготные средства». В их число – из расчета на всех на год – входили: 1 пуд и 7,5 фунта (19,5 килограмма) репчатого лука; 1 пуд и 7,5 фунта (19,5 килограмма) маринованного лука; 23 фунта (9,4 килограмма) маринованного чеснока; 726 порций квашеной капусты; 1 пуд и 7,5 фунта (19,5 килограмма) хрена; 4 фунта (1,6 килограмма) стручкового перца; ведро (12,3 литра) вина «для слабых».

Глава маяка также был обязан, «по мере возможности, иметь на маяке постоянный запас квашеной морошки, как противуцинготного средства».

Мудьюгский маяк

Устройство паровой звуковой сигнализации на беломорском маяке

Заготовка и выдача некоторых видов продовольствия возлагалась непосредственно на смотрителя маяка. Еженедельно по воскресеньям он должен был бесплатно выдавать служителям по 72 золотника (310 граммов) свежего мяса или солонины, а в остальные дни – по крынке молока или 1,5 фунта (614 граммов) рыбы, а также по четверти золотника (около грамма) чаю и по 6 золотников (26 граммов) сахара.

Смотрителю также в приказном порядке рекомендовалось всячески увеличивать запасы продовольствия путем

заведения на маяке скота, охоты, рыболовства и ловли зверя. Для этого казна снабжала маяки «потребными рыболовными и звериными снарядами, оружием и лыжами».

На каждом маяке предписывалось иметь два охотничьих ружья или дульнозарядные винтовки «с принадлежностью, туземного образца», дубовый бочонок под порох, 10 фунтов (4 килограмма) пороху, пуд (16 килограммов) свинца для литья пуль, мерёжку (рыболовную сеть) со стенками, невод с сетками, 10 фунтов (4 килограмма) тонкой линяной пряди, запорную сетку из конопли, 10 крючков для ловли мелкой рыбы, два кутела (остроги) для добычи рыбы крупной, а также две пары лыж. Все это оборудование числилось за маяком, а в случае порчи пополнялось от казны.

Каждый человек, состоящий на маяке, обеспечивался не только продовольствием, но и одеждой. Ему полагалась малица (нечто вроде длинной меховой рубахи), пара больших кожаных сапог-батаров и подметок, пара валенок или катанцев, пара кожаных сапог и варежек, теплая рубаха, нательная рубаха, шерстяная фуфайка, теплая шапка и две пары суконных портнянок. По мере износа одежда также пополнялась от казны.

НЕПРОСТАЯ СЛУЖБА

Одежда, обувь и иные необходимые вещи имелись в нужном количестве на борту судов снабжения, которые раз или два в год посещали маяки. Случалось, что помимо пополнения запасов служащих маяков в обязанность команда судна входили и куда более грустные обязанности.

2 июля 1873 года командир шхуны «Самоед» капитан-лейтенант Леонид Кащинцев (Кащинцов), посланный в Белое море из Архангельска для доставки предметов снабжения на маяки, отдал приказ похоронить на острове Жужмуй четырех человек – смотрителя маяка Петра

Мехренгина и трех его подчиненных. Мехренгину было около 50 лет, в 1852 году он был произведен в прапорщики Корпуса флотских штурманов, а с 1860 по 1872 год состоял в резерве флота. В том же году он был уволен в отставку в чине подпоручика Корпуса флотских штурманов.

Судя по всему, подчиненные Кашиццева разыскивали тела умерших от цинги служителей маяка по всему острову, поскольку погребение, согласно метрическим книгам, произошло только 4 июля.

Есть в истории смерти отставного подпоручика Корпуса флотских штурманов и небольшая тайна. Дело в том, что в январе 1875 года его семье было решено выдать 150-рублевое денежное пособие «на погребение тела»... все того же Мехренгина, уже почти полтора года мирно покоившегося на Жужмье. Причина такого решения руководителей Морского ведомства Российской империи автору, увы, неизвестна.

Заметим, что походы кораблей русского флота к маякам далеко не всегда оканчивались благополучно даже в мирное время. Так, 8 июня 1872 года в свежую погоду перевернулся веселый катер, шедший все с того же «Самоеда», но на этот раз – на Орловский маяк. Шлюпка следовала со строительными материалами для ремонта маяка и мастеровыми, которые должны были заниматься ремонтом.

Виновником был признан командовавший катером командир Архангельской флотской роты лейтенант Гавриил Сафонов, который допустил опасную перегрузку, не вняв советам знакомых данных мест. Результатом стала гибель 22 человек, включая самого Сафонова, а также отставных мастеровых Андрея Савина, Александра Сундушникова и Николая Абакумова. Часть тел унесло в море, и они не были обнаружены.

Может возникнуть вопрос: а как мастеровые могут быть отставными?

Заведующий
Гидрографи-
ческой частью
Арханель-
ского порта
Петр Мордовин

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Дело в том, что в те времена в Российском императорском флоте существовали так называемые «кадры отставных мастеровых и рабочих». Первоначально они состояли из нижних чинов бывших рабочих и портовых экипажей. Позже формировались из вольнонаемных мастеровых и рабочих Морского ведомства соизмеримо «с количеством постоянных, ежегодно повторяющихся, работ по кораблестроительной части, заготовлению и ремонту предметов артиллерийского снабжения» по каждому порту. В кадр поступали по найму на срок не более пяти лет; преимущество оказывалось ученикам портовых школ, а возраст ограничивался 19–45 годами. Мастеровые кадра имели право на врачебную помощь и сохранение части жалованья на время болезни и отпусков, получение продовольствия по закупочным ценам, а по возможности – обеспечивались жильем.

Орловский маяк

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Фотографии из собрания
Архангельского краеведческого
музея и архива автора.

Тогда, в июне 1872 года, из перевернувшегося катера спасся только один человек – штабс-капитан Корпуса флотских штурманов, заведующий Гидрографической частью Архангельского порта Петр Мордовин. Именно ему, кстати, и подчинялись беломорские маяки.

Заметим, что спустя два года, 14 августа 1874-го, «Самоеду» вновь не повезло у Орловского маяка. Во время шторма корабль потерял четырехвесельный ял, утлегарь с закрепленными кливерами и фор-брам-стеньгу. Убытки казны составили 1292 рубля 21 копейку. К счастью, в этот раз обошлось без жертв.

Но вернемся на маяки. Ремонтируя оборудования в штате маяка не было, однако необходимый инструмент присутствовал. В частности, требовалось иметь «паяльный прибор и переносное кузнецкое горно». Кроме того, отпускалось топливо для отопления и освещения в размере, определенном для казенных зданий Архангельского порта. На каждый маяк выделялся карбас (небольшое парусно-гребное судно) для разъездной службы, рыбной ловли и охоты.

И еще одна любопытная деталь. В служительской избе, то есть в здании, где обитали сотрудники маяка, в обязательном порядке «в раке под стеклом» должна была висеть «печатная выписка» о том, какое жалованье и иное довольствие назначено каждому из служителей от казны.

А в обязанность начальника Гидрографической части Архангельского порта вменялся опрос людей, все ли положенное от казны им выдается сполна. Что же касается смотрителя маяка, то в его комнате на видном месте должна была находиться типографским способом отпечатанная выписка «из наставления о мерах, служащих к сохранению здоровья».

Порядок есть порядок! ●

НЕСЛАБЕЮЩИЙ ГОЛОС

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

НИКОЛАЙ ГНЕДИЧ – ИЗ ТЕХ ВЕЛИКИХ ПОЭТОВ, КОТОРЫЕ ПРОСЛАВИЛИ СЕБЯ НЕ СОБСТВЕННЫМИ ТВОРЕНИЯМИ, А УПОРНЫМ ПЕРЕВОДЧЕСКИМ ТРУДОМ. РУССКАЯ «ИЛИАДА» ГНЕДИЧА – НАСТОЯЩИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОДВИГ, ОЦЕНЕННЫЙ СОВРЕМЕННИКАМИ УЖЕ ПРИ ЖИЗНИ АВТОРА.

ПРЕДКИ ПОЭТА ГНЕДИЧА носили фамилию Гнеденко и были казачьими сотниками, а в екатерининские времена получили дворянство и фамилию, которую прославил их потомок. Дед поэта еще был сот-

ником, отец уже занимался исключительно собственным поместьем в селе Бригадировка Богодуховского уезда под Харьковом. Поместье было маленькое, дохода не приносило, тяжбы с братьями окончательно разорили Ивана Петровича

Гнедича. Жена его умерла при родах сына Николая. 20-летним сын нашел могилу матери и написал элегически: *Прости! – оставленный тобою, Я от пелен усыновлен Суровой мачехой-судьбою. Она, от берега мой челн Толкнув, гнала его жестоко Между бушующих зыбей И занесла меня далеко От тихой родины моей.* Он и в самом деле всю жизнь считал себя пасынком судьбы – и для этого у него были основания. В раннем детстве он переболел оспой, оставившей на его лице страшные шрамы. А еще он ослеп на правый глаз.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Тихую родину он часто вспоминал. «В местах, где рос Гнедич, степь изрыта оврагами, поросшими лесом. В те времена там еще были остатки стен древних городищ; дома даже самых «значимых» людей там крыли соломою или очеретом, — пишет биограф поэта Ирина Медведева. — Ежегодно из этих мест отправлялось множество чумаков на южную соль. Возы их вереницами тянулись по степи, и «бодатели» бежали сбоку, подкальвавая длинным кием ленивых волов, чтобы двигались проворней. Через много лёт, работая над переводом «Илиады», Гнедич вспомнил этих «бодателей», когда понадобилось ему перевести слово, обозначающее бегущих за колесницей подстрекателей коней».

Знание сельского быта, с детства знакомого Гнедичу, очень пригодилось ему при переводе древнего эпоса, герои которого живут простой суровой жизнью. Одно из самых ярких впечатлений мальчика — песни слепых

кобзарей. В предисловии к «Простонародным песням нынешних греков» в своем переводе поэт писал: «Оставив Малороссию в детстве, я, однако, имел случай слышать пение таких слепцов, и, сколько помню, в песне одного из них, очень длинной, часто упоминалось о Черном море и о каком-то Царе Иване».

...Дела у отца шли плохо. 9-летнего Николая отправили учиться за казенный счет в Полтавскую «словенскую семинарию» — обычную бурсу. Там он полюбил древние языки и стихи; писал позднее, что пристрастился к «народным театралам», в которых сам играл. В семинарии Гнедич подружился с Алексеем Юшневским, будущим декабристом, и дружба эта продолжалась всю жизнь.

Преподаватели обратили внимание на талантливого мальчика. То ли они отправили его учиться в Харьковский коллегиум, то ли мальчика перевел туда отец, недовольный плани-

А.И. Куинджи.
Чумакий тракт
в Мариуполе.
1875 год

Антон Антонович Прокопович-Антонский (1762–1848), писатель, педагог, заслуженный профессор и ректор Московского университета, директор Московского университетского Благородного пансиона, председатель Общества любителей российской словесности

руемым переездом семинарии в Новомиргород. Коллегиум — учебное заведение, прообразом для которого послужила Киево-Могилянская академия, в свою очередь, созданная по образцу западных коллегиумов — преимущественно иезуитских. Программа обучения была похожа на программу Московского университета: здесь преподавали древние языки, русский, поэтику, риторику, философию, богословие, французский и немецкий, музыку, а также некоторые точные и естественные науки. Гнедич проучился в коллегиуме около семи лет. Окончив его в 1800 году, 16-летний юноша поехал в Москву, где некоторое время пробыл в университете Благородном пансионе. Одни биографы предполагают, что преподаватели могли снабдить его рекомендательным письмом к инспектору пансиона Прокоповичу-Антонскому, который сам был родом из Черниговской губернии и покровительствовал землякам. Другие считают, что учился Гнедич не в пансионе, а в гимназии университета. Позже он был принят на философский факультет университета, вместе с ним поступил в университет и Юшневский.

К.А. Трутовский.
Слепой
бандурист

СКРЕЖЕТ ЗУБОВНЫЙ

Писатель и драматург Степан Жихарев, автор дневниковых «Записок», размышляя по поводу первого романа Гнедича, «Дон Коррадо де Геррера, или Дух мщения и варварства гишпанцев», иронизирует над трескучим названием и кровавым содержанием и замечает, что «этот роман – сочинение очень доброго, миролюбивого и умного человека, бывшего нашего студента – Гнедича. Некогда в университете его называли <...> ходульником, потому что он любил говорить свысока и всякому незначительному обстоятельству и случаю придавал какую-то важность. Между прочим он замечателен был неутомимым своим прileжанием и терпением, любовью к древним языкам и страстью к некоторым трагедиям Шекспира и Шиллера, из которых наиболее восхищался «Гамлетом» и «Заговором Фиеско».

Жихарев утверждает, что Гнедичу больше всего нравились эффектные сцены: с привидением – в «Гамлете», а в «Заговоре Фиеско» – «монолог Веррины, в котором этот беспощадный заговорщик <...> говорит, что он «готов распороть себе брюхо, вымотать кишки, свить из них веревку и на ней удавиться!» Монолог этот он охотно читал наизусть. Гнедича вообще много хвалили за «одушевленное, сильное чтение писателей, особенно драматических», как пишет Жихарев, – впрочем, некоторые находили его манеру декламации несносной, сейчас бы сказали – пафосной. «Заговор Фиеско» Гнедич примерно в это время перевел на русский язык для постановки на сцене. Перевод пользовался большим успехом, и Жихарев замечает, что продавался он по «цене неслыханной».

«Дон Коррадо де Геррера» был задуман под влиянием Шиллера и даже написан местами в виде драматических диалогов. Главный герой – негодяй, который совершает множество

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вид Московского университета через реку Неглинную. 1790-е годы

Алексей
Петрович
Юшневский
(1786–1844),
декабрист

чудовищных злодейств и наконец умерщвляет даже собственного отца. В этом юношеском романе Гнедича заметно, как его страсть к эффектным сценам соединяется с тираноборческим и антиклерикальным пафосом, свойственным эпохе. Юноша отличался вольнодумством, верил в силу разума и просвещения – и эти убеждения сохранил на всю жизнь.

Вот случайно выбранный фрагмент из романа (он, в принципе, весь таков, и это закономерно, учитывая, что автору

17 лет): «Дон Коррадо в молчании скрежетал от ярости зубами: «Добро – добро, друзья мои! – наконец вскричал он с бешенством: узнаете меня, когда терзая изменников – терзая вас на части, буду плавать в крови вашей; когда, для продолжения вашей муки – для сладости моего мщения, буду по капле испускать кровь предателей». Несколько строчками ниже Коррадо закалывает офицера, а жена его, «нешастная Леонора», «падает на труп супруга, и – после страшных судорожных потрясений, – душа ея вылетает». Дальше мы встречаем горы трупов, реки крови, гром грохочет, ветер заывает, цепи громыхают – на небольшой книжной страничке больше романтических эффектов, чем в самой романтической балладе, хотя времена романтизма в русской литературе еще даже толком не настали. В своем предисловии автор говорил: «Первое перо Вольтера, Шекспира и Шиллера конечно было не без слабостей; так почему ж не простить их молодому Русскому автору». Мария Рыбакова, автор романа в стихах о Гнедиче, утверждает, что позднее поэт сделал приписку на этом предисловии: «Ну, пенять, может, и не надо, а выпороть бы следовало».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Пребывание в Благородном пансионе, а затем в Московском университете Гнедичу и его другу Алексею Юшневскому пришлось прервать, потому что жить было не на что, надо было поступать на службу. В конце 1802 года они оба отчислились из университета, получили аттестаты и отправились в Петербург. Там Гнедич поступил на службу писцом в только что созданный Департамент народного просвещения, впоследствии – Министерство народного просвещения.

В том же департаменте служили переводчик Дмитрий Языков, поэт Николай Радищев, сын Александра Радищева, поэт Константин Батюшков, ставший близким другом Гнедича на всю жизнь. Туда же впоследствии пришел Павел Катенин. Этот круг жил литературными интересами; здесь жарко спорили о сути поэтического творчества, о переводах, о развитии театра, споры перемещались на страницы писем, а потом – и на страницы литературных журналов.

Литературная позиция Гнедича постепенно определилась – и это была позиция гражданственная. Пожалуй, его представления о прекрасном сочетали эффектное и героическое. Он зачитывался Оссианом, популярной мистификацией Макферсона. И если современников привлекала фантастика, суровая поэзия шотландских легенд, таинственный и скопой пейзаж, если для них главным было общее романтическое настроение, то Гнедича пленял в Оссиановых песнях герический народный дух, образы сильных и гордых воинов.

Он тяготел к романтизму с его сильными героями, необычными характерами, бурными страстями, но продолжал работать в классицистской эстетике. Он даже Шекспира поправил, убрав из «Короля Лира», получившего в его переводе название «Леар», сцены безумия как снижающие герический образ.

С европейскими романтиками его роднил интерес к прошлому, к фольклору, к героике. Все это

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

живо волновало Гнедича, а вместе с тем это и были ключевые вопросы европейской культуры того времени: кто мы такие? Каков наш характер? Какое устройство общества ближе всего нашему национальному духу? Дать русскому читателю и зрителю русский театр, русские баллады, приблизить к нему европейскую культуру – это для Гнедича было важнейшей задачей. А предшественников, на плечи которых он мог бы опираться, было совсем мало: большинство принципов перевода приходилось вырабатывать самому, методом проб и ошибок.

Особенно жаркими были его споры с Батюшковым. Гнедич

О.А. Кипренский.
Портрет
К.Н. Батюшкова.
1815 год

с его тяготением к героическому был уверен, что переводчик должен совершить подвиг: перевести на русский язык что-то большое, серьезное. Его не устраивали лирические безделки. Элегии и баллады тоже не казались ему заслуживающими внимания: все это чепуха. А как же гражданственное, героическое? Гнедич стал первым критиком, который направлял поэтические поиски декабристов. Он требовал, чтобы поэзия говорила о важном и серьезном – о предметах, достойных изображения.

А для Батюшкова было важно, чтобы поэзия научилась говорить. Вообще говорить – легко, не запинаясь на каждом слове, летать как ласточка, а не ступать тяжеловесным бегемотом, пусть даже это бегемот библейский – величественный и весомый. Батюшков был карамзинистом; для него важно было, чтобы русский язык звучал легко. Для Гнедича важно было, чтобы этим языком говорилось о главном. Грубо или изящно, простонародно или изысканно – это не так важно. Он говорил: в поэзии есть вечное, и оно не требует поэтического изящества. И указывал на сцену возвращения Телемаха домой как пример «высочайшей поэзии, доступной всем и великой в своей нагой простоте», хотя рассказана эта история «словами низкими и наимпростейшими» и в ней нет «никаких искусственных фигур и оборотов» – увесистый камень в огороде карамзинистов.

В 1806–1807 годах друзья вместе взялись за переводы: Гнедич за «Илиаду», Батюшков за «Освобожденный Иерусалим» Торквата Тассо. Батюшков, впрочем, к переводу скоро охладел. А Гнедич по складу своего характера был идеальным переводчиком эпоса – усидчивым, трудолюбивым, склонным к кропотливой работе. Батюшкова он долго уговаривал вернуться к переводу, но бесполезно.

Сам же он продолжал начатое. Попытки перевести «Илиаду» на русский язык делались и до него. Существовал полный прозаиче-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка
«Илиады» Гомера
в переводе
Н.И. Гнедича.
Издание
1912 года

ский перевод Петра Екимова и начало поэтического перевода, сделанного Ермилом Костровым: он перевел шесть песен поэмы рифмованным alexandрийским стихом, которым в XVIII веке принято было переводить французские пьесы. Изначально замысел Гнедича состоял в том, чтобы продолжить труд Кострова – и он начал работу с седьмой песни. С alexandрийским стихом, шестистопным ямбом с цезурой, поэты много экспериментировали – и безуспешно: он плохо прижился на русской почве, оказался слишком громоздок; по пушкинскому выражению – «извивистый, проворный, длинный, склизкий», он пригоден для эпиграфа или украшения гробницы.

Вот как звучал Гомер в переводе Кострова:

Но Гектор, бегство зря,
стремит хулы правдивы:
«Лепообразный льстец!
Парий женолюбивый,
О, если б свет тебя
рожденного не зрел
Иль прежде брачных уз
ты в смертный гроб нисшел,
Какою б радостью
я ныне восхищался!
И ты бы днес в стыде,
в презорстве не являлся»...

Попытке переводить Гомера alexandрийским стихом Гнедич отдал шесть лет. Наконец он пришел к выводу, что для его цели гораздо более пригоден русский гекзаметр, опробованный некогда Тредиаковским, поэтом настолько тяжеловесным и неуклюжим, что гекзаметр стал считаться архаичным и неудобоваримым. И свою поэтическую задачу Гнедич видел в том, чтобы «отвязать от позорного столба стих Гомера и Вергилия, прикованный к нему Тредиаковским». Шесть лет трудов, четыре готовые песни были брошены – и Гнедич начал сначала.

Истина рождалась в теоретических спорах, в которых принимали участие граф Уваров (в будущем министр просвещения и автор концепции официальной народности – он-то и подал Гнедичу идею попробовать

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К.П. Брюллов.
Портрет актрисы
Е.С. Семеновой
(в замужестве
княгини
Гагариной).
1836 год

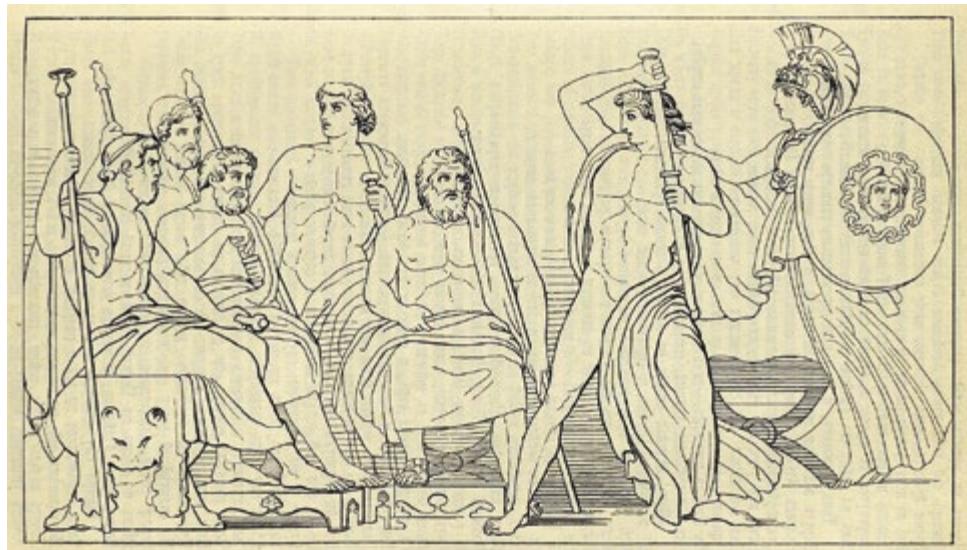
Сцена Ахиллеса
с Агамемноном.
Рисунок
Дж. Флаксмана
к «Илиаде»
Гомера

гекзаметры. – Прим. авт.), поэт Капнист, пытавшийся перелагать древнюю поэму русским былинным стихом, и Радищев-старший, проанализировавший опыт Тредиаковского. Результатом этой дискуссии стало рождение русского гекзаметра – не монотонного чисто дактилического метра, а разнообразного, живого, пластичного благодаря возможности заменять дактили на хореи в разных стопах: «Гнев, богиня, воспой, Ахиллеса, Пелеева сына» – раз! И сразу хорей, неожиданный и крутой, вместо ожидаемого плавного «о богиня»...

ДВЕ ФУРИИ

Переводы пьес – а помимо «Заговора Фиеско в Генуе» и «Короля Лира» Гнедич перевел еще трагедию Вольтера «Танкред» и пьесу Дюси «Абюфар, или Арабская семья» – открыли ему двери театра. В те времена авторы нередко объясняли актерам, с какой интонацией следует произносить текст. У Гнедича так хорошо получалось работать с актерами, что он стал давать им уроки декламации. Особенно серьезно он занимался со знаменитой трагической актрисой Екатериной Семеновой, в которую был безнадежно влюблен. Он всю жизнь мечтал о женитьбе, о семейной жизни, но считал их невозможными для себя из-за внешнего безобразия и нищеты. «Главный предмет моих желаний – домашнее счастье. Моих? Едва ли это не цель и конец, к которым стремятся предприятия и труды каждого человека. Но, увы, я бездомен, я безроден... Круг семейственный есть благо, которого я никогда не видал...» – писал он в «Записной книжке». Он поддерживал теплые отношения с сестрой, которая жила в родительском поместье, а после ее смерти остался совершенно одиноким.

Актеры, с которыми он занимался, имели больший успех у публики. А Екатерина Семенова, по общему убеждению, сыграла в Вольтеровом «Танкреде»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лучше, чем знаменитая француженка Жорж, и это была весомая победа в соперничестве русского и французского театров. Князь Гагарин в благодарность за занятия с Семеновой в 1809 году выхлопотал Гнедичу у великой княгини Екатерины Павловны пенсию в тысячу рублей, чтобы он мог заниматься переводом. Пенсия небольшая, но она облегчила унизительную нищету, в которой Гнедич жил до сих пор. Об этой нищете свидетельствуют его обмольки, разбросанные там и тут по его текстам. В 1805 году, после смерти отца, ему нужно было съездить на родину, а денег не было; ему помогли Языков и Радищев, и Гнедич адресовал им бурные изъявления благодарности в стихах. Батюшкова в известном послании он приглашал к себе «в хату, где бедность в простоте живет». В «Записной книжке» Гнедича есть фраза: «Нищета и гордость, вот две фурии, сокращающие жизнь мою и останок ее осеняющие мраком скорби...» В 1807 году Державин пригласил Гнедича в свой литературный кружок – тот самый, который четырьмя годами позже оформился в «Беседу любителей русского слова». Гнедич примкнул к кружку, и для этого были серьезные основания. Он ценил лирику Державина, в том числе гражданскую, с уважением относился к его общественной позиции; он разделял интерес членов общества к русскому языку – и многое в рассуждениях Шишкова казалось ему заслуживающим внимания. Членам «Беседы» он был интересен и как соратник в борьбе за русский театр, кото-

рому мощную конкуренцию составлял театр французский: ведь в состав «Беседы» входил самый плодовитый комедиограф России, князь Шаховской, да и сам Державин размышлял о постановке своих пьес. В 1811 году, когда неформальный кружок стал пышной, торжественной «Беседой» с ее обедами, заседаниями, с ее иерархией членов по четырем разрядам, когда самого Гнедича позвали в «Беседу» сотрудником, но не членом ее, он возмутился и написал Державину резкое письмо. Державин и Гнедич надолго поссорились.

Во время войны 1812 года шишковисты особенно рьяно отстаивали чистоту русского языка; Гнедич высмеивал их рвение в письме Капнисту: «Чтобы в слу-

чае приезда вашего и посещения «Беседы» не прийти вам в конфузию, предуведомляю вас, что слово проза называется у них говор, билет – значок, номер – число, швейцар – вестник... в зале «Беседы» будут публичные чтения, где будут совокупляться знатные особы обоего пола – подлинное выражение одной статьи Устава «Беседы». А Батюшкову, который настаивал на том, что Гнедич должен быть в «Беседе», тот ответил: «Я умею мыслить и имею довольно характера, чтобы не позволить себя надувать чужим умом».

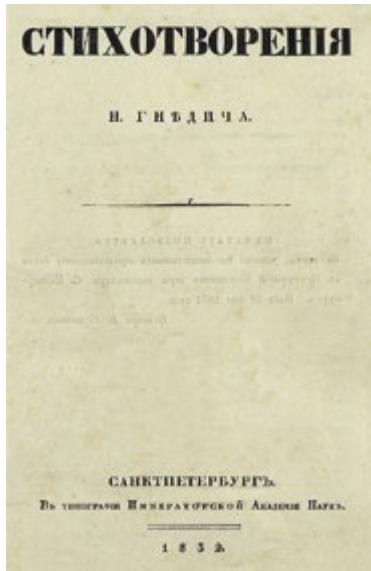
Пожалуй, большее значение для Гнедича имел другой кружок – Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Его друзья и коллеги по департаменту – Радищев, Языков,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Фигуры Н.М. Карамзина, И.А. Крылова, В.А. Жуковского, Н.И. Гнедича и А.С. Грибоедова на памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде

Титульный лист прижизненного издания стихотворений Н.И. Гнедича. 1832 год

Батюшков и Пнин – были его членами. Они свели его с издателями «Северного вестника», где Гнедич стал печататься. Батюшков познакомил его со своим родственником, отцом будущих декабристов Михаилом Муравьевым, а тот – с Алексеем Олениным, директором Публичной библиотеки и президентом Академии художеств. Оленин живо интересовался работой Гнедича. Дом Олениных был открыт для писателей и художников, их звали на лето гостить в усадьбе; семейство это отчасти восполнило Гнедичу недостаток домашнего тепла. Оленин предложил Гнедичу работу в Публичной библиотеке – в отделе греческих книг. С этим предложением связана серьезная перемена к лучшему в жизни поэта.

У него появилось стабильное жалованье и казенная квартира при библиотеке: он жил этажом выше Крылова, сотрудника той же библиотеки, на многолетнем близком соседстве двух не-похожих друг на друга холостяков основан миф об их крепкой дружбе, которая была, скорее, приятельством добрых соседей. Теперь он был устроен, мог позволить себе хорошо одеваться – современники вспоминают его

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.Г. Варнек.
Портрет
президента
Императорской
Академии
художеств
Алексея
Николаевича
Оленина.
Не ранее
1824 года

франтовство, идеально сшитые фраки и белоснежные манишки. Теперь он вхож в светское общество, где относятся к нему с уважением, но посмеиваются над его несовершенным французским и манерой декламировать стихи. А самое главное – у него появилась возможность беспрепятственно заниматься любимым Омиром – Гомером. Это был действительно переводческий подвиг, который занял двадцать лет. Современники так его и воспринимали. Пушкин писал: «Это будет первый клас-

В гостиной
у Олениных.
Акварель
неизвестного
художника.
1820-е годы.
В этом доме
дневали
и ночевали
Крылов и Гнедич.
Оба служили
в Публичной
библиотеке
под началом
Оленина

тический, европейский подвиг в нашем отечестве». И в другом месте: «Гнедич в тиши кабинета совершает свой подвиг».

Первые песни «Илиады» начали печататься во время войны 1812 года – и события далекой Троянской войны казались читателям близкими и понятными. Слишком близкие аналогии – соблазн для переводчика. Однако Гнедич пошел по сложному пути: не пытаясь актуализировать для читателя древнюю поэму, а пытаясь воссоздать ее мир на русском языке. Для этого ему понадобилось множество лексических пластов – и простонародной разговорной лексики, и торжественной церковнославянской; пришлось изучать фольклор и характерные для него художественные приемы – иначе передать своеобразие национальной поэмы невозможно.

За время работы над переводом ему пришлось вникать и в вопрос авторства; размышая над ним, он создал поэму «Рождение Гомера».

По сути, Гнедичу удалось выстроить на русском языке целую художественную систему национального эпоса и положить его в основание мужающей русской художественной культуры. Дальше национальная литература будет развиваться, уже получив этот опыт проживания Гомера и осмыслия его.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОСЛЕ ПОДВИГА

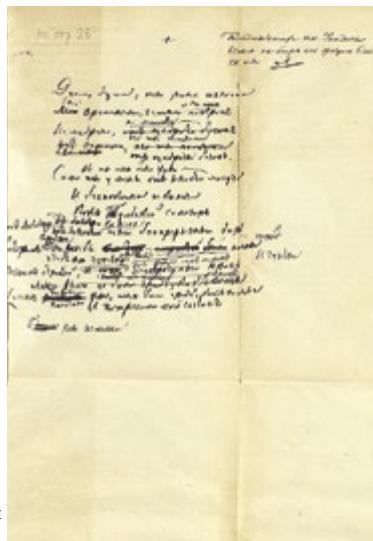
Еще в 1810 году он получил травму, когда ездил домой в Бригадировку: кони понесли, он упал с моста, стал болеть здоровый глаз, и Гнедич опасался окончательно ослепнуть. Потом разболелось горло – и занятия с актерами давались ему все с большим трудом. Примерно с 1820 года он болел почти непрерывно; началось кровохарканье, врачи посылали его на юг, он съездил на Кавказ. Восстание декабристов и последовавшие за ним аресты и ссылка положили конец его гражданским надеждам. Тяжесть душевного состояния не могла не сказаться на работоспособности.

В петербургском климате он почти не мог работать. Наконец, он совершенно лишился голоса. Но работу над переводом продолжал – и в 1826 году окончил свой многолетний труд. И еще три года не печатал его – только правил и комментировал. В 1827 году он вынужден был год прожить в Одессе; оттуда писал Жуковскому: «Поэтические струны души одни у меня опустились, другие совсем оборвались». В последние годы жизни он почти ничего не писал – как будто надорвался.

Когда перевод «Илиады» вышел, Пушкин приветствовал его: «Наконец вышел в свет давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод «Илиады»... С чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительно труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого высокого подвига». Широко известны две пушкинские эпиграммы: одна благоговейная: «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи; // Старца великого тень чую смущенной душой», вторая лукавая: «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера. // Боком одним с образцом схож и его перевод». Впрочем, это никак не умаляет

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Факсимиле последнего стихотворения Н.И. Гнедича, найденного М.Е. Лобановым, другом поэта, на его бюро

и сказанного в послании 1832 года: «С Гомером долго ты беседовал один, // Тебя мы долго ожидали, // И светел ты сошел с таинственных вершин // И вынес нам свои скрижали...» Однако другие современники, кажется, не поняли, что они увидели и чему стали свидетелями. Снова стали говорить об архаичности гекзаметра, о том, стоило ли переводить им поэму... Гнедич был разочарован: он знал, что немецкий переводчик «Илиады» стал фактически национальным героем,

Николай
Иванович
Гнедич.
Гравюра
П.Ф. Бореля.
2-я четверть
XIX века

а он мог разве что утешаться, что потомки оценят. Впрочем, оценил еще и Белинский. Умер Гнедич в одиночестве 15 февраля 1833 года. Его похоронили в Александро-Невской лавре; на могиле написали стих из «Илиады»: «Речи из уст его ве-щих сладчайшие меда лились».

И мы их слышим – голос певца, изумленного величием слов, которые ему приходится сказать:

Ныне поведайте, Музы,
живущие в сенях Олимпа:
Вы, божества, – вездесущи
и знаете все в поднебесной;
Мы ничего не знаем,
молву мы единую слышим:
Вы мне поведайте, кто и вожди
и владыки данаев;
Всех же бойцов рядовых не могу
ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имел языков я
и десять гортаней,
Если бы имел неслабеющий голос
и медные перси;
Разве, небесные Музы,
Кронида великого дщери,
Вы бы напомнили всех,
приходивших под Трою ахеян,
Только вождей корабельных
и все корабли я исчислю...

Самое время, кажется, достать Гомера и перечитать список кораблей, вечно доступный нам трудами Гнедича.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Памятник
на могиле
Н.И. Гнедича
в Александро-
Невской лавре.
Слева –
памятник
И.А. Крылову

СНЫ СПЯЩЕГО МАЛЬЧИКА

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«ОКОЛО САРАТОВА НА ВОЛГЕ ЕСТЬ ОСТРОВ. ЭТОТ ОСТРОВ НАЗЫВАЕТСЯ ЗЕЛЕНЫМ. В ДЕТСТВЕ ОН БЫЛ ДЛЯ МЕНЯ ЧУТЬ ЛИ НЕ «ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ». Я ЗНАЛ ТОЛЬКО ОДИН БЛИЖАЙШИЙ ЕГО БЕРЕГ. ОН БЫЛ ПУСТЫНЕЙ, И Я ЛЮБИЛ ЕГО ЗА ЭТО. ТАМ НИКТО НЕ МЕШАЛ МНЕ ДЕЛАТЬ ПЕРВЫЕ РОБКИЕ ОПЫТЫ С ПАЛИТРОЙ».

СУЩЕСТВУЕТ РАСПРО- страненный штамп: если человек талантлив, то он талантлив во всем. Это, к слову, не народная мудрость. У афоризма есть автор – немецкий романист и драматург Лион Фейхтвангер. Тезис, безусловно, спорный, если воспринимать его буквально. Есть множество примеров «за» и «против». Но если рассматривать

талант как некую абстрактную данность, как природную неординарность конкретной личности, то тут Фейхтвангер прав. Эта неординарность может реализоваться в какой-то одной области, а может и сразу в нескольких, довольно далеких друг от друга. И по сути, и по навыкам. Виктор Борисов-Мусатов был живописцем, но, сложись его жизнь по-другому, он смог бы

Дом Шахматовых-Триротовых в Саратове на углу улиц Аничковской и Александровской, где родился Виктор Мусатов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

превратить «робкие опыты» не с палитрой, а со словом в точную и яркую прозу. В подтверждение того еще одна цитата из наследия художника: «Женщина в ста-ринном платье с кринолином менее чувственна и больше по-хожа на облака и на деревья...» В отрочестве и юности, да что скрывать, и сейчас мы часто играем в довольно глупую игру, названия которой нет. Действо же заключалось в следующем. Кто-то задавал вопрос. Например, кто твои три любимых писателя (музыканта, футболиста и т.д.). Остальные члены компании, кто мучительно, кто легко, выдавали «на-гора» тройку «при-зеров». Когда вопрос касался живописцев, ваш покорный слуга неизменно включал в тройку Борисова-Мусатова. И это вызы-вало в подавляющем большин-стве случаев откровенное недоумение. Не по той причине, что Виктор Эльпидифорович та-кой чести недостоин, а в связи с тем, что эта двойная фамилия почти никому ничего не гово-рила. Это как в русской поэзии второй половины XX века. Воз-несенский? Знаем. Евтушенко? Знаем. Бродский? Знаем. Борис Чичибабин?.. Жаль, что не зна-ете. Борис Алексеевич в запи-сной призовой тройке хоть кого потеснит. Даже нобелевского ла-уреата. Судьбы творцов полны сюрпризов. Кого-то боготворят прижизненно, кого-то – посмерт-но. Кого-то заслуженно забыва-ют вскоре после смерти. Кого-то забывают незаслуженно.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НАЧАЛО

Виктор Борисов-Мусатов родился в Саратове в 1870 году. Город, не в обиду его уроженцам будет сказано, культурной жизнью в XIX веке был некоторым образом обижен и к творческим талантам довольно равнодушен. В чести было купечество, торговавшее зерном, и те, кого сегодня называют специалистами по логистике. На Волге стоял внушительный грузовой порт, а железная дорога вела через Тамбов в обе столицы, всегда требовавшие хлеба. Помимо хлеба, которого в Саратове было в избытке, имелись и зрелица. Все больше без изысков. Но случались и исключения. В 1885 году стараниями художника-мариниста Алексея Боголюбова, внука уроженца губернии Александра Радищева, в городе был открыт художественный музей, в котором благодаря местным меценатам вскоре сформировалась очень достойная коллекция картин. Интерес к живописи проснулся у Вити в 6 лет. И обязан он этим своему отцу Эльпидифору Борисовичу. Недавнему крепостному, после реформы 1861 года перешедшему в мещанское сословие

и служившему на железной дороге. В переводе на русский с греческого имя (в Святыцах – Елпидифор. – Прим. ред.) означает «несущий надежду». Мать художника, Евдокия Гавриловна, была также крепостного рода. Так вот,

В.Э. Борисов-
Мусатов.
Призраки.
1903 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Виктор Мусатов
с матерью
и сестрами
Агриппиной
и Еленой.
1880-е годы

об Эльпидифоре Борисовиче. Фамилия Мусатов – это отнюдь не производная от имени Муса. В древнерусских говорах одним из значений слова «мусат» было «огниво, кресало, которым выsekают огонь». По другой версии, слово «мусат» от тюркского *masad* означало профессиональную принадлежность к людям, занимавшимся заточкой ножей и прочего холодного оружия. Как-то Мусатов-старший подарил сынишке самодельную книжку – сказку Петра Ершова «Конек-Горбунок», не поспутился на красочные иллюстрации. И мальчик «заболел» красками. Виктор был первенцем в семье. А на первенца всегда особые надежды. Но случилось несчастье. В 3 года он упал со скамейки и серьезно повредил позвоночник. Родители старались как могли, но остановить процесс деградации позвонков не удалось. Не справились ни местные, ни столичные врачи. У мальчика начал расти горб. С этим недугом Борисов-Мусатов боролся всю жизнь. Но безуспешно. Бесчисленные операции так и не помогли. Несмотря на инвалидность, Виктор поступил в реальное училище в возрасте 11 лет. Педагоги сразу отметили его склонность к рисованию и черчению. Правда, выполняемые учеником задания порой напоминали картины очерки, а вовсе не сухую геометрию полученных заданий. Сведения о том, где подросток осваивал азы живописного мастерства, разнятся. По одним данным, он учился основам в студии при Саратовском обществе изящных искусств. По другим – брал частные уроки у преподавателя училища Василия Коновалова, разделявшего идеи передвижничества. По третьим – тоже уроки, у поселившегося в Саратове итальянского мастера Гектора Баракки. Впрочем, одно другого не исключает. О маэстро Баракки в любом случае стоит сказать несколько слов. Он прибыл в Саратов в начале 80-х годов XIX века. Со словами: «Дальше не поеду». А ехал он на Волгу с Венской

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

художественно-промышленной выставки. Заманил уроженца Вероны в русскую глубинку один местный фотограф. Прошло немного времени, и итальянец стал живой достопримечательностью небогатой на яркие творческие личности приволжской провинции. Писал декорации к театральным постановкам, пейзажи, за что заслужил прозвище Певец Волги, преподавал. В 1897 году открыл частную фотомастерскую. Ради этого факта, собственно, и стоило остановиться на биографии никому сейчас неведомого веронского художника. Единственное, что могло слегка потеснить в жизни Борисова-Мусатова живопись, так это фотография. Известно, что он довольно часто писал портреты не с натуры, а с фото, им же самим и сделанным. Чувствуется рука маэстро Баракки.

В любом случае, с будущим Борисов-Мусатов определился довольно скоро. К месту объяснять, почему «Борисов». Художник очень уважительно относился к памяти своего деда по отцовской линии. И, став взрослым, присоединил к родовой фамилии еще одну.

Набережная
Сены в Париже

ВОЗДУХ И ПРОЗРАЧНОСТЬ

Всякий раз, когда фениксом возрождаются мифы о страшной жизни в России при царе-батюшке, на память приходят судьбы людей из простонародья. Железнодорожный служащий из крепостных Мусатов каким-то чудесным образом сумел отправить 20-летнего сына-горбуну из Саратова в Первопрестольную, где тот поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Дальше – больше. Вик-

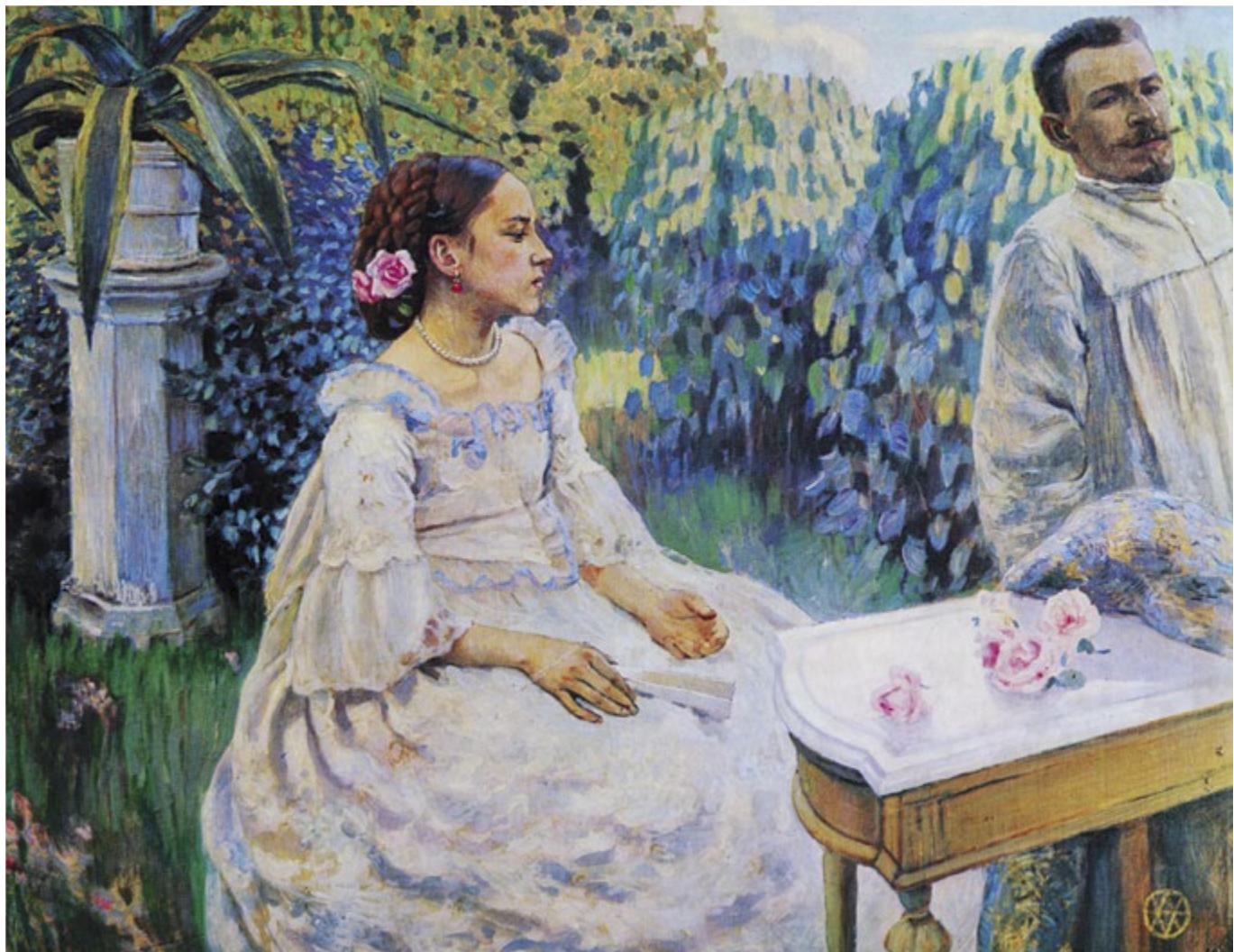
тор параллельно штудировал науку рисовать в Петербургской академии художеств в качестве вольнослушателя. Помимо прочего брал уроки у самого Василия Поленова.

По окончании МУЖВЗ Борисов-Мусатов отправился в Париж. Он уже писал всерьез, но считал свои работы ученическими и был уверен, что ему необходимо получить знания от мастеров Столицы мира непосредственно. Сдается, неподра-

Ока в Тарусе

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

жаемый стиль Борисова-Мусатова родился именно на берегах Сены. Он занимался в студии известного в ту пору художника-символиста Фернана Кормона, удостоенного за заслуги в области искусств ордена Почетного легиона. Но, посещая бесчисленные выставки охочей до культуры французской столицы, видел будущее в работах импрессионистов, прежде всего Огюста Ренуара.

Глядя на полотна Борисова-Мусатова и вспоминая при этом профессиональные оценки его творчества в стане искусствоведов, невольно задаешься дилетантским вопросом. Почему этого изумительно оригинального художника причисляют к символистам? По духу или по букве? Если по духу, то, вероятно, оно так. Ведь дух символизма – это «выдвигание на первый план мира не ма-

териального, как в реализме, а духовного, идейного. Однако это вовсе не значит, что эти два мира противопоставляются друг другу в символизме. Наоборот, худож-

В.Э. Борисов-
Мусатов.
Автопортрет
с сестрой.
1898 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ники-символисты ставят своей целью соединить эти два мира воедино, провести между ними невидимый мост, наладить связь. Именно русские символисты, как отмечают многие, приблизились к этой цели, как никто другой. Несмотря на то, что реализм как живописный жанр представлялся как антипод символизма, все же и реализм, и импрессионизм всегда шли где-то рядом с символизмом. Символисты даже опирались при создании работ на реализм и ни в коем случае его не отрицали». Как-то так. Неслучайно другой искусствовед утверждает, что символизм как самостоятельное направление в живописи не состоялся, так как не был оформлен концептуально. Что же касается буквы, то к символистам причисляют Михаила Брунеля, Михаила Нестерова

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Елена Мусатова и Елена
Владимировна Александрова
у зубриловского водоема. Фото
В.Э. Борисова-Мусатова. 1902 год

ва и нашего героя. Но почерки этих великих мастеров настолько разнятся, что невольно соглашайся: в исполнительском плане символизм явно не состоялся. А что до буквы Борисова-Мусатова, то его алфавит начался и закончился на «В» и «П». Воздух, воздушность, прозрачность. Не этим ли бредили все подданные французского импрессионизма? Да что там – импрессионизма! Воздух – это состояние Леонардо да Винчи, Боттичелли, Тинторетто, Тициана, Рокотова. Знавшие Борисова-Мусатова вспоминали, что он богословил воздух полотен Лео-

нардо. И всегда носил при себе изображение Джоконды. Борисов-Мусатов вернулся в Россию в 1898 году. С такими мыслями: «Мои художественные горизонты расширились. Многое, о чем я мечтал, я увидел уже сделанным, таким образом, я получил возможность грезить глубже, идти дальше в своих работах». Кстати, о работах. Именно в этом году он написал картину «Автопортрет с сестрой», ставшую, как говорится, его визитной карточкой. Его художественным кредо. В столицы живописец не стремился. Предпочитал жить и работать в Саратове и губернских

В.Э. Борисов-
Мусатов.
Гобелен.
1901 год

усадьбах. Его духовный «символизм» оформился и заключался в поиске прошлого. Те самые кринолины, чашка остывшего чая, вечно цветущие цветы и тургеневские девушки, озабоченные взрослыми мыслями. Моделью во многих случаях служила любимая сестра, Елена. Других не находилось. Невзрачный горбун, хоть и не чурался общества, был весьма общительным и одевался по последней парижской моде, доверия у дам не вызывал. Да он, судя по всему, сам обзавестись таким доверием не стремился. Хотя в душе искал ту, что «в старом замке играла Шопена». Виктор Эльпидифорович писал: «Где я найду моих женщин прекрасных? Чьи женские лица и руки жизнь дадут моим мечтам». Писал не о реальных дивах, о типаже думал.

Еще по окончании Московского училища живописи он помнил о той Даме, которую воспел спустя некоторое время Александр Блок. Тоже, прости господи, символист, по мнению некоторых. Прекрасная Дама училась вместе с Борисовым-Мусатовым и звалась Еленой Александровой. Их союз принял формальные очертания только в 1903 году, а через год на свет появилась дочь – Марианна.

Виктор Борисов-
Мусатов
(на переднем
плане),
за ним у окна
Игорь Грабарь
и Дмитрий
Кардовский
(крайний слева)
во время учебы
за границей.
1896–1898 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НОВАЯ КРАСОТА

Отследить пути-дороги художника на заре XX века весьма затруднительно. Он не порывает с родным Саратовом, ездит на пленэр в глубинке, однако поддерживает серьезные отношения с сугубо петербургскими и московскими господами – Валерием Брюсовым, Андреем Белым, Игорем Грабарем, Максимилианом Волошиным. Последний писал о творческом стиле мастера так: «Есть художники, которые всю свою жизнь влюблены в одно лицо. <...> Их волнует отнюдь не красота, т.е. не то, что всеми считается красотой, а особая некрасивость. Этой некрасивости посвящают они все свое творчество, украшают ее всеми сокровищами своего таланта, оправдывают, возводят ее на престол и силой своей любви создают из «некрасивости» новую Красоту». Такую оценку с бухты-барахты дать невозможно. Предмет нужно знать. И – человека.

В этих путях-дорогах есть нечто мистическое. Например, в 1899 году Борисов-Мусатов написал письмо управляющему заброшенной усадьбой Зубриловка в Балашовском уезде Саратовской губернии (ныне Тамалинский район Пензенской области. – Прим. авт.), принадлежавшей князьям Голицыным, с просьбой позволить ему там поселиться на летнее время с целью изобразить тамошние пейзажи. Казалось бы, что управляющему до какого-

В.Э. Борисов-Мусатов. 1902 год

то никому особо не известного художника? Однако спустя два года разрешение было получено. И Борисов-Мусатов дважды посетил погибшее имение. Причем во второй раз – осенью. С будущей женой и сестрой Еленой. Казалось бы, там и дня прожить нельзя. А получилась картина «Призраки». Шедевр! Сестра художника вспоминала: «Глубокая осень в Зубриловке также увлекла брата по своим блеклым тонам красок умирающей

Н.Ю. Станюкович
в черемшанском
саду под
Хвалынском.
Фото
В.Э. Борисова-
Мусатова,
сделанное
для работы
над портретом
Н.Ю. Станюкович

природы... Возле дома, где он нас писал в солнечные летние дни, краски уже были печальные, серые, все гармонировало с темным осенним небом, покрытым тучами. Казалось, что и дом замер с окружающей его увядающей зеленью. Это и дало настроение брату написать картину – «Призраки»... Он лично пояснял нам, как я помню, будто с окончанием жизни опустевшего поместья дома – «все уходило в прошлое», как изображены им на первом плане картины удаляющиеся призрачные фигуры женщин».

После того как Борисов-Мусатов получил в 1902 году премию Академии художеств за полотно «Гобелен», он стал известен. Но – не популярен. Заказов, по большому счету, не было, хотя в этот период мастер делал по шесть-девять серьезных работ в год. Парадокс, столь типичный для мира культуры. Признанный гуру в среде подельников пре-бывал в состоянии никчемности для обычайтелей. Свидетельством тому – масштабная выставка, организованная весной 1904 года в Саратове. Она открылась в здании Дворянского собрания под вызывающим названием «Алая роза». Было выставлено 109 работ. Большая часть принадлежала Павлу Кузнецкову (31 картина) и Петру Уткину (34 картины), считавшими себя если не учениками, то последователями Борисова-Мусатова. Творчество самого мэтра было представлено всего несколькими случайными работами.

Главный
усадебный дом
в Зубриловке
(южный портал).
Фото начала
XX века

В.Э. Борисов-
Мусатов.
Реквием.
1905 год

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Кенотаф Марины Цветаевой в Тарусе

Отразилось ли это весьма впечатительное событие в масштабах Саратовской губернии на самом художнике? Трудно сказать. В 1904 году он жил в подмосковном Подольске. В Европе грянула его персональная выставка. На Дальнем Востоке грянула война. Казалось бы, последнее не имело к жизни Борисова-Мусатова прямого отношения. Однако это только кажется. Еще весной 1902 года в Саратов прибыл отставной офицер Владимир Станюкович с женой Надеждой. Они довольно быстро подружились с художником. Впоследствии Станюкович писал о жене: «Урожденная Рыжкова, происходила из старой русской дворянской семьи. Ее мать, урожденная де-Роберти... бабушка была урожденная Палеолог. Будучи похожа на мать, Надежда Юрьевна унаследовала от нее ярко выраженные черты романского племени. Кровь старых родовказала в тонкой асимметрии лица, делавшей ее необыкновенно по-

В.Э. Борисов-
Мусатов.
Осенний вечер.
Эскиз неосуществ-
ленной фрески
из цикла
«Времена года».
1905 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

хожей на образ Симонетты Боттичелли. Наиболее схожим ее портретом следует признать «Мадонну с гранатом» Боттичелли. Черты преждевременной усталости в соединении с необыкновенной энергией, устремленной на помочь ближним, особенно пленяли Мусатова».

Мастер нашел в Надежде Юрьевне ту модель, о поиске которой писал четырьмя годами ранее. Станюкович отправился воевать с японцами. А вместе с ним, сестрой милосердия, – супруга. Война сказалась на психике Надежды Юрьевны, она ушла из жизни в московской психиатрической лечебнице в августе 1905-го. Борисов-Мусатов написал в связи с этой трагедией: «Ее смерть примирila меня со смертью вообще... В мою душу, я чувствую, вливается какое-то спокойствие».

ГРЕЗЫ В ТАРУСЕ

Спокойствие пришло спустя считанные месяцы. Создатель и первый директор Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском императорском университете (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. – Прим. авт.) Иван Цветаев пригласил Виктора Эльпидифоровича провести осень у него на даче в подмосковной Тарусе. Сам Борисов-Мусатов так вспоминал эти дни: «Теперь я сижу в Тарусе. В глухи. На пустынном берегу Оки. И отрезан от всего мира. Живу в мире грез и фантазий среди березовых рощ, задремавших в глубоком сне осенних туманов. Уже давно я слышал крик журавлей. Они

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

пролетели куда-то на юг, бесконечными рядами в виде треугольников. Крик их наполнил эти леса мелодией грусти старинной, которую я когда-то знал. Крик их замер, и только белка рыжая нарушает кружевные сновидения березовых рощ. Вы думаете, я скучаю? Нет. У меня времени не хватает каждый день. Хоть я сижу дома... Я создал себе свою жизнь. Както странно – такая тишина среди всеобщего смятения...» Сохранилась легенда, что во время лодочной прогулки Борисов-Мусатов спас мальчика, упавшего в воду. Откачать ребенка не удалось, и этот случай

Воскресенский храм в Тарусе

сильно отразился на душевном состоянии художника. Помня о его недуге, верится с трудом. Официальная же версия куда более похожа на правду. Именно во время лодочной прогулки по Оке художник сильно простился, что и стало причиной его скоропостижной смерти осенью 1905 года. Было ему 35 лет. За годы жизни он написал всего 77 картин. Рассказывали, что, предчувствуя кончину, он то ли в шутку, то ли всерьез попросил похоронить его на высоком речном берегу над Окой.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

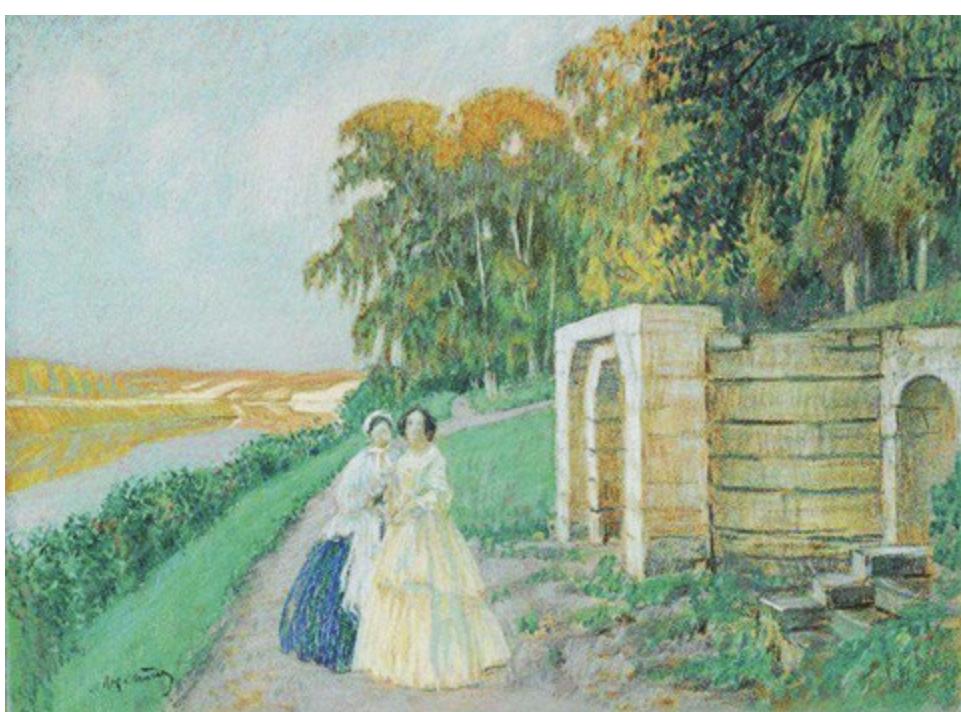
Могила
В.Э. Борисова-
Мусатова
в Тарусе

В.Э. Борисов-
Мусатов.
Последний день.
1903 год

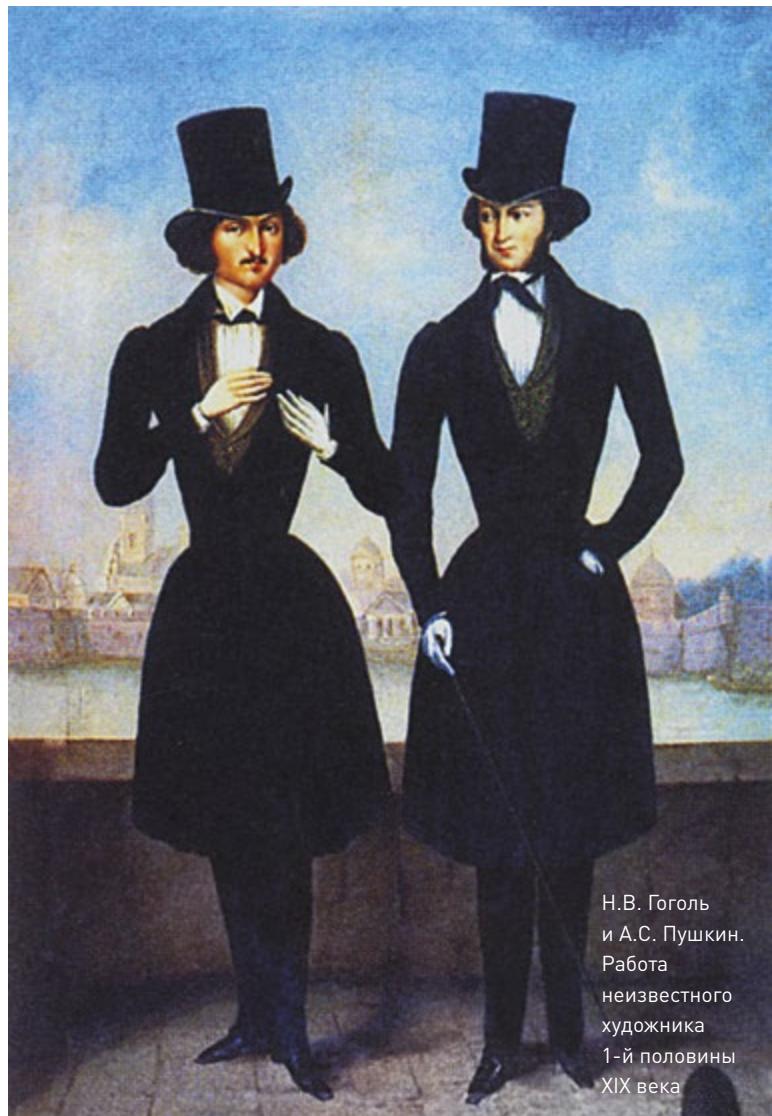
Так и сделали. Могила – на старом кладбище у Воскресенской церкви. Совпадение, нет ли, но неподалеку находится кенотаф Марины Цветаевой, также пожелавшей лежать над Окой. Друг художника скульптор Александр Матвеев сделал надгробие. Очень скромное. На простом камне лежит спящий мальчик.

Что ему снится? Может быть, остров Зеленый, к переправе на который вела Вольская улица, где в самом ее конце стоял одноэтажный деревянный домишко, в котором он провел детство. Домишко и сейчас стоит. Невзрачный такой. Там теперь Дом-музей художника Виктора Борисова-Мусатова. Хотя дома, в которых мастер живет до сих пор, называются иначе. К примеру, Третьяковская галерея. Или – Русский музей...

В 2006 году на аукционе Sotheby's картина Борисова-Мусатова «Последний день», написанная в 1903 году, была продана за 702 400 британских фунтов. Единственная из наследия мастера, выставленная когда-либо на продажу.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С ПУШКИНЫМ НА ДРУЖЕСКОЙ НОГЕ

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

ЧАСТО БЫВАЕТ ТАК: СТАРАЕШЬСЯ, ПЫЖИШЬСЯ, ИЗОБРАЖАЕШЬ ИЗ СЕБЯ ГОМЕРА ИЛИ ГЕРОДОТА, ДОН КИХОТА ИЛИ ГАМЛЕТА, А ПОТОМОК ТЕБЯ ЗАДВИНЕТ В ОДИН РЯД С ГЕРОСТРАТОМ ИЛИ ХЛЕСТАКОВЫМ. А ТО ЕЩЕ НАЙДЕТСЯ ЩЕЛКОПЕР, БУМАГОМАРАКА, В КОМЕДИЮ ТЕБЯ ВСТАВИТ. ВОТ ЧТО ОБИДНО! ЧИНА, ЗВАНИЯ НЕ ПОЩАДИТ, И БУДУТ ВСЕ СКАЛИТЬ ЗУБЫ И БИТЬ В ЛАДОШИ.

ОБЩЕИЗВЕСТНО, КАК искренне Гоголь любил Пушкина. Узнав о его смерти, Николай Васильевич из Рима писал критику Петру Александровичу Плетневу: «Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним».

Гоголь всей душой был предан Пушкину. Замечательное свидетельство этой преданности – статья «Борис Годунов», поэма Пушкина». Написанная в 1831 году, она так и не была напечатана при жизни автора. Верное, оттого, что получилась слишком личной, чувственной, восторженной. Тогда никто не писал так об Александре Сергеевиче: «Великий! когда развертываю дивное творение твое, когда вечный стих твой гремит и стремит ко мне молнии огненных звуков, священный холод разливается по жилам и душа дрожит в ужасе, вызвавши Бога из своего беспредельного лона... <...> Будто прикованный, уничтожив окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэт!»

И после смерти Пушкина Николай Васильевич не переставал восхищаться его сочинениями. Особый восторг у него вызывала «Капитанская дочка». В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь утверждал, что она «решительно лучшее русское произведение в повествовательном роде. Сравнительно с «Капитанской дочкой» все наши романы и повести кажутся приторной размазней. Чистота и безыскусственность взошли в ней на такую высокую степень, что сама действительность кажется перед нею искусственной и карикатурной».

Понятно, что всякую несправедливость, касающуюся Александра Сергеевича, Гоголь воспринимал как личную обиду. Не осталась не замеченной Николаем Васильевичем трагедия «Борис Годунов» поэта и переводчика Лобанова – слабое и оскорбительное подражание одноименной драме Пушкина.

САМОЛЮБИВЫЙ ЛИТЕРАТОР

Можно сказать, что Михаилу Евстафьевичу Лобанову не везло с рождения. Он появился на свет в 1787 году от «неизвестных родителей». То есть, попросту говоря, был подкидышем. Получив образование в Петербургском иезуитском училище и Главном педагогическом институте, Лобанов начал постепенное восхождение по чиновной лестнице.

В 1810 году Лобанов был определен в канцелярию обер-прокурора Синода. Несколько лет преподавал русскую словесность в семье графа Строганова. В 1813-м стал сотрудником Императорской Публичной библиотеки. Ее директор, Алексей Николаевич Оленин, покровительствовал молодому человеку. Здесь же начинающий литератор близко сошелся с известными стихотворцами – Николаем Ивановичем Гнедичем и Иваном Андреевичем Крыловым. Он же стал их первым биографом.

В октябре 1816 года Лобанов женился на «прелестной женщине» Александре Антоновне Бородиной. На свадьбе посаженной матерью была Елизавета Марковна – супруга Оленина.

Писательница Мария Федоровна Каменская вспоминала семью Лобановых: «У этой четы детей не было, было три собачки, которых муж и жена любили как родных детей. <...> Михаил Астафьевич Лобанов в манерах был нежен до приторности, говорил тихо и сладко. Лицом был похож на легавую собаку и даже на ходу поводил носом, точно все что-тонюхал».

Александра Антоновна умерла в сентябре 1836 года. Михаил Евстафьевич откликнулся на смерть супруги стихотворением «Гвоздика»:

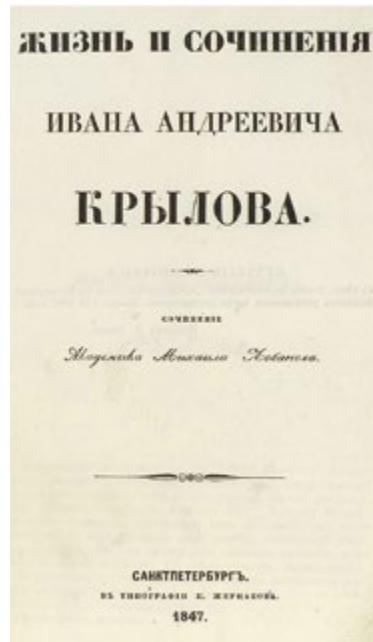
Цветите же в честь красе,
из вас веночек свившей,
На диво милых дев
plenительным очам,
На зло завистливым
морозам и снегам,
И в память на пиру
сей жизни отгостившей.

Михаил
Евстафьевич
Лобанов
(1787–1846),
поэт
и переводчик,
академик
Императорской
Российской
академии (1845)

М.Е. Лобанов.
Жизнь
и сочинения
Ивана
Андреевича
Крылова.
Издание
1847 года.
Титульный лист

Счастливая чета
над вами умилится,
Задумается лесть
и ветренность вздохнет,

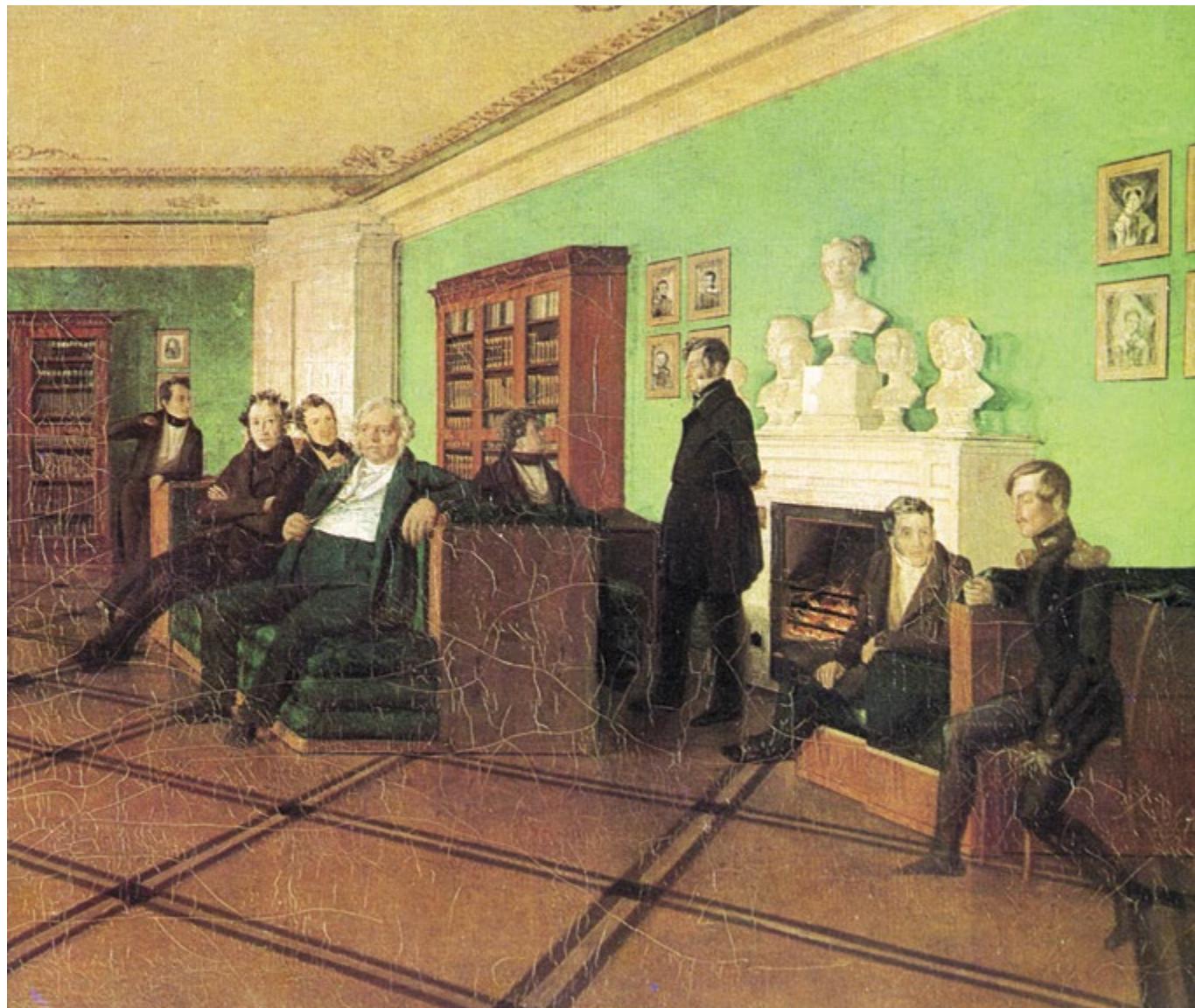

А я – взглянул на вас...
Тоска меня гнетет,
И горьких слез поток
из глаз моих струится.

Погоревав, Михаил Евстафьевич женился на Ольге – дочери немецкого торговца Карла Карловича Вульфверта, своего соседа по даче. Кстати, Лобанов и Вульфверт были страшными садоводами.

Чтобы довершить портрет Лобанова-чиновника, надо упомянуть, что в 1827–1828 годах он преподавал русский язык императрице Александре Федоровне – супруге Николая I. Вследствие чего, надо полагать, в 1828 году стал членом Императорской Российской академии.

Первые литературные успехи Михаила Евстафьевича связаны с воспеванием побед русского оружия в Отечественной войне 1812–1814 годов. Чита-

ПРЕДСТАВЛЕННО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

телям понравились стихотворения «Ожидание вестника из Парижа», «Ода российскому воинству» и песня «Ездил русский белый царь...», написанная в народном духе:

Ездил русский белый царь,
Православный государь
Из своей земли далеко
Злобу поражать.

Грозно он карал врагов,
Много побрал городов:
От Москвы и до Парижа
Лавры пожинал.

Весной 1815 года состоялся настоящий писательский триумф Лобанова – премьера его перевода трагедии Жана Расина «Ифигения в Авлиде». Известный мемуарист Филипп Вигель в своих «Записках» рассказы-

вает: «Публика приняла трагедию хорошо. А как один партнер с некоторого времени имел право изъявлять народную волю (что шалунам и крикунам было весьма приятно), то она не упускала случая сим правом воспользоваться, и потому-то, вероятно, шумными возгласами вызвали переводчика. Ничтожество и самолюбие были написаны на лице этого бездарного человека. Перевод его был не совсем дурен, но Хвостов, я уверен, сделал бы его лучше, то есть смешнее».

В тот же вечер самолюбию Лобанова был нанесен ощущимый удар. Из театра он с Вигелем, Крыловым и Гнедичем отправился на ужин к Александру Ивановичу Тургеневу.

Н.В. Гоголь,
А.С. Пушкин,
И.А. Крылов
и другие.

Фрагмент картины
художников школы
А.Г. Венецианова
«Субботнее
собрание
у В.А. Жуковского».
1834–1836 годы

В это же время у Тургенева остановился Василий Андреевич Жуковский, вернувшийся из-за границы.

Вигель, судя по всему, недолюбливавший Михаила Евстафьевича, с неприязнью писал: «О горе! Приход последнего [Лобанова] едва был замечен. На Жуковском сосредоточивались все любопытные и почтительные взоры присутствовавших. Он был истинным героем празднества. В помутившихся глазах и на бледных щеках Лобанова выступила досада, которую разве один я только заметил. Быстрый переход от торжества к совершенному невниманию действительно жестоким образом должен был тронуть его самолюбие».

РАДЕТЕЛЬ ЦЕНЗУРЫ

В 1823 году Лобанов опубликовал перевод другой трагедии Расина – «Федры». Критик Орест Сомов в отзыве, помещенном в журнале «Сын отечества», восхищался: «Мы имеем наконец «Федру», достойную своего имени». И даже утверждал, что в некоторых стихах перевода «больше поэзии, нежели в Расиновых».

По-другому отнесся к переводу Пушкин. В письме из Одессы брату Льву зимой 1824 года он возмущался: «Кстати о гадости. Читал я «Федру» Лобанова. Хотел писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина, перо вывалилось из рук. И об этом у вас шумят, и это называют ваши журналисты прекраснейшим переводом известной трагедии г. Расина!»

Впрочем, Пушкин относился к Лобанову без неприязни. И лишь однажды позволил себе выступить с критикой собрата по перу.

В январе 1836 года Михаил Евстафьевич произнес в Императорской Российской академии речь «О духе словесности, как иностранной, так и отечественной». В ней Лобанов утверждал, что русская литература испытывает на себе тлетворное иноземное влияние: «Есть и в нашей новейшей словесности некоторый отголосок безнравствия и нелепостей, порожденных иностранными писателями».

Русская литература пала, утверждал Михаил Евстафьевич: «Останавливаясь на духе и направлении нашей словесности, всякий просвещенный человек, всякий благомыслящий русский видит: в теориях наук – сбивчивость, непроницаемую тьму и хаос несвязных мыслей; в приговорах литературных – совершенную безотчетность, бессовестность, наглость и даже буйство. Приличие, уважение, здравый ум отвергнуты, забыты, уничтожены».

Лобанов призывал писателей и ученых помочь цензуре в борьбе со своеолицем и

А.С. Пушкин.
Борис Годунов.
Обложка
первого издания.
1831 год

свободомыслием. Эта борьба виделась ему так: «По множеству сочиняемых ныне безнравственных книг, цензуре предстоит непреодолимый труд проникнуть все ухищрения пишущих. Нелегко разрушить превратность мнений в словесности и обуздать дерзость языка, если он, движимый злонамеренностью, будет провозглашать нелепое и даже вредное. Кто же должен содействовать в сем трудном подвиге? Каждый добродетельный русский писатель, каждый просвещенный отец семейства, а всего более Академия, для сего самого учрежденной... Итак, милостивые государи, каждый из почтенных сочленов моих да представляет для рассмотрения и напечатания в собрании сей Академии, согласно с ее Уставом, разборы сочинений и суждения о книгах и журналах новейшей нашей словесности и, тем содействуя общей пользе, да исполняет истинное назначение сего высочайше утвержденного сословия».

Проще говоря, Михаил Евстафьевич предлагал членам академии, среди которых с 1833 года был и Пушкин, помогать цензуре – читать книги и журналы и доносить обо всех «дерзостях языка», выражаясь современным просторечием, «стучать».

Пушкин не мог согласиться с мнением Лобанова. В журнале «Современник» он откликнулся на речь статьей, в которой между прочим спрашивал: «Где же у нас это множество безнравственных книг? Кто сии дерзкие, злонамеренные писатели, ухищряющиеся ниспровергать законы, на коих основано благоденствие общества?»

Не без негодования Александр Сергеевич писал: «Вопреки мнению г. Лобанова, цензура не должна проникать «все ухищрения пишущих»... Цензура есть установление благородительное, а не притеснительное. Она есть верный страж благоденствия частного и государственного, а не докучливая нянька, следящая по пятам шальливых ребят».

Академия не должна унижаться, превращаться в прислужницу жандармерии и «стучать» на инакомыслящих. Ее задача, завершал статью Пушкин, награждать «достойных писателей деятельным своим покровительством, а недостойных – наказывая одним ей приличным оружием: невниманием».

ПЛАГИАТОР

Можно предположить, что недостойным сочинителем, заслуживающим невнимания, Александр Сергеевич считал самого Лобанова. И у Пушкина была для этого важная причина.

В ноябре 1825 года он закончил трагедию «Борис Годунов». В самом конце декабря 1830-го она была напечатана отдельной книжкой в типографии Департамента народного просвещения (на титульном листе указан 1831 год) тиражом не менее 2 тысяч экземпляров.

Успех трагедии был огромен. По свидетельству Гоголя, петер-

буржцы разобрали «400 экземпляров в два часа».

Нет необходимости в этой статье подробно рассказывать о «Борисе Годунове». О поэме написаны тома, целые библиотеки. Обратим внимание лишь на то, как сам Пушкин определил свое сочинение в письме от 16 апреля 1830 года шефу жандармов Бенкендорфу: «Моя трагедия – произведение вполне искреннее, и я по совести не могу вычеркнуть того, что мне представляется существенным». А в 1835 году свет увидел еще один «Борис Годунов» – трагедия Михаила Евстафьевича Лобанова. Цензурное разрешение выдал 2 января 1835 года цензор Александр Васильевич Никитенко. Печаталась книга в Петербурге, в типографии Гинце.

В небольшом предисловии Лобанов писал: «Вот трагедия, почерпнутая из отечественной истории и начатая мною еще в 1825 году. Это отголосок одной из бедственных, но назидательной событий эпохи ее. Она подтверждает вековую истину, что наследственность есть святыня народов и что нарушение оной навлекает гибельные последствия».

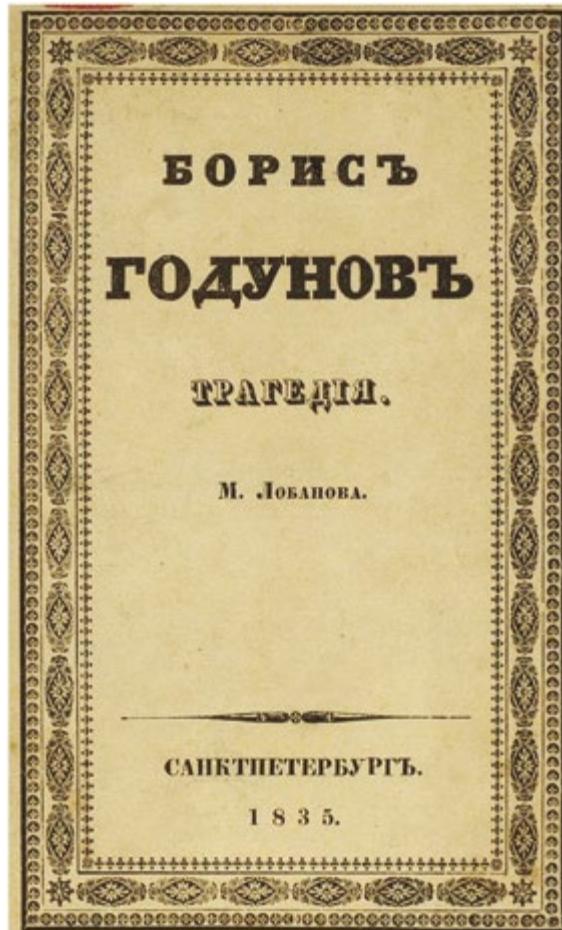
На этом можно остановиться, дальше читать незачем, все уже сказано. Произведение выдано за оригинальное (начато «еще в 1825 году»), но автор во всем подражает Пушкину. Совпадают действующие лица – среди них есть и Юрдивый, и бояре, и горожане. Совпадают отдельные сцены: разговор Бориса Годунова с Юрдивым, монологи царя. И даже размер – нерифмованный пятистопный ямб.

Впрочем, утрудимся чтением и обнаружим во всем явный или скрытый пластификат.

У Пушкина Годунов говорит дочери Ксении:

Что, Ксения? что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Всё плачешь ты о мертвом
женщике.

Дитя мое! судьба мне не судила
Виновником быть вашего
блаженства.
Я, может быть, прогневал небеса,
Я счаствие твое не мог устроить.

Борис Годунов.
Трагедия
в 3 действиях
М. Лобанова
[С.-Пб., тип.
Х. Гинце, 1835].
Обложка

У Лобанова царь обращается к дочери (действие III, явление VII):

Дочь злополучная,
печальная невеста!
Под роковой планетой
ты родилась,
И возлеяна для горькой жизни.
Нет, не цвести тебе на сей юдоли,
Не лобызать счастливого супруга;
И прелест юную твою,
быть может,
Сокроет рушище, иль власяница:
Ты дочь преступника.

Это не только безграмотно («на сей юдоли»), это еще и своровано («Дочь злополучная, печальная невеста» – «в невестах уж печальная вдовица»).

И, конечно, убогой мысли Лобанова далеко до величия мысли Пушкина. Основная идея сочинения Михаила Евстафьевича вполне доброправна, благонамеренна и педагогична: назидательность истории и священность монархии, точнее говоря, рода Романовых. Воз величанию первого Рома-

нова – «отрока царственного» Михаила Федоровича – и посвящена трагедия.

Михаил Никитич Романов, дядя Михаила Федоровича, сидя в темнице, расхваливает свой род (действие I, явление VI):

Мы не таили замыслов крамольных,
Мы не вступали в сонмы нечестивых;
Но жили в Божием святом законе.
Как брата ближнего всегда любили,
Последнее зерно несли вдовице,
Последней лептою делились с бедным,
И мы, живые, брошены в могиль!

Наш предок Мономах –
вот наше бедство!

Романовы – вот наше преступленье!
Надо заметить, Лобанов не только приворовывал, но и привирал: Владимир Мономах не имел никакого отношения к роду Романовых.

В самом конце трагедии, когда умирает Борис Годунов, в царские палаты вбегает Юрдивый и восклицает (действие III, явление VIII):

Увы!.. Москва в плену!..
Восстань, Россия!..
Гремят, карают!.. Стихло все...
О радость!

Исполнился фиал страданий наших!
И отрок царственных,
хранимый небом,
Уже грядет, грядет к нам
искупитель!

ХОЛОДНО И НАРУМЯНЕНО

Естественно, новый «Борис Годунов» был неодобрительно встречен критикой. Виссарион Белинский писал: «Ни страсти, ни характеров, ни стихов, ни интереса – нет ничего этого. Все холодно, поддельно, придумано, нарумяно. Все на ходулях, без всякой естественности. Например, Борис, этот великий характер, который и в самом злодействе должен быть велик, признается в своем преступлении жене и дочери с жалкою трусостью неопытного новичка в пороке. <...> Грустно видеть человека, может быть, с умом, с образованностию, но заматоревшего в устаревших понятиях и застигнутого потоком новых мнений! Он трудится честно, добросовестно, а над ним смеются. Он никого не по-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нимает, и его никто не понимает. Не могу представить себе ужаснейшего положения!» Можно представить, какое множество насмешек вызвала драма у Пушкина, человека язвительного и острого на язык. К сожалению, о впечатлении, произведенном трагедией на пушкинское окружение, мы можем судить только по ответному письму литератора Павла Александровича Катенина к Александру Сергеевичу в мае 1835 года: «Годунов» Лобанова мне известен, и, коли критики разбрали его, *c'est mechancete pure* [это чистая злоба], чего им стоило похвалить? Пьеса осталась бы

так же, а Михаил Евстафьевич не хворал бы огорченным самолюбием. Наше сложение крепче от того, что наше самолюбие ядренее. Не пренебрегая похвалой общества, ни даже критики, как она у нас ни жалка, мы не совсем довольствуемся ею. Хотим более всех угодить себе, потом избранным, наконец уже и прочим».

Совсем иначе отреагировал на появление нового «Бориса Годунова» Гоголь. Он высмеял плагиат в комедии «Ревизор», написанной в ноябре–декабре 1835 года, и, возможно, придал Хлестакову некоторые черты Лобанова.

Рассказ
Хлестакова.
Иллюстрация
К.И. Рудакова
к комедии
Н.В. Гоголя
«Ревизор».
Издание
1982 года

Как мы помним, сначала подыпивший Хлестаков рассказывает о своих петербургских знакомствах: «Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» – «Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то все...». Большой оригинал».

А затем Хлестаков начинает хвастать, приписывая себе чужие литературные успехи. Следует замечательный разговор молодого враля с женой и дочерью городничего:

«Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот, я и знала, что даже здесь будешь спорить.

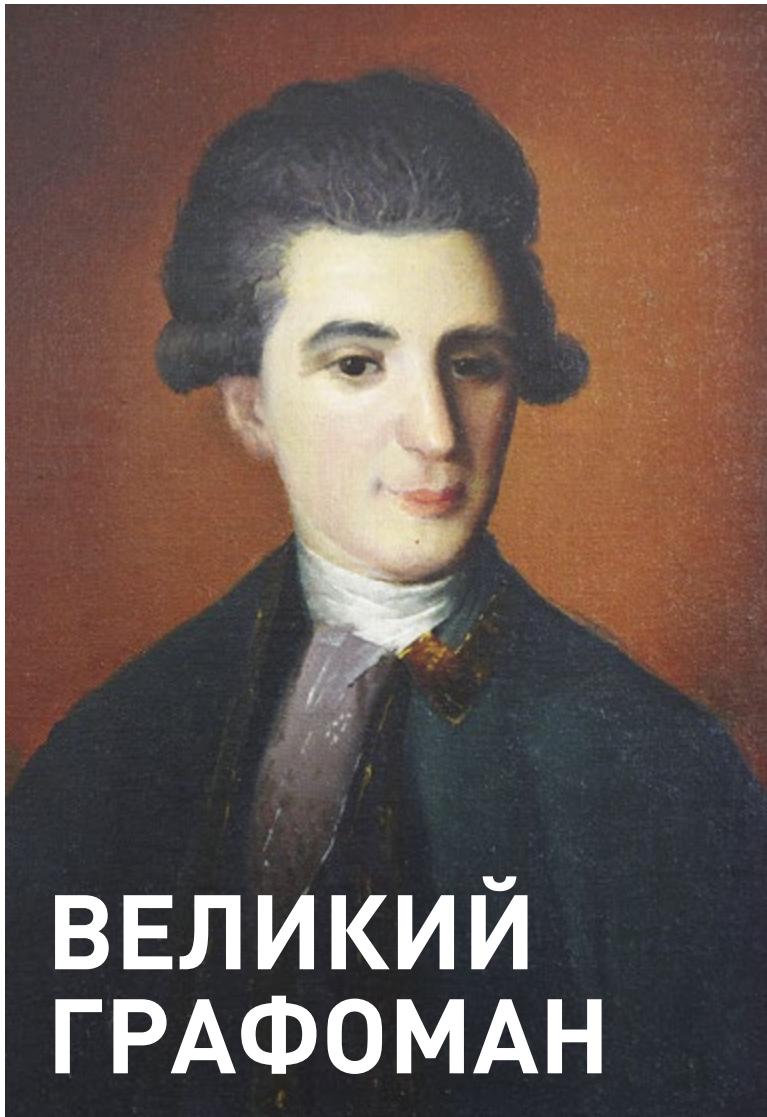
Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина. А вот есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!»

Другой «Юрий Милославский» – это намек на другого «Бориса Годунова», Лобанова, отголосок тех разговоров, что велись в 1835 году среди знакомых Пушкина. Возможно, сам Александр Сергеевич предложил Гоголю эту шутку, как предложил и сюжет «Ревизора». Возможно, сам Николай Васильевич таким образом вступился за сочинение, столь уважаемое им.

Воображению рисуется картина: осенний петербургский вечер, обязательно непогожий, дождливый, гостиная в квартире Пушкина, горят свечи. Молодой Гоголь, обладавший незаурядными актерскими способностями, изображает Лобанова и говорит «тихо и сладко»:

– Ах да, это правда, это точно Пушкина. А вот есть другой «Борис Годунов», так тот уж мой. А Александр Сергеевич сидит в креслах и смеется...

ВЕЛИКИЙ ГРАФОМАН

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

БРОНЗОВАЯ ЧЕРНИЛЬНИЦА И ПОДСВЕЧНИК. РЯДОМ – ГУСИНОЕ ПЕРО. КАЖЕТСЯ, ХОЗЯИН ОТЛУЧИЛСЯ ЛИШЬ НА МИНУТКУ. НО НА САМОМ ДЕЛЕ ЧЕРНИЛЬНИЦА ПУСТА УЖЕ БОЛЕЕ ДВУХ ВЕКОВ...

ЕСЛИ СЛЕДОВАТЬ ЭПИ-
столярным традициям
XIX века, можно про-
лить сентиментальную
слезу, пожалев о том, что на дне
этой чернильницы остались
ненаписанные поэмы, оды и
романы... Но приверженность
фактам вынуждает признать: по
поводу именно этой чернильни-
цы подобные сожаления никог-
да не высказывались. Конечно,
если она действительно принад-

лежала Николаю Еремеевичу
Струйскому. Его считали вели-
ким гравоманом земли Россий-
ской. Из-под его пера выходили бес-
численные оды, элегии и гимны. Но в каком
бы жанре ни пробовал свои силы
Струйский, современники были
неумолимы: гравомания!

Правда, несмотря на столь не-
лестную характеристику, посе-
тителей в музее школы города
Рузаевки сегодня хватает.

ПИИТ И ИЗДАТЕЛЬ

Село Рузаевку надворный совет-
ник Еремей Яковлевич Струй-
ский купил в 1757 году. Так в
Пензенской губернии появилась
фамилия, давшая русской
словесности трех поэтов. Как
сказано выше, Николай Ереме-
евич Струйский считался са-
мым бездарным бардом России.
Один его внук, Александр Поле-
жаев, как поэт подавал непло-
хие надежды, но трагически по-
гib в 33 года. Другой, Дмитрий
Струйский, пытался подражать
Байрону и печатался под псев-
донимом Трилунный, ибо на
щите герба Струйских красова-
лись три полумесяца.

В своей миниатюре «Шедевры
села Рузаевки» Валентин Пикуль
по мемуарам пензенского ви-
це-губернатора князя Ивана Ми-
хайловича Долгорукова «восста-
новил» его визит в рузаевское
имение Николая Еремеевича.
«Лишь под вечер путешественни-
ки увидели крепостной вал, рвы,
за которыми высились белые
дворцы и службы, золотом горе-
ли купола. Какое-то знамя рея-
ло на башне господского дома...».
Струйский кинулся гостю на
шею, отвесил поклон супруге ви-
це-губернатора, затем, завывая,
прочел приготовленный заранее
мадригал. А потом исчез. Долго-
руковы не удивились: о странно-
стях рузаевского пинта они были
прекрасно осведомлены. Из под-
вала послышались звуки работа-
ющих машин, стук и лязг, после
чего перед гостями вновь пред-
стал хозяин и преподнес жене
Долгорукова прочитанный толь-
ко что мадригал, уже отпечатан-
ный на атласе, с виньетками и

Три полумесяца на гербе дали повод
внуку Струйского Дмитрию взять
поэтический псевдоним Трилунный

золотым обрамлением. «Как? – воскликнул Иван Михайлович. – Вы, сударь, не только успели сочинить, но успели и отпечатать?» Князь не ошибся: Струйский действительно организовал в своем имении прекрасную типографию. Владелец Рузаевки создал ее для печатания собственных стихов, которые будто бы никто не брался издавать из-за их посредственности. Земляк Струйского, знаменитый историк Василий Ключевский, назвал рузаевского литератора бездарным бардом России и «отвратительным цветом русско-французской цивилизации XVIII века». Не лучше отзывались о нем и другие современники. «Поэт тут погребен: по имени струя, // А по стихам – болото». Такую малоприятную эпитафию на смерть своего однополчанина написал Гавриил Державин.

Насколько современники отказывали Струйскому в поэтическом даре, настолько же они восхищались качеством изданных в его типографии книг. Еще при жизни Николая Еремеевича за рузаевскими изданиями в роскошных переплетах охотились букинисты. За то время, что просуществовала рузаевская типография, в 1792–1796 годах, Струйский успел издать 53 произведения, 19 из которых вышли из-под его пера. Остальные – это книги авторов, чьи работы ему нравились.

Доктор филологических наук, профессор Мордовского университета, автор монографии «Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного» Николай Васильев считает, что большую

роль в формировании иронического отношения к творчеству рузаевского стихотворца сыграли мемуары князя и поэта Ивана Долгорукова – единственный серьезный источник сведений о жизни Николая Еремеевича.

– Как литературовед я могу сказать, – рассуждает Николай Васильев, – что многие стихи Струйского неплохи. О любви в XVIII веке он писал ярче, чем другие. Адресатом многих любовных посланий Струйского была его супруга Александра Петровна, известная по портрету Федора Рокотова и знаменитому стихотворению Николая Заболоцкого «Портрет». И лучшего русского женского портрета XVIII века, может быть, и нет!

Гостям школьного музея говорят, что чернильный прибор со стола самого рузаевского писателя

ТРУДНЫЕ ВИРШИ

В музее рузаевской школы представлена экспозиция, посвященная роду Струйских: герб, карты бывшей усадьбы, детские рисунки, книги, предметы быта. И, конечно, копия знаменитого портрета Александры Петровны Струйской кисти Рокотова. Экскурсруды музея – ученики старших классов школы Ульяна Советова и Денис Обухов. Ульяна читает гостям стихи поэта Полежаева. Денис декламирует знаменитый «Портрет» Заболоцкого. Кстати, девушка очень похожа на Александру Петровну: кажется, стоит лишь облачить ее в атласное платье и уложить волосы по моде XVIII века, и перед нами окажется супруга сумасбродного помещика. Между прочим, раз в год такое перевоплощение здесь действительно происходит: во время проведения праздничных мероприятий, посвященных роду Струйских и поэту Полежаеву, одна из учениц школы выступает на них в образе Александры Петровны. Эта традиция существует давно, но в этот раз, когда Ульяна предстанет перед зрителями в образе помещицы, такое идеальное сходство наверняка поразит всех присутствующих. Заведую-

Школа №9
возведена на
месте усадьбы
Струйских...

...Куда мальчиком Александр Полежаев (на портрете мордовского художника Александра Шадрина) приезжал навестить свою бабушку Александру Петровну

щая музеем Оксана Обухова в этом уверена. Стоит добавить, что здание школы очень похоже на усадебный дом Струйских, да к тому же построено оно аккурат на месте старой усадьбы...

Ульяна и Денис могут показать расположение всех бывших здесь когда-то флигелей, храмов, остатки валов и рвов, которыми Струйский окружил свой дом-дворец. Ребята прекрасно справляются с задачами экскурсоводов, а заодно неплохо разыгрывают роли Николая Еремеевича и Александры Петровны, радушно встречая гостей.

Вот только есть одна проблема: Ульяна и Денис – неоднократные победители разных конкурсов чтецов, но и они не могут выучить наизусть и прочесть вслух ни одного стихотворения Николая Струйского. Вирши рузаевского писателя оказались слишком витиеваты не только для князя Долгорукова, но и для современных читателей.

ЗАГАДКА ПОРТРЕТА

С юности Николай Струйский интересовался литературой, любил читать и трепетно относился к книгам.

Как и многие отпрыски дворянских семей, Струйский пошел по военной стезе: в 1763 году 14-летний Николай был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк, а 1 января 1767-го произведен в капитенармусы одновременно со своим однополчанином Гавриилом Державиным. Через год уже сержант Струйский был направлен в Москву, где в том же, 1768-м женился на своей ровеснице, дочери коломенского дворянина Олимпиаде Балбековой. Своей жене лейб-гвардеец, конечно же, посвящает стихи, в которых именует ее Татисой. Кстати, именно с Олимпиадой связывают тайну одного из полотен Федора Рокотова, которому Николай Еремеевич заказал несколько картин. Долгое время искусствоведы терялись в догадках, кто изображен на рокотовском «Портрете неизвестного в треуголке» из Рузаевки. С помощью рентгена выяснилось, что

Копия портрета Струйской работы Федора Рокотова, выполненная художником Владимиром Шадриным (братьем Александра Шадрина). Хранится в саранском Музее А.И. Полежаева, посвященном внуку Александре Петровне

Струйский заказал Рокотову парные портреты – свой собственный и Александры Петровны. Теперь оба полотна хранятся в Государственной Третьяковской галерее: каждый может встретиться с лукаво улыбающимся Струйским и загадочной Александрой Петровной. Юную женщину на этом портрете красавицей не назовешь, но невозможно не залюбоваться изящным овалом лица, выразительными глазами, грустной улыбкой и нежным румянцем. Рузаевские краеведы утверждают, что Рокотов специально приезжал в Рузаевку писать портреты. И что между ним и Александрой Петровной якобы завязались романтические отношения.

Правда, Николай Васильев считает, что эта легенда появилась уже в XX веке. «К ней прибавились и домыслы о неприязни художника к Струйскому, что якобы отразилось в созданном им образе Николая Еремеевича, – рассуждает исследователь. – Будто бы юная женщина не могла быть счастлива с таким мужем. Пишут, что в ее лице видится горе, что художник, создавший ее портрет, не может скрыть свою боль за близкого человека. Но в стихах, посвященных Николаем Струйским своей Сапфире, как он называл жену, звучит редкостный по наивности гимн любви и верности их союзу. Страсть Струйского к жене выражалась не только в высоком «штиле». За четверть века супружеской жизни у пары родились 18 детей. Правда, выжили только пятеро сыновей и три дочери».

В рузаевской школе проводится конкурс рисунков усадьбы Струйских

РУЗАЕВСКИЙ ИЗДАТЕЛЬ

Сохранились старые фотографии, на которых запечатлен дом Струйских. Разглядывая их, понимаешь, что нынешняя школа и правда на него похожа. Этот трехэтажный дом, построенный по чертежам архитектора Бартоломео Растрелли, Николай Еремеевич обнес изящной металлической оградой. Свой кабинет, где он предавался поэтическим занятиям, Струйский высокопарно величал Парнасом. Потолок парадной залы был украшен роскошным плафоном с изображением императрицы Екатерины II в образе Минервы, окруженной гениями и различными атрибутами высокой поэзии. Роспись плафона – творение художника Андрея Зяброва, крепостного Струйского, который обучался в мастерской Федора Рокотова. Когда крепостной скончался, Струйский даже написал стихотворение «На смерть верного моего Зяброва, последующую в Рузаевке в 1784 году, узнанную мною в Москве». Много позже Петр Вяземский в журнале «Московский телеграф» назвал вирши выразительными, добавив: «Чем стихи эти не стихи?» Правда, это был чуть ли не единственный добрый отзыв о поэзии Струйского в XIX веке. Была у Николая Еремеевича и собственная коллекция живописи. Особое место в ней занимал портрет Екатерины II, которую Николай Еремеевич чуть ли не боготворил.

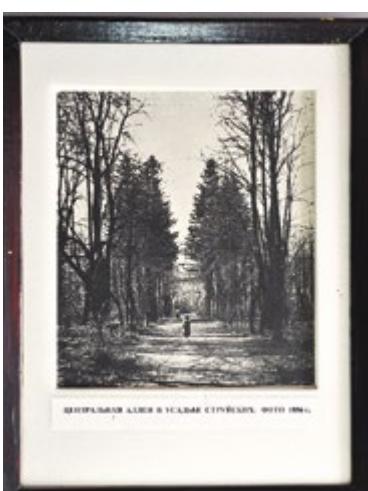
Но главной гордостью рузаевского помещика была, конечно, типография. И хотя современники злословили, что Струйскому она необходима, чтобы издавать свои произведения, которые никто не печатает, Николай Васильев считает это мнение ошибочным. «Свои первые поэтические книги Струйский издавал сначала в типографиях Москвы и Петербурга. Хотя некоторые из них потом и причисляли к изданиям рузаевской типографии», – поясняет он. Напечатанную в Петербурге «Апологию к потомству от Николая Струйского или начертание о свойстве нрава Александра

Петровича Сумарокова и о нравоучительных его поучениях. Писана в 1784 г. в Рузаевке Струйский подарил митрополиту Московскому и Коломенскому Платону (Левшину). В 1788 году выходят «Эротиды», изданные в типографии Петербургской Академии наук. Этот цикл лирических стихов, посвященных Александре Петровне Струйской, впервые за двести лет переиздал в начале 1990-х годов писатель А.Г. Морозов.

За изданную в 1789 году в типографии И.К. Шнора «Епистолу

Копия портрета Екатерины II работы Федора Рокотова, выполненная Александром Шадриным. Хранится в саранском Музее А.И. Полежаева. При жизни Николая Еремеевича оригинал портрета императрицы находился в парадной зале дворца Струйских

Последние фотографии парковых аллей имения Струйских были сделаны в конце XIX века

Ея Императорскому Величеству всепресветлейшей героине великой императрице Екатерине Второй от верноподданнейшего Николая Струйского» поэт удостоился подарка императрицы – бриллиантового перстня. Правда, завистники говорили, что перстень царица прислала поэту с намеком стихов более не слагать. Был намек или нет, но в 1792 году в Петербурге публикуется новое послание Струйского к Екатерине II, по слухам заключения Россиией мира с Турцией. Оно считается последним произведением, изданным поэтом за пределами Рузаевки.

Согласно указу императрицы от 1783 года, частные лица получили возможность иметь свои собственные типографии. Созданная Струйским типография стала первой в Среднем Поволжье, появившись на десять лет раньше типографии в Пензе. Не говоря уж о Саранске, в котором первая типография появилась спустя сто лет после рузаевской. Печатные станки в то время ввозились в Россию из Англии и были недешевы. В копеечку обходилось также обучение мастеровых, заказ шрифтов, красок, дорогой бумаги... Но Струйский не жалел никаких денег. Им овладела идея фикс: книги, изданные в его типографии, должны иметь такой роскошный вид, чтобы их было не стыдно подарить самой императрице.

Первым произведением, опубликованным в Рузаевке, считается стихотворение Струйского «Перстень», навеянное размышлениями автора о подарке императрицы. Увы, известно нам о нем только со слов дореволюционных исследователей. Издание это не сохранилось.

Затем Струйский взялся за свою «Апологию». Книга была издана в изящном переплете зеленого цвета, украшенном золотым орнаментом. Текст отпечатан четким некрупным шрифтом, виньетки демонстрируют искусство рузаевских граверов. В 1794 году помещик публикует «Письмо о российском театре нынешнего состояния».

В 1795-м в рузаевской типографии было издано шесть произведений Струйского, в том числе очередная ода, посвященная Екатерине II. В 1796 году в Рузаевке изданы стихи «К Евгении Сергеевне Долгоруковой», адресованные супруге пензенского вице-губернатора. В типографии Струйского впервые увидела свет «философическая ода» Долгорукова «Камин в Пензее», тепло принятая в Москве и Петербурге. Отпечатал ее Николай Еремеевич безвозмездно, на дорогой атласной бумаге. Князь Долгоруков, называвший произведения Струйского «стихотворным сумасшествием», хоть и воспользовался типографией приятеля, в своих мемуарах ехидно вспоминал, что рузаевский поэт издавал свои стихотворения «денно и ночью», закупал пропасть французской бумаги и вообще тратил на содержание типографии большую часть своих доходов. Чудацеством считал Долгоруков и искренний интерес Струйского к технике издательского дела. Он не понимал, зачем помещику для издания книги нужно изучать законы оптики. Струйский как-то два часа втолковывал вице-губернатору, что сочинения многих авторов сильно проигрывают от того только, что «листы не по правилам оптики обрезаны». Долгорукову было невдомек, что Струйский намного опередил свое время в понимании важности архитектоники книги.

Отпечатанные на дорогой бумаге, украшенные роскошными переплетами издания Струйского уже при его жизни стали библиографической редкостью. Случалось и такое, что Екатерина II дарила рузаевские книги иностранным послам. А когда те выражали неподдельный восторг, императрица отвечала дипломатам, что послы ошибаются, если думают, что книги эти изданы в столице. В ее империи подобные издания печатают в самой глухой провинции. Понятно, что эффект это произвело ошеломительный...

Музей
А.И. Полежаева
в Саранске

УДАРЫ СУДЬБЫ

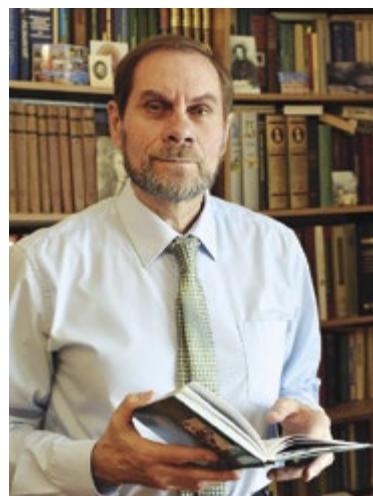
Екатерина II была кумиром Николая Еремеевича. Биограф Струйского Николай Васильев считает, что все, что исходило от императрицы, было для поэта священно. А кончина Екатерины Алексеевны стала для рузаевского помещика страшным ударом.

Императрица умерла 17 ноября 1796 года в Петербурге. Князь Долгоруков в своих мемуарах описал, как это известие поразило Николая Еремеевича: он слег с горячкой, лишился речи и скончался 13 декабря того же года. Ему было всего 47 лет.

Соседка Струйских, Наталья Алексеевна Тучкова-Огарева, сама Николая Еремеевича не заставшая и ссылающаяся на чужие рассказы, писала в своих мемуарах, будто бы рузаевский поэт насилино доставлял к себе всех проезжав-

ших по его землям и заставлял их слушать свои стихи, которые он охотно декламировал. И якобы тех, кто засыпал или слушал невнимательно, рассерженный хозяин отправлял в «тюрьму», устроенную рядом с домом. Внуки Струйского немало потешались, когда в очередной раз слышали легенду о том, что Александра Петровна после смерти мужа выпустила из усадебной «тюрьмы» 300 человек. Бабушку свою они обожали.

Кстати, Долгоруков, с немалой долей иронии писавший о самом Струйском, хорошо отзывался о его вдове. Она и осторожна, и благородна. Но судьба обошлась с ней жестоко. Александра Петровна была свидетельницей яркого взлета и гибели своего внука – поэта Александра Полежаева. Его поэтический талант превзошел известность другого ее внука, поэта и композитора Дмитрия Струйского, взявшего псевдоним Трилунный. В поисках поэтических впечатлений он пешком обошел половину Европы. Итог жизни его был печальным: дни свои он окончил в сумасшедшем доме. Там же под конец жизни оказалась и одна из внучек рузаевского поэта. Ее отец, Александр Николаевич Струйский, герой войны 1812 года, ставший персонажем известной поэмы Александра Полежаева «Сашка», отличался болезненной вспыльчивостью и был

Сведения
о роде Струйских
Николай
Васильев
собирал
много лет

убит еще при жизни Александры Петровны крепостными крестьянами. Был лишен дворянства и умер в ссылке другой сын Струйских – Леонтий Николаевич, жестоко расправившийся со своим управляющим.

Оборудование типографии Струйского было продано Александрой Петровной Симбирскому губернскому правлению для организации городской типографии. В Рузаевке остались только самые редкие шрифты. Лишь после смерти Александры Петровны их передали в Симбирск. Родственники соорудили рядом с могилой Николая Еремеевича семейную усыпальницу, в которой были погребены Александра Петровна и старшая дочь поэта, Маргарита Николаевна...

Во второй половине XIX века часть земель и пришедшую в упадок рузаевскую усадьбу Струйские продали Пайттармскому Параксево-Вознесенскому женскому монастырю. Дом разобрали и перевезли в обитель для возведения келий. Наиболее ценные вещи Струйские отправили в Москву. Работы Рокотова и все картины русской школы из коллекции Струйского приобрел московский Исторический музей. А в 1901 году обедневшим наследникам Струйского пришлось расстаться и с портретами Николая Еремеевича и Александры Петровны. Их приобрела Третьяковская галерея. В 1925 году часть картин кисти Рокотова, принадлежавших Струйскому, была передана из Государственного Историческо-

го музея в Третьяковку. Именем там в 1953 году поэт Николай Заболоцкий и увидел портрет Александры Петровны, вдохновивший его на создание известного стихотворения. Знал ли он, что от нее самой не осталось и горсти праха? Склеп Струйских был разрушен в 1920-е годы. И на момент создания поэтического шедевра Заболоцкого место бывшего имения обозначали лишь рвы, пруды, старые деревья парка и большой каменный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы, возведенный сыновьями поэта в 1805 году. Но и его разрушили в 1950-е годы.

Вместе с заведующей музеем рузаевской школы Оксаной Обуховой идем к руинам церкви.

– Здесь ребята постоянно в земле находят то старинную монетку, то деталь дверной ручки или петли, – делится Оксана Обухова и вздыхает: – До сих пор не понимаем, зачем нужно было разрушать храм, простоявший столько лет!

Между прочим, с этим храмом связана история последнего представителя рода Струйских.

Покровский храм, построенный сыновьями Струйского в центре родового имения

До 1926 года в церковной стоянке при храме проживал Михаил Петрович – последний из Струйских. Он вернулся на родину своих предков неизвестно откуда, работал в сельской кузнице, шил сапоги потомкам бывших крепостных своего пррапрадеда, играл на ложках. Сплетничали, что он окончил когда-то Казанский университет, а свое имущество прокутил. Учительница русского языка и литературы рузаевской школы №9 Лидия Константиновна Маненкова вспоминала, как последний Струйский ее, 5-летнюю, держал на руках. Эпизод этот записал географ той же школы Василий Яковлевич Силенок. Он вместе с учениками выяснил, что чуть ли не первой школой в Рузаевке была церковноприходская, открытая как раз в сторожке при Покровском храме. Потом для школы выстроили отдельное здание. А в 1960-е годы было возведено кирпичное двухэтажное здание школы, для фундамента которого использовали камни и плиты и от Покровского храма, и от усадебного дома. Уцелевший старый кирпич из дворца Струйских на правах экспоната лежит в музее рядом с чернильным прибором...

Оксана Обухова не знает имени дарителя чернильницы. Давно это было. Старые учителя помнят, что ее принес кто-то из жителей села. Вот смотришь на тусклую бронзу и думаешь: нет ли знака судьбы в том, что от богатого имения поэта, причисленного к графоманам, сохранился только его чернильный прибор? ●

ГОЛОСА-КОЛОКОЛА

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

РАЗ В ГОД НАД ОКОЙ ЦЕЛЫЙ
ДЕНЬ РАЗЛИВАЮТСЯ ПЕСНИ:
НА ВСЕ ЛАДЫ В НОВОСЕЛКАХ
ПОЮТ ИСПОЛНИТЕЛИ РАЗНОГО
ВОЗРАСТА, РАЗНОГО СТИЛЯ
И РЕПЕРТУАРА. ПРАЗДНИК
РУССКОЙ ПЕСНИ СТАЛ ЗДЕШНЕЙ
ТРАДИЦИЕЙ – В ЭТОМ ГОДУ
ОН ПРОШЕЛ В 25-Й РАЗ.

МАСТЕРА ВОКАЛА из разных мест России собираются в скромном уголке Рязанской области неслучайно. Когда-то это село подарило миру уникальных певцов, причем сразу пятерых. Много лет назад в селе Новоселки Рыбновского района родились братья Пироговы – обладатели мощных, неповторимых голосов.

НАСЛЕДНИКИ «КОЛОКОЛА»

Простой деревянный домик, ничем не отличающийся от таких же домишек на небольшой деревенской улочке. Скромная мемориальная доска. Проезжая Новоселки, Дом-музей Пироговых можно просто не заметить. Зато если спросить у здешних жителей, они с радостью покажут дорогу, ведь семья певцов – местная гордость. Вас охотно направят на улицу Пироговых, где стоит тот самый дом, в котором родилось столько талантов.

«Главой семейства, отцом прославленных певцов, был Степан Иванович Пирогов, крестьянин села Новоселки. Он женился на крестьянке Марфе, – рассказывает научный сотрудник Дома-музея братьев Пироговых Светлана Чукова. – У самого Степана Ивановича был мощный голос, только он всегда его приижал, редко «разворачивал» в полную силу. Как вспоминала Марфа Нефедьевна, она поначалу боялась мужа – такой у него был сильный голос. Он старался разговаривать с ней в полтона, а когда говорил громко, она пугалась. Потом привыкла».

У Степана Ивановича и Марфы Нефедьевны было 10 детей – 5 девочек и 5 мальчиков. И все мальчики – с красивыми голосами, впрочем, не просто красивыми, а, как пишут музыкальные критики, неслыханно мощными басами. Говорят, голосистость пошла еще от деда Ивана – бурлака с Оки. «Наше село находится на правом берегу Оки, а заливные луга на противоположном берегу. Когда

Ежегодно в Новоселки съезжаются исполнители из разных уголков России – в память о великих певцах Пироговых здесь традиционно проходит Праздник русской песни

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Семейство Пироговых было многочисленным и очень дружным – на протяжении всей жизни дети Степана Ивановича и Марфы Нефедьевны поддерживали друг друга

Иван Пирогов уходил на покос, его пение было слышно в Новоселках», – рассказывает Светлана Чукова. Да и в воспоминаниях Пироговых сохранилась интересная история. Както раз братья попросили мать рассказать, какой голос был у деда Ивана. И та ответила: «Вот если собрать вас пятерых и вы запоете, будет голос как у деда Ивана...» Неудивительно, что дед в селе получил красноречивое прозвище Колокол.

ГРИГОРИЙ. ПЕРВЫЙ СОЛИСТ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Степан Иванович, хоть и обладал незаурядным голосом, по назначению его использовал мало: лишь пел в церковном хоре. Плотницкое ремесло считал более надежным делом, ходил на заработки в соседние села. А потом сколотил плотницкую артель и перебрался в Рязань, где ему выделили участок земли. Сюда, на улицу Трубежную, и переселилось со временем семейство Пироговых.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Старший из сыновей, Григорий, в 15 лет успешно влился в артель, за год стал десятником, причем благодаря собственным способностям. Казалось бы, судьба Григория была определена, но все сложилось совсем не так, как представлялось отцу.

Семья Пироговых посещала Борисоглебский храм – там даже было «пироговское» место. Все, кто слышал пение Григория, твердили отцу, что мальчик очень талантлив. Но Степан Иванович считал пение делом несерьезным, поэтому, когда сын стал заговаривать об учебе, отец не поддержал его. Тогда Григорий, вопреки воле отца, отправился

в Москву. Однако первая попытка стать певцом не удалась. Григория даже не допустили до проб, ведь у него не было необходимых документов, как и образования: учиться читать и писать он начал лишь в 15 лет, а нотную грамоту кое-как освоил в церковном хоре... Может быть, на том попытки Григория и закончились бы, но тут в дело вмешался его величество случай. Как-то Григорий ехал в спальном вагоне и что-то напевал, стоя в тамбуре. Его услышал знаток оперного искусства Борис Николаевич Плещанский, который сразу распознал неординарный талант. Он и помог Пирогову поступить в Мос-

Музей в Новоселках официально открылся в 1995 году. До этого руководство местного совхоза выкупило дом, понимая, что надо сохранить память о великих земляках

ковское музыкально-драматическое училище. Конечно, учиться было непросто – сказывалась нехватка образования, мешал деревенский говор, но упорства Григорию было не занимать. Так что училище он окончил успешно. Дебютом Григория Пирогова на оперной сцене стала партия Каспара в опере Вебера «Волшебный стрелок». Восхождение певца Пирогова началось с 1908 года в Ростове-на-Дону, в частном театре Шумского. Увы, театр через год разорился, и Григорий вернулся в Москву. В Первопрестольной места для него не нашлось, и он решил попробовать силы в Мариинском театре. Исполнение партии Нилаканты из оперы «Лакме» обеспечило ему поступление в ведущий театр столицы, где он и начал работать с 1909 года. Слух о выдающемся басе, появившемся в Мариинке, долетел до Москвы, и через год певца пригласили в Большой театр. Так в 1910 году началась карьера одного из выдающихся басов главного театра России. В это время на сцене Большого театра работал Федор Шаляпин. Поначалу Григорий Степанович старался учиться у него, но, когда критики стали писать о подражании, Пирогов понял, что

Все дети Пироговых очень трепетно относились к матери (вторая слева). Говорят, голос великие певцы унаследовали от деда и отца, а артистизм – от мамы

АНДРЕЙ СЕМАШКО

надо идти своим путем. Искал собственную манеру, благо диапазон голоса и природный талант это позволяли. «Как сердце велит, так и пел», – говорил сам Пирогов. И получалось неплохо. Похоже, и Шаляпин чувствовал в нем сильного конкурента. «В 1912 году у двух великих басов вышел казус, – продолжает Светлана Чукова. – Они должны были петь вместе, в одной из мизансцен Пирогов выдвинул свою версию пения, и Шаляпину это не понравилось. В итоге в одном спектакле они работать не стали. Впоследствии, когда их ставили вместе, Шаляпин всегда говорил, мол, «с Гришкой работать не буду». Как говорят знатоки оперы, диапазон голоса у Григория был мощнее».

Григорий много работал и гастролировал. Ездил по Средней Азии, выступал на Урале и в Сибири... Вообще, трудно найти уголок России, где бы не звучал голос Григория Пирогова. А с 1920 года Пирогов гастролировал за границей, пел на сценах Эдинбурга, Праги, Берлина... Ему не раз предлагали остаться, но он не представлял себе жизни вдали от России. Он всегда возвращался, чтобы петь на сцене Большого, чтобы уезжать в глубинку Рязанской области на Оку, которую братья Пироговы любили всем сердцем.

Изначально музей создавался местными энтузиастами на общественных началах. Научный сотрудник Светлана Чукова досконально помнит все этапы становления музея

В 30-х годах Григорий Степанович узнал, что серьезно болен. Он долго и упорно боролся с тяжелым недугом, до последнего выходил на сцену. В конце декабря 1930 года он пел в Московской консерватории, а 20 февраля 1931-го его не стало. Цирроз печени оборвал жизнь выдающегося артиста в 46 лет. «Когда узнают про диагноз Григория, часто спрашивают: на-верное, пил? – делится Светлана Чукова. – Я всегда говорю, разве мог бы зависимый от алкоголя человек достичь таких высот? Спеть такое огромное количество партий, заслужить звание народного артиста СССР... Трезвенником он не был, но и пьющим его никак не назовешь».

Часы, принадлежавшие семье Пироговых, находились в их квартире в Рязани. Когда дом на Трубежной пошел под снос, рязанские краеведы бережно сохранили раритеты, а потом передали в новоселковский музей

МИХАИЛ. ПРОТОДЬЯКОН И ПЕВЕЦ

Второй брат, Михаил, был на два года моложе Григория. Высокий, красивый, как и остальные Пироговы. Вот только по натуре оказался очень скромным и стеснительным.

Как и Грише, отец прочил Михаилу плотницкую карьеру. Послушный сын начал работать в артели отца, но Григорий, который в это время учился в музыкально-драматическом училище, стал звать брата к себе. «Михаил прислушался, поступил в то же училище. Проучился год, но больших успехов не достиг и вскоре вернулся в артель. Видимо, застенчивость не давала проявиться его

АНДРЕЙ СЕМАШКО

шения петь в театре. И получил ответ патриарха следующего содержания: «Петь разрешаю, но без приплясывания».

Так Михаил начал петь на сцене Театра Зимина. Выступал он нередко вместе с братьями – с Григорием и Александром (к тому времени и младший Пирогов стал успешным певцом. – **Прим. авт.**). К примеру, в опере «Демон» Григорий исполнял партию Демона, Александр пел Гудала, а Михаил выступал в роли Старого слуги. В основном ему доставались второстепенные роли, застенчивость брала верх, и, несмотря на абсолютный слух, Михаил нередко делал ошибки. Театральную работу Михаил воспринимал как вынужденную, душа его всегда принадлежала церкви, поэтому богослужений он не оставлял – служил в храме Христа Спасителя и Богоявленском храме Москвы.

Увы, жизнь второго брата тоже оказалась не слишком долгой. Однажды он затопил печку в своем маленьком домике на окраине Москвы и, видимо, рано закрыл задвижку... От отравления угарным газом оборвалась жизнь еще одного обладателя уникального баса. Ему тоже исполнилось лишь 46 лет.

ИВАН. СТРЕМИТЕЛЬНАЯ КОМЕТА

Экскурсиям в Доме-музее Пироговых нередко задают один и тот же вопрос: почему говорят о пятерых братьях, а на фотографии их всего четверо? Дело в том, что жизнь третьего сына, Ивана, была очень короткой. У него рано проявился сильный голос. Григорий возил его в Москву, где он проходил пробы, ему прочили большое будущее. Но началась Первая мировая война, Ивана забрали на фронт, он попал в Пинские болота в Белоруссию, где провалился под лед. В результате – воспаление легких, а потом и чахотка. Такой диагноз в то время был приговором. Ивана комиссовали, и он уехал умирать на руки матери. «Марфа Нифедьевна ухаживала за ним. Умирал он в страшных муках, – показывает Светлана Васильевна на последнюю фотографию

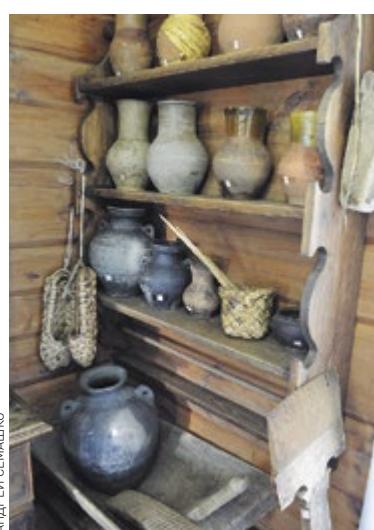
недюжинным природным способностям, – объясняет Светлана Васильевна. – Хотя талант у него был не меньше, чем у братьев. Даже, говорят, его вокальные данные превосходили голоса остальных братьев».

Плотницкая работа была не по душе Михаилу, но и артистом он себя не чувствовал... Лучше всего ему было в церкви. И тут, на счастье Михаила, ему предложили место дьякона в рязанском Борисоглебском соборе. Здесь он смог проявить себя в полной мере – голос его звучал так, что пение стало привлекать не только прихожан, но и ценителей вокала. «Однажды, когда Михаил вел службу, раздались аплодисменты. В церкви это недопустимо, и его отстранили от работы», – говорит Светлана Чукова. Судьба распорядилась так, что он попал в Ригу – там предложили место, и он с семьей, с четырьмя дочками, в 1915 году перебрался на службу в Рижский собор. «Сохранилась интересная история – в Рижском соборе его услышал Николай II и высоко оценил его голос. Император подарил Михаилу Степановичу часы от Буре, – рассказывает Светлана Чукова. – Царь пригласил его петь в соборе Зимнего дворца, и известно, что эта поездка Михаила состоялась. А в семейном альбоме

Пироговых хранилась фотография, на которой маленький цесаревич Алексей смотрит снизу на высокого протодьякона Михаила. Вскоре грянула революция, и хранить подобную реликвию стало небезопасно... Увы, фотография была утрачена».

Гонения на церковь оставили без работы многих священнослужителей, не стал исключением и Михаил Пирогов. Надо было как-то кормить семью, и в это время Григорий предложил брату место в Москве – в Театре Зимина требовались хорошие голоса. Решиться на такую смену деятельности Михаил без благословения не мог. Он написал Святейшему Патриарху Тихону, прося разре-

братья Пироговы создали галерею вокально-сценических образов, вошедших в историю оперного театра. Они были наделены не только уникальными басами, но и редким талантом перевоплощения

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Простой крестьянской утварью пользовались в каждом деревенском доме, и хозяйство Пироговых не было исключением

Ивана Пирогова. – Видя его страдания, мать просила Бога, чтобы он даровал сыну легкую смерть и даже дала обет не есть мяса. Обет свой она сдержала и в течение пятнадцати лет не употребляла ни грамма мяса».

Ивана не стало в 23 года. Он не успел реализовать данный ему талант. А начало было многообещающим. Говорили, что Иван был очень похож на Михаила, вот только характеры у них были разные. Отчаянный и дерзкий Иван, которого в деревне звали «оторвой», был противоположностью скромного Михаила. Весьма вероятно, что и Иван стал бы одним из ярких светил созвездия талантов Пироговых. Но теперь остается только строить предположения... Судьба у каждого своя.

АЛЕКСЕЙ. БРАТСКАЯ

ЗАМЕНА

Четвертый из братьев Пироговых был на десять лет моложе старшего, Григория, – он родился в 1895 году. Род Алексей уже по-другому – благодаря помощи братьев была возможность учиться, и в 1911 году он поступил в классическую гимназию. Окончив ее в 1915 году, поступил не только в музыкально-драматическое училище, но и на историко-филологический факультет Московского университета. После окончания учебных заведений Алексей был призван в армию. Прошел обучение на офицерских курсах, продолжал военную карьеру и после революции, теперь уже в Красной армии. Правда, 1917 год не прошел бесследно и для Алексея – он получил контузию, самым страшным последствием которой стала временная потеря голоса. В 1921 году он стал пробовать себя на драматической сцене. Снялся в фильме «Крест и маузер», причем весьма успешно. То, что Алексей потерял голос, не давало покоя старшему брату. Григорий привлек педагогов, Алексей много работал, и результат оправдал старания: голос восстановился. Алексей начал петь. В Москве тогда места не было, и третий бас-братья уехал в Ташкент, где в то время был силь-

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Посетители музея в Новоселках могут не только увидеть характерные для крестьянского быта XIX – начала XX века предметы, но и подержать их в руках

ный оперный театр. Там началась его работа на сцене. Кстати, очень многие партии, которые пел Алексей, исполнял и Григорий. После Ташкента он отправился в Киев, где работал в оперном театре, набираясь опыта и оттачивая мастерство.

Когда не стало Григория, Алексея пригласили в Большой – он заменил на сцене брата и работал в театре семнадцать лет. Потом работал в Театре им. Станиславского, а когда вышел на пенсию, учил детей, много занимался общественной работой. Алексей Степанович прожил самую долгую жизнь из всех братьев. Его не стало в 1978 году.

Александр, младший брат, стал самым прославленным из династии Пироговых. Он проработал в Большом театре тридцать лет и создал за это время около 40 оперных образов

АЛЕКСАНДР. МЛАДШИЙ БАС

Пятый бас в пироговской плеяде талантов, Александр, родился в 1899 году уже в Рязани, в доме на Трубежной. Он учился в той же гимназии, что и брат Алексей. И дальше шел по проторенной Алексеем дороге: учился в музыкально-драматическом училище, а параллельно – на историко-филологическом факультете Московского университета.

Надо сказать, что голос у Александра, в отличие от всех братьев, проявился весьма поздно. Многие считали, что на последнем сыне Пироговых природа все-таки решила отдохнуть... Оказалось, что это не так.

Как вспоминала сестра Пелагея, все были удивлены, когда Александр вдруг запел. Случилось это, когда ему было 16 лет. Старшие братья поддерживали Александра – они вообще всегда и во всем помогали друг другу.

С 20 лет Александр начал выступать на фронтах Гражданской войны, а потом поступил в Театр Зимины. Теперь на сцене этого театра выступал, можно сказать, целый клан Пироговых. В 1924 году Александру Степановичу поступило предложение от Большого театра. Поначалу он сомневался, говорил,

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Просторная беседка дает гостям музея возможность отдохнуть на свежем воздухе возле дома Пироговых. Светлана Чукова говорит, что именно здесь нередко проходят интерактивные программы для детей

что еще не готов к столь серьезной работе, но все-таки согласился. Его работа в Большом продолжалась тридцать лет. За это время было спето более 40 партий, было много ярких и интересных постановок. Можно сказать, что он исполнил основной басовый репертуар классической русской и зарубежной, а также советской оперы.

Александр стал, пожалуй, самым известным из Пироговых. Народный артист СССР, депутат Верховного Совета, кавалер двух орденов Ленина, дважды лауреат Сталинской премии... Кстати, с премиями у Пирогова вышла любопытная история. «Когда в 1943 году Александр Степанович получил Сталинскую премию, он был озадачен – что же делать с такими деньгами, все-таки 100 тысяч – существенная сумма, – рассказывает Светлана Чукова. – В итоге Пирогов решил отдать их на восстановление народного хозяйства. И в ответ на свой отказ получил телеграмму Сталина: «Благодарю за понимание». Думаю, такой поступок Александра говорит о многом». Еще одна история про Пирогова-младшего связана с командармом Буденным. Впечатленный голосом и игрой Александра

Степановича, Буденный подал артисту лошадь. Где держать такой подарок в городе? В итоге Александр пристроил презент на родину, в совхоз села Новоселки.

В 1949 году был снят фильм, который добавил немало баллов в копилку популярности Александра Пирогова. Борис Годунов в одноименном фильме-опере на музыку Мусоргского стал звездной ролью прославленного баса. За нее Александру второй раз была присуждена Сталинская премия. А критики очень высоко оценили эту работу, фильм был отправлен на фестиваль в Вене-

цию. Картина там не оценили, а вот пение и игра Пирогова произвели очень сильное впечатление. Настолько сильное, что итальянцы отчеканили медаль с портретом Александра. Есть и еще одна история с посещением младшим Пироговым Венеции... Отправлялся он туда неохотно, поскольку из-за этой поездки ему пришлось расставаться с любимой Окой – в это время он как раз отдыхал и рыбачил в глубинке Рязанщины. Как бы дико это ни звучало, но он долго сомневался, ехать ли ему в Венецию... В итоге все-таки решил, что ехать надо. Но там он так сильно тосковал по родной реке, что, сев в гондолу и отправившись по венецианским каналам, запел русские песни... И полились над Венецией «Дубинушка», «Тройка по чтова»... Голос недюжинной силы, естественно, привлек всеобщее внимание. Люди выходили из домов, выглядывали из окон. «Когда гондола с Пироговым проплыла мимо завода стекла, народ выскочил и попросил причалить. Итальянцы расспрашивали, какое впечатление на него произвела Венеция, – рассказывает Светлана Чукова. – Александр сказал, что все ему понравилось, но при

АНДРЕЙ СЕМАШКО

этом ярко и эмоционально стал рассказывать об Оке – какая она красивая, спокойная, какие живописные у нее берега, как прекрасно на ней рыбачить... Итальянцы не могли оставаться равнодушными. На следующий день советская делегация отбывала домой, все уже находились в вагонах, когда на перроне показалась странная процессия с большой коробкой. Итальянцы разыскивали Александра Пирогова. Венецианцы вручили певцу свою ношу, попросив не распечатывать до приезда. Конечно, очень скоро около коробки собрался весь состав делегации – думали, что в подарок должно быть спиртное. И, естественно, загадочную коробку распаковали. Внутри оказалась очень красивая ваза венецианского стекла с золотой рыбкой на подставке – рассказ об Оке и рыбаке произвел яркое впечатление на итальянцев». Эта ваза и сегодня хранится в музее в Новоселках. В этом году темой акции «Ночь в музее» были шедевры из запасников. Хранители Музея братьев Пироговых подумали и достали из фондов именно эту вазу – шедевр, сделанный специально для Александра Пирогова...

Дом-музей Пироговых всегда готов радушно встретить гостей

Маленькие посетители охотно осваивают «технику» прошлых столетий – благо все это в доме-музее можно потрогать и опробовать в действии

КУСОЧЕК БОЛЬШОГО В СКРОМНОЙ ИЗБУШКЕ

Музей в селе Новоселки совсем небольшой. Дом этот в 80-е годы прошлого века выкупил местный колхоз – выкупил, понимая, что рано или поздно интерес к великим землякам должен возродиться. Однако долгое время никакой поддержки со стороны чиновников не было, только местные энтузиасты пытались увековечить память братьев. К счастью, потом власти подключились, и в 1995 году музей был официально открыт. В первой комнатке посетители могут получить представление о том, в каких условиях жила семья: скромная деревенская утварь, прядка, подвешен-

ная к потолку люлька, глиняные крынки. Сохранилась печка – она и сегодня внушительных размеров, но, как говорят, ее несколько укоротили. Видимо, она была просто огромная, что, собственно, и неудивительно, ведь на ней помещались все чада семейства Пироговых...

Вторая комната музея поначалу несколько удивляет – весьма неожиданно после уголка простого деревенского быта переместиться в закулисье Большого театра. Впрочем, такой резкий переход соответствует течению жизни братьев Пироговых. Из крестьянской среды они переместились в атмосферу артистического бомонда. Сценические костюмы, личные вещи, записи, документы – здесь все подлинное. «Конечно, если бы нам пришлось покупать экспонаты, наш музей вряд ли бы состоялся – денег на закупку у нас, естественно, не было. Мы очень благодарны потомкам, которые бескорыстно передали нам все эти вещи», – говорит Светлана Чукова.

Роскошные костюмы в витринах свидетельствуют, что Пироговы обладали не только выдающимися голосами, но и весьма внушительным ростом. Говорят, все братья были ростом под 2 метра...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Музыкальные инструменты, костюмы, афиши, документы – все это иллюстрирует творческую жизнь Пироговых. А если к тому же комната наполняется звучанием мощных басов... Здесь нередко включают сохранившиеся записи Пироговых. И когда звучат арии в их исполнении, становится понятно, почему современники восхищались мощью голосов и удивительным артистизмом братьев.

КАК ПРОМЕНЯТЬ ПАРИЖ НА МЕДВЕЖЬЮ ГОЛОВУ?

Последнюю часть музея трудно назвать залом или хотя бы комнатой. Это малюсенький закуток, где можно прочувствовать любовь братьев к Оке. Люблили они ее трепетно и беззаветно. Ласково называли Окушкой. Алексей Пирогов даже сценический псевдоним взял по имени любимой реки – слушатели знали его под фамилией Пирогов-Окский. А лучшим отдыхом для всех братьев всегда было время, проведенное на Оке.

Став успешными артистами, Пироговы предприняли попытку приобрести дом, который когда-то принадлежал их семье. Увы, из этой затеи ничего не вышло – тогдашние хозяева отказались рас-

таться со своей собственностью. Братья не стали покупать другое жилье в Новоселках. Поплыли дальше по Оке и облюбовали укромное местечко на любимой реке – выбор пал на село Копаново Шиловского района, которое стало любимым уголком отдыха Пироговых. Отправляясь в отпуск, они садились на теплоход, названный в честь старшего брата «Григорий Пирогов». Плыли по Оке до Новоселок, а потом – до Копанова. Отправлялись на остров Медвежья Голова, который ласково именовали «Медвежка», ставили палатки, рыбачили, охотились...

Документы, костюмы, афиши – все в музее подлинное. Сотрудники музея очень благодарны потомкам Пироговых, которые бескорыстно передали экспонаты в Новоселки

Ока для них была очень важной частью жизни. Александр как-то отказался от гастролей в Париже, поскольку поездка совпадала по срокам с отдыхом на Оке. И, как уже упоминалось, поездка в Венецию была под угрозой отмены по той же причине. Прославленный артист писал как-то своей жене, что у нее есть только одна соперница – Ока...

СЫНЫ ОКИ

На Оке они забывали обо всем. Занимали их только рыбацко-охотничьи заботы. Кстати, Пироговы очень скрупулезно относились к ловле рыбы и всегда вели дневники. Все эти записи можно увидеть в новоселковском музее. Так, летом 1949 года Пироговы поймали 271 стерлядь.

Отдых на Оке был для них, скорее, поэзией. Здесь они набирались творческого вдохновения.

И даже после смерти они не могли расстаться с родной рекой. Алексей Степанович завещал, чтобы его прах развеяли над островом Медвежья Голова. Правда, его сын Ярослав, который не раз приезжал в Новоселки, рассказал, что полностью выполнить завещание родителя не получилось – когда родные приехали исполнить волю Алексея Пирогова, погода была безветренной, и они опустили урну с прахом в Ерошкин омут. Спустя несколько лет в честь столетия Александра Пирогова там же, на острове Медвежья Голова, была установлена памятная стела. Александр всегда говорил, что хочет умереть на сцене Большого театра или на острове Медвежья Голова. Так и получилось: в 1964 году во время отдыха у него случился инфаркт, его не успели довезти до сельской больницы... Он всего месяц не дожил до своего 65-летия...

В селе очень трепетно относятся к памяти великих земляков, берегут все, что связано с их именами. Музей здесь – главная достопримечательность, и каждый местный житель гордится тем, что родился на той же земле, что и великие Пироговы.

ДОНЕЦК СМЕЕТСЯ

ЯНА КИСЕЛЕВА

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

«ОДНАЖДЫ ПОСРЕДИ ГОГОЛЕВСКОЙ «ЖЕНИТЬБЫ» СТАЛИ БОМБИТЬ, ШТУКАТУРКА В ЗАЛЕ СЫПАЛАСЬ, НО ЗРИТЕЛИ НЕ ХОТЕЛИ УХОДИТЬ. МЫ ВСЕ ЖЕ ОСТАНОВИЛИ СПЕКТАКЛЬ И ВЫВЕЛИ ПУБЛИКУ В КУЛУАРЫ, ТАМ СТЕНЫ ТОЛЩЕ». ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР ДОНЕЦКОГО МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ВАСИЛИЙ МАСЛИЙ РАССКАЗАЛ КОРРЕСПОНДЕНТУ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ МИР.RU», КАК ГОГОЛЕВСКИЙ ПОДКОЛЕСИН ВПЕРВЫЕ НЕ СТАЛ ВЫПРЫГИВАТЬ В ОКНО, А ВМЕСТЕ С АГАФЬЕЙ ТИХОНОВНОЙ ОБЪЯВЛЯЛ СО СЦЕНЫ ПЛАН ЭВАКУАЦИИ.

K

РУПНЕЙШИЙ ТЕАТР
Донецка сегодня живет полной жизнью, ставит по 12 новых спектаклей в год – в основном комедии и мюзиклы. За последние четыре года, особые в истории Донецка, Маслий и его команда научили не бояться бомбажек и минометных обстрелов д'Артаньяна, Мэри Поппинс и Раневскую из «Вишневого сада». И зрители приходят в театр – сейчас заполняемость

«Вишневый сад», спектакль о разрушении привычного мира, в Донецке как никогда актуален

ЯНА КИСЕЛЕВА

ЯНА КИСЕЛЕВА

НА СЦЕНЕ, ЗА КУЛИСАМИ, ЗА СТЕНАМИ ТЕАТРА

Мы с Василием Маслием сидим на ступеньках старинной лестницы Вологодского кремля. Донецкий музыкально-драматический приехал в Вологду на международный театральный фестиваль «Голоса истории», на афише которого рядом с Чехией, Болгарией и другими странами ЕС и СНГ впервые появилась аббревиатура ДНР.

Еще в Донецке труппа поделилась надвое: часть повезла «Вишневый сад» в Сергиев Посад, другие направились в Вологду. По условиям фестиваля спектакли показывают под открытым небом на фоне старой кремлевской стены. И начинаются они поздним вечером, чтобы стемнело и действие выглядело эффектнее. Гости из Донецка провели трехчасовую репетицию и в ожидании вечера спектакля собрались прогуляться по Вологде. «А чего в гостинице-то сидеть? – говорит главный режиссер театра. –

залов выше, чем в довоенные времена! – не для того, чтобы прятаться за толстыми стенами театральных кулуаров, а за оптимизмом и позитивными эмоциями.

Главный режиссер Донецкого музыкально-драматическо-

го театра рассказал «Русскому миру.ру» о том, как Гоголь, Чехов, Мольер и Булгаков стали сегодня в Донецке самыми востребованными драматургами. А артисты поведали, что мечтают о ролях Гамлета и князя Мышкина.

Спектакль «Вишневый сад» в Донецке поставил российский режиссер Сергей Бобровский

ВЯЧЕСЛАВ ПАЦУК

Мы очень любим приезжать в российские города на гастроли или фестивали. Хотя сейчас в Донецке стреляют меньше, а в центре города и вовсе стало довольно спокойно, только в таких поездках в Россию мы можем подышать воздухом мирной жизни. Это невероятное чувство, поверьте.

За неделю до приезда в Вологду донецкие артисты давали дома премьеру комедии по гоголевским «Игрокам» – судя по зрительским отзывам и рецензиям в местной прессе, зал сотрясался от смеха и восторженно аплодировал. По словам режиссера Маслия, спектакль ставился как шоу, которое до финала ни на секунду не останавливается и способно развеселить самого серьезного зрителя.

«Мы – активно работающий театр, и никакие события не помешали нам остаться таким, – говорит Василий Маслий. – Мы выпускаем порядка 12 премьерных спектаклей в сезон. В театре функционируют большая сцена, малая сцена, новая сцена и театральная гостиная – четыре площадки, на которых идет работа. Почти на всех наших спектаклях аншлаги, средняя загрузка зала – 97–98 процентов. Это выше, чем было до 2014 года. В Донецке появились перекупщики билетов и спекулянты, чего не было раньше. Накануне премьер перед кассами выстраиваются длинные очереди. Просят поставить дополнительные стулья, требуют увеличения количества показов, устраивают скандалы из-за того, что билетов не доста-

лось. Это хлопоты, конечно, но хлопоты приятные».

Театров в Донецке и его окрестностях много – от оперного до кукольного и ТЮЗа, и ни один из них не закрылся в связи с событиями на востоке Украины. В октябре 2014 года, когда Донецк в буквальном смысле был в огне, Музыкально-драматический театр стал первым в городе, кто открыл новый сезон. С премьерами, знакомой классикой и сформированной афишой. Для Донецка это имело огромное значение – если театр работает, есть надежда. Открывать новый сезон было непросто: почти треть труппы, включая ведущих актеров, покинули Донецк. Некоторые из-за политических взглядов, другие из-за беспокойства за себя и близких.

По мотивам знаменитого мультфильма «Бременские музыканты» в Донецке поставили семейный мюзикл

ВЯЧЕСЛАВ ПАЦУК

Рок-оперу «Юнона и Авось» в Донецкой муздраме поставили весной прошлого года, и она стала событием

Воинская честь и любовь к родине – тема рок-оперы «Юнона и Авось»

«Было сложно, зато у нас появилась талантливая молодежь, – говорит Василий Маслий. – Некоторые из тех, кто был на вторых ролях, в тени, вышли на иной уровень и стали играть главные роли. Спасибо Российской Федерации – ребята приезжают сюда на мастер-классы, в летние школы театрального мастерства, и это приносит нашему театру огромную пользу. И еще хочу сказать, что последние годы очень сплотили нас. Театр всегда был большой семьей, а сейчас стал очень сплоченной семьей».

Донецкий театр не только терял артистов, но и обретал их. В театр едут и из городов ДНР и ЛНР, и с Украины – двое харьковчан присоединились к труппе. Российские режиссеры охотно приезжают в Донецк для

ЯНА КИСЕЛЕВА

постановок. К примеру, упомянутый «Вишневый сад» поставил режиссер Сергей Бобровский из Липецка.

По словам главного режиссера, несмотря на происходящие в Донбассе события, репертуарную линию театр не менял. «Театр как был разноплановым, таким и остался, – говорит он. – Донецк – огромный город, здесь много поклонников театрального искусства, и нам хотелось бы, чтобы каждый нашел в афише театра что-нибудь по душе. Ставим русскую классику, мюзиклы, пьесы современных авторов и многое другое. Наверное, вы хотите спросить, выносим ли мы на сцену происходящее на наших фронтах? Нет, не выносим. Мы стараемся как можно меньше касаться этой темы, потому что в Донецке в данный

момент это никому не нужно. Наоборот, люди хотят оторваться от сегодняшнего дня, уйти от всех проблем, которые присущи городу, находящемуся на военном положении. За этим они и приходят в театр. И мы делаем все, чтобы дать людям то, чего они ищут. Чтобы в нашем зале они посмеялись и поплакали даже, но чтобы это не было связано с происходящим за стенами театра. И знаете что еще... То, что мы пережили в 2014–2015 годах, не способен показать ни один театр».

Донецкую муздраму не раз бомбили и обстреливали, в том числе во время спектаклей. Осколки застревали в стенах, их вытащили и сохранили. На память. Как дополнительные экспонаты более чем девяностолетней истории театра.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ НОВОБРАНЦЫ

На фестиваль в Вологду Донецкий театр привез спектакль «...И превратились в белых журавлей» по пьесе Александра Селина. Время действия – Великая Отечественная война. Главные герои – молодые бойцы, новобранцы, в ожидании своего первого боя, который продлится всего минуту. Они молоды и красивы, они строят обширные планы на жизнь и мечтают о светлом будущем. Они хотят рисовать, заниматься спортом, решать математические задачи, но судьба дала им в руки винтовки и отправила умирать. Спектакль, поставленный еще в 2012 году, был сугубо историческим. Затем постановка сошла со сцены, но весной этого

Гоголевские «Игроки» – последняя на сегодня премьера Донецкого театра. Ее представили в июне

«Страсти по Торчалову» – это трагедия и комедия одновременно. Действие происходит не где-нибудь, а в чистилище

сты Донецкого театра, вчерашние выпускники вузов и студенты. Для большинства из них эта постановка – первый настоящий спектакль, в котором они сыграли роль со словами. Солдатские гимнастерки им определенно идут. Ведь в Донецком театре они тоже новобранцы, которых жизнь выбросила на театральную передовую вместо тех, кто по разным причинам покинул труппу в эти судьбоносные четыре года.

Молодые актеры рассказали, что их держит в Донецке, каким они видят свое будущее и о каких ролях мечтают.

Александр Рыбчинский. Занят в спектаклях «Игроки», «Лодочник» и в детских сказках:

– Я с детства в Донецком театре, у меня там работают родители. Папа ставит спектакли и играет на сцене. В юные годы я играл в спектаклях детские роли. До начала войны я поступил в Харьковский университет искусств, в котором учился четыре года на артиста-кукольника. После окончания вуза год назад я вернулся в Донецк, к семье, и устроился в театр. Когда учился в Харькове, особенных проблем у меня не было. Никакой неприязни от однокурсников я не испытывал, напротив, встретил понимание и сочувствие. У меня и сейчас там много друзей, как и на Западной Украине, и они очень переживают за меня и за нас всех. Думающие люди понимают, что нас специально натравливают друг на друга, и не ведутся на это.

Мои родители в 2014 году, когда в городе были совсем уж большие проблемы, ненадолго покидали Донецк. Но как только стало потише, вернулись обратно. И я, конечно, не мыслил, что поступлю как-то иначе.

Андрей Кочедыков. Исполняет небольшие роли в спектаклях «Тартюф», «Игроки», «За двумя зайцами»:

– Мне 22 года, в театр попал, еще будучи студентом Донец-

года ее возобновили. Это единственный спектакль на военную тему в репертуаре Музыкально-драматического театра. «Когда мы восстанавливали эту постановку с другими актерами, разумеется, взгляд на многое из того, о чем рассказывает спектакль, был совершенно иным, – говорит режиссер. – Он стал глубже, вернее, осознаннее, что ли.

Ставят в Донецкой муздраме и сказки для взрослых. Одной из них стал «Лодочник» – философская драма про одинокого сторожа

кого училища культуры. Пришел сюда на практику в 2015-м и остался. Сначала на четверть ставки, потом на полставки. Сейчас я в основном составе. Об отъезде из Донецка не задумывался. Меня в театр взяли, мечту мою исполнили, а я все брошу и уеду? Зачем? Раньше, когда слышал, что театр затягивает, думал, что это просто слова. Сейчас понимаю, что это правда. С каждым годом затягивает все сильнее, и выбраться тяжелее.

Хочу сыграть Раскольникова, причем в спектакле по «Преступлению и наказанию», который сам бы поставил. Но до этого нужно додрасти.

Юлия Шафир. Играет в спектакле «...И превратились в белых журавлей» (роль Женщины в белом):

— Мне 19 лет, я самая молодая актриса театра. 91-й сезон в истории нашего театра стал для меня первым. Я давно хотела здесь работать, но прежде даже на прослушивание не приглашали. Но я не прекращала попыток, и меня заметили. Моей первой ролью была роль девочки в новогодней сказке. Она в спектакле спасает праздник. А в спектакле «...И превратились в белых журавлей» я играю Женщину в белом. Роль без слов, но для спектакля она важна. Это даже не человек, это символ, наверное. Смерть или судьба. Каждый из героев видит во мне что-то свое — кто-то мать, кто-то сестру, кто-то любимую девушку. Я для себя так определила, что моя героиня служит высшим силам и помогает заблудшим душам найти дорогу. И, как может, борется против войны.

Роли мечты у меня нет, но я с удовольствием сыграла бы Джузельту или кого-то вроде нее. Мне кажется, мое амплуа — лирическая героиня. Но я не против экспериментов. Что предложат в театре, то и буду пробовать. В любом случае, что бы ни играть,

ВЛАДИМИР БОРИСОВ

Мольер хорош и актуален в любые времена. В Донецке на «Тартюфа» непросто достать билеты

В «Трех мушкетерах» занят почти весь актерский состав Донецкого театра — более 40 артистов

хочется, чтобы это брало за душу.

Мне очень нравится наш театр, и я поддерживаю ту линию, которой он придерживается. Я живу в Донецке, общаюсь с родными, друзьями и соседями и знаю, что людям сейчас нужны веселые, легкие, жизнеутверждающие спектакли. Зрители хотят на час-другой отвлечься и перенестись в иную жизнь. А где это можно сделать, кроме театра?

Дмитрий Федоров. Играет роли Чаплина, Пушкина, Чиполлино:

— Я родился не в Донецке, а в поселке Старобешево. Это недалеко от города. Мое первое образование — техническое. Я специалист по газоснабжению и вентиляции, окончил вуз в 2012 году. И даже начал работать по специальности, до мастера дослужился. Но ушел на сцену, потому что со школы об этом мечтал. Кавээны, творческие вечера, школь-

МАРИЯ КИМ

ЯНА КИСЕЛЕВА

Спектакль «Олеся» идет на малой сцене. А еще в театре есть основная, экспериментальная и новая

ные постановки – сколько себя помню, всегда в этом участвовал. В 2013 году я решился и пошел в актерскую студию в Донецке. После второго выхода на сцену понял: жить могу только в театре. Газоснабжение и вентиляция – это не для меня.

Когда началась война, курсы свернули, и я их не окончил. Но моих планов это не изменило, пошел учиться в Луганскую академию культуры. В 2016 году, еще студентом, показался в Донецком театре, и меня взяли. Читал монолог Хлестакова, когда он сидит в трактире, хочет победить, а денег нет. Мне сказали, что у меня правдоподобно получилось. А еще на прослушивании спел песню Сюткина, театр-то музыкальный. Сказали: «Мда-а, вокал придется подтягивать». За два года хорошо подтянули.

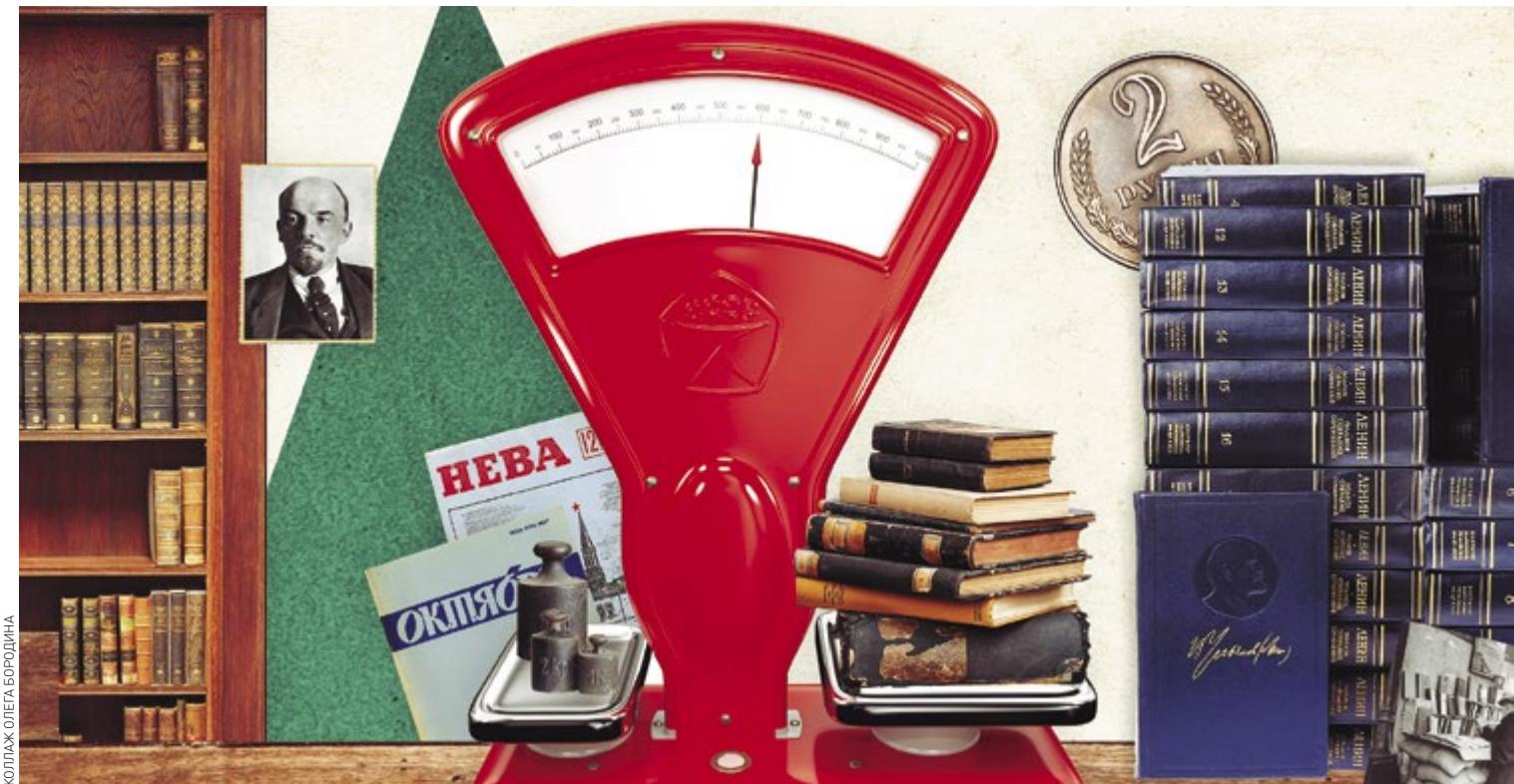
Первая моя роль была большая и значительная, но без слов. Сыграл Чарли Чаплина в водевиле: в котелке, с тросточкой и с этой его походочкой. Потом была роль Пушкина в спектакле жанра абсурд. Мой выход из холодильника всегда срывал аплодисменты.

Конечно, приходилось слышать о том, что в наше суровое время специалист по газоснабжению и вентиляции нужнее, чем актер. К счастью, среди моих близких людей так никто не говорит. Даже родители смирились, которые в мое актерство не очень-то и верили.

Актерская мечта? Хотелось бы сыграть князя Мышкина. Мне кажется, его идея о том, что нет плохих людей и добро есть в каждом человеке, очень нужна сегодня.

Как репетировать и играть на сцене, когда стреляют? Знаете, мы привыкли. Ко всему. К тому, что стекла дома и в театре залеплены скотчем, чтобы не разлетались осколки, если попадет. Привыкли к тому, что в случае взрыва поблизости – на периферии частенько пальба – нужно искать комнату без окон и пережидать там. Для таких случаев у нас у всех матрасы с подушкой наготове. От прямого попадания это не спасет, а от осколков можно укрыться.

Когда это все началось, поначалу, конечно, хотелось бежать. Уехать, переждать. А куда уезжать? Мое Старобешево тоже сильно тряслось. Мысли уехать подальше возникали, но они были мимолетными. Приедем куда-то – и что? Начинать все заново? Дом есть дом.

ЖОРЖ САНД И «ПЫЛЕСБОРНИКИ»

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ОДНАЖДЫ К НАШЕЙ ПОМОЙКЕ ПОДЪЕХАЛА
БОЛЬШАЯ БЕЛАЯ МАШИНА.
АККУРАТНО ТОРМОЗНУЛА У ЖЕЛЕЗНЫХ
КОНТЕЙНЕРОВ. ОТКРЫЛАСЬ ДВЕРЦА БАГАЖНИКА.
АВТОВЛАДЕЛЕЦ, ПУЗАТЫЙ ДЯДЯ В ФУТБОЛКЕ,
СОСРЕДОТОЧЕННО И ДЕЛОВИТО ВЫТАЩИЛ
ИЗ БАГАЖНИКА ЗНАКОМЫЕ СИНИЕ ТОМА
С ЗОЛОТОМ НА ПЕРЕПЛЕТЕ.

Л ЕНИН! СОБРАНИЕ СО-
чинений в 55 томах.
В последний раз свер-
кнув на солнце, ко-
решки полетели в мусор...
Я курил у подъезда.
Проходивший мимо сосед вы-
сказался не без иронии: «Зря.
А вдруг все вернется? Спешит
дядя».
Операция по выбросу Владимира
Ильича заняла не более деся-

ти минут. Дядя сел за руль и уехал. Мы с соседом продолжи-
ли обсуждать шансы «Локомоти-
ва» на чемпионство.

— Вот, сейчас мы своими глаза-
ми наблюдали частный случай
перестройки, — сменил я тему.
— Да брось ты! Жене евонной не-
куда тряпки девать! — не согла-
сился сосед. — А тут Ленин сто-
ит... Пылится! Вот и попал под
горячую руку... А мужик едет

сейчас на работу, под ложечкой
у него сосет, неправильный шаг
потому что сделал...

Я вспомнил об этом событии,
когда дочь попросила ликвиди-
ровать из ее комнаты книжную
полку. На этой полке стояли си-
ние, красные, серые, черные,
зеленые тома. Некогда перепле-
тенные из разных журналов —
книги. Мы их так и называли —
«переплетенки».

Собирал я их долго, лет десять,
наверное, в основном в пере-
строечную эпоху. Выдергивал
из толстых журналов то, что ка-
залось мне интересным. Тща-
тельно подбирал по размеру и
темам. Что-то из «Иностранной
литературы», что-то из «Дружбы
народов». Что-то из «Юности».
Что-то из «Нашего современни-
ка», а что-то из «Нового мира».
Что-то из питерских журналов —

«Авроры», «Невы», «Звезды». «Знамя», «Москва», «Октябрь» – все издания казались тогда необычными, свежими. Всюду встречалось что-то такое, что невозможно было представить напечатанным еще вчера.

Потом скопившиеся многолистные пачки я отвозил в переплетную мастерскую – в Кузьминки, например. Или в Щукино. Там за небольшую плату в два-три рубля мои журнальные странички получали аккуратные обложки, согласно имеющемуся в наличии цвету коленкора.

Потом я усаживал жену за изготовление содержания. Жена нумеровала каждую страничку сборника. И затем выписывала заголовочки каждой вещи и номера страниц на отдельный листок. А потом вклеивала этот листок в начало книги. У нее выходило красиво, ровненько. В итоге у нас получался солидный том в крепкой новой обложке. Оглавление могло быть, к примеру, таким:

Сол Беллоу. «Лови момент», страницы 1–26
Варлам Шаламов. «Колымские рассказы», 27–43

Александр Авдеенко. «Отлучение», 44–77, 90–118

Борис Слуцкий. «Стихи», 77–89
Рой Медведев. «О Сталине и сталинизме», 120–311.

Внизу ставился год сборника – 1994 г.

А если жена отказывалась, ссылалась на недосуг, то оглавление изготавливали я, конечно же, в упрощенном варианте. Вот, к примеру, из журнала «Смена», малый формат:

Сергей Устинов. «Кто не спрятался»

Николай Леонов. «Коррупция»

Николай Рубцов. «Стихи»

Владимир Высоцкий. «Стихи»

Александр Керенский. «Из воспоминаний»

Себастьян Жапризо. «Бег зайца через поля»
1989 г.

Как видите, нумеровать странички томика я ленился.

Впрочем, иногда нумеровать не приходилось. Фолиант «Память»

Владимира Чивилихина единолично занял три тома!

Чего только не было в переплетенках... Детективы, беллетристика, переводы, стихи, интервью, проза, поэзия, мемуары... Одной публицистики я набрал на два тома.

Жаль было выбрасывать такое богатство. Но я себя убедил.

Во-первых, многое из переплетенного оказалось спустя годы таким мелким, пошлым, притянутым за уши, политически нужным кому-то именно в середине восьмидесятых...

Во-вторых, изменились вкусы. То, что казалось интересным в молодости, какой-нибудь Грэм Грин и его латиноамериканские или азиатские страсти, ныне не волновало абсолютно.

В-третьих, то, что я читал и перечитывал, теперь имелось в книжном шкафу в виде обычных книг, а то и собраний сочинений. Ну есть, как не помнить, вот в этой зеленой переплетенке роман Жоржа Сименона о комиссаре Мегрэ... Но теперь-то целую полку шкафа занимает красивая розовая серия «Весь Мегрэ», причем романы там изданы по годам написания, с первого, самого раннего, до последнего.

Ну и в-четвертых... Я и позабыл, как мелко печатались наши любимые журналы... Шрифт – меньше не бывает. Я и в очках-то теперь едва разбираю... Видимо, дочь права: всему свое время. Надо сдавать...

Переплетенки заняли две огромные сумки. Я взял их и взвесил для истории. 16 килограммов живого книжного веса. За ними десяток лет сорианий, ожиданий, переживаний, движений по городу, какие-то чувства, радости, открытия...

А теперь я несу их в районную библиотеку.

На открытый доступ.

От читателя к читателю.

Букроссинг, современным языком, если не путаю...

Короче говоря, стоят стеллажи у входа. Они заняты книгами, которые каждый может забрать

себе. Или может принести и поставить что-то свое. Мне кажется, это самые интересные полки в библиотеке. Они напоминают книжный развал у букинистов. Только платить не нужно.

Люди сдают в районную библиотеку все, что угодно.

Но потому, как быстро меняется ассортимент, можно сказать, что и берут люди все, что угодно.

Ну кому вроде бы нужен огромный телефонный справочник Москвы за 1987 год? 600 с чем-то страниц... А ведь и он исчез с полок! И довольно быстро. никакому социологу не просчитать интересы наших читателей...

Однажды я выписал себе книжки, свободно стоящие на стеллажах. Вот какой вышел список.

«Основы маркетинга»

«26 уроков английского языка»

«Как самому починить телевизор» (год издания 1968-й)

«Анализ финансовой отчетности»

«Мировой рынок: анализ прогнозирования»

«Малое предпринимательство»

«Комментарии к Уголовному кодексу»

«Гражданство и регистрация»

«Менеджмент»

«Как самому починить электробытовые приборы» (1967 г.)

«Радикулит. Способы домашнего лечения»

Когда эти книжки исчезли, не удивился, все они, что называется, актуальны. Прогнозировать, анализировать, учить английский – теперь в моде. Правда, не очень ясно, зачем кому-то чинить телевизор, сделанный в СССР? Хотя... Может, это хобби. В другой раз я отметил на стеллаже иные книжечки:

«Мужем избитая (исповедь жены олигарха)»

«Дневник стервы». Том 1

«Стерва худеет». Том 2

«Очаровательный кишечник»

«Я и мой имидж (руководство для женщин: от серой мышки до шикарной дамы)»

Уже через неделю ни одной из этих книг не было и в помине! Видимо, это бестселлеры, которые кто-то прочел, сделал нуж-

ные выводы и дал почитать боевым подругам. А заголовок «Очаровательный кишечник?» Трудно не ухватить такую полезную книжку.

Вы думаете, залежался на свободном доступе кем-то по недомыслию сданный роман «Дочка людоеда»? Ничуть не бывало. Пронзительная, видно, вешь! «Дочка» стояла не более трех дней. Смели. Вместе с «Уроками классического танца» и «Породами лошадей и пони». Как не было! Я и не предполагал, что в нашем районе имеется повышенный интерес к лошадям, пони и классическим танцам.

Но что пони! Ведь кто-то взял и изучает себе журнал «Воспитание и дополнительное образование в Новосибирской области (март – сентябрь)?! Как журнал из Сибири попал в библиотеку на юге Москвы? Тоже загадка. Что задерживается на полках дольше всего? Увы, дольше всего и даже безнадежно долго пылится советская литература. Особенно собрания сочинений таких суровых авторов, как Панферов, Гладков, Коптев, Шагинян, Марков... А ведь это были трудолюбивые люди, у каждого восемьтомник, никак не меньше... Зато пособие «Вопросы организации заработной платы рабочим и служащим в СССР» исчезло мигом.

Поток сданных авторов широк. Сдаают Солженицына, Войновича, Аксенова, Дудинцева, Астафьева, Лимонова, Сорокина, Пелевина, Акунина, Прилепина... То ли начитались уже, то ли купили по недоразумению... Конечно, приносят «макулатурные» книги с их оглушительными, миллионными тиражами. И что же? Со временем их тоже кто-то разбирает.

Должен особо отметить: мои 22 переплетенки исчезли тут же. Причем все сразу. На следующий день я в библиотеку специально зашел, глянул. Пусто.

...Рассказал старому товарищу об этом своем успехе. Он отмахнулся:

– Хотел квартиру сдать. От родителей осталась. Нашел интеллигентных людей. Муж и жена. В МГУ преподают. Кандидаты наук. Химики или биологи, не помню. Посмотрели. И говорят: «Мы согласны, нам нравится... Но вы должны книги из квартиры куда-то убрать. Это пылесборники. Прошлый век... А у нас ребенок. Вредно». Ну и куда, скажи на милость, я эти полторы тысячи томов дену? И чему ты радуешься, не пойму. Твои переплетенки не бось на макулатуру сдали. Ходовой бизнес! Скоро книги типа сувениров будут. Поставят в уголке как украшение обстановки. К примеру, альбом «Рыбы России». Весь в цвете и минимум текста. А рядом вазочка... Керамика чьих-то противных предков.

...Товарищ мой, кстати сказать, работает редактором. В большом книжном издательстве. Каково ему было это слышать? Про пылесборники. Да и в бизнесе книжном он много чего понимает.

Когда-то имел он дела, связь на книжном черном рынке. Я у него много хороших книжек купил. «Молдавского» Ремарка. То есть Ремарка, изданного в Молдавии. Картонная обложка. Бумага газетная, желтая. Два тома за 36 рублей. Шесть романов. Давно это было. Но было ведь... В те времена книга ценилась. Хорошую книгу было поискать. А найти и купить – так же трудно, как билетик в Таганку. Хорошая книга была в дефиците, несмотря на огромные тиражи. Тираж в 50 тысяч считался тогда маленьkim, нормальный тираж – это 200–400 тысяч... На хорошую книгу молились! Дрались за нее!

Да и магазины книжные в СССР были совсем иные. Это теперь ты ходишь по залу и любую книгу выбираешь, рассматриваешь, прицениваешься, придираешься, советуешься, набирая номер мобильника... В книжных СССР, как, впрочем, и во всех остальных магазинах

страны, главным был – его величество прилавок! Ты был жалким покупателем по эту сторону прилавка. А продавец находился – по ту сторону! Прилавок как линия фронта. Здесь все свои, там – чужие. Прилавок – широкий и надежный, с большими внутренними емкостями – со стороны продавца. Выражение «из-под прилавка» – переводить не нужно! Его все знали с малых лет. Оно значило, что кому-то крупно повезло. Кому-то дали нечто дефицитное, то, чего всем остальным не хватило.

За прилавком, с которого все лучшее и расхватывали, стояли длинные и высокие книжные полки... Там дремали издания, которые никто не покупал или покупал, но без всякого ажиотажа. Продавец работал, таким образом, грудью к прилавку, а спиной к книжным полкам. А ты – маялся напротив. Пытаясь разглядеть на этих полках что-то новое, заветное.

Конечно, если ты видел очередь в книжном – значит, дают!

Первым делом – узнать, что именно... Возможно, это «Сказки» Сутеева. А возможно, рассказы Куприна. Не исключено, «Философский словарь» или «Энциклопедия Гражданской войны в СССР».

У продавца существовала тетрадка поступивших новинок. Брать ее в руки – сплошное расстройство. Чуть что хорошее, нужное – пометка стоит: «нет в продаже» или «товар закончился». И число рядом, и количество поступивших в магазин книг.

Книжные магазины Москвы я делил на три части. Первая – это большие, огромные. «Книжный мир» на улице Кирова, «Москва» на улице Горького, «Московский дом книги» на Калининском проспекте и «Молодая гвардия» (не путать с одноименным издательством!) на Полянке. Как видите, здесь почти ничего не изменилось.

Районные магазины были повсюду, а не только у метро. В нашем районе их было три. Начало работы в 10.00, закрытие в 19.00. Перерыв на обед

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

с 14 до 15. Эти величины – постоянные.

Ну и наконец, существовали букинистические магазины – самые любимые и самые интересные. Там люди сдавали не нужные им почему-то книги, и, если повезет, купить в «буке» можно все, что угодно.

Походы по книжным, по «букам» особенно, я практиковал раза два-три в месяц. А как же! Это ведь и прогулки по центру нашей прекрасной Москвы! Это и новые умения, новые знакомства, новые адреса. Любители книг сродни опытным грибникам, каждый знает хорошее место и хорошее время. У каждого свои приметы, свои любимые темы, свои возможности, свои пути и дистанции...

Вот один из маршрутов. Обозначить его можно по-разному.

От памятника Пушкину до памятника Марксу.

От кинотеатра «Россия» до Малого театра.

От метро «Пушкинская», которую открыли этой зимой, до метро «Площадь Революции».

Итак...

Сначала вниз – по Горького – в «Москву» и «Академкнигу».

Тут поворачиваем налево, в Столешников. Там два магазинчика. Один из них букинистический, двухэтажный... Так... Затем чуть назад и направо в Камергерский. В нем три магазина! Знаменитая «Педагогическая книга», еще более знаменитая букинистическая «Пушкинская лавка» и рядом, на любителя – «Медицинская книга».

Но это пока не все. Спускаемся и поднимаемся по Кузнецкому... Стоп. «Подписные издания». Вдруг есть интересные нереализованные тома из сорбаний сочинений? Дальше букинистический и еще один любопытный книжный о двух залах на Кузнецком, там, где брускатка под ногами.. Ну и в завершение – на соседнюю Пушечную. В тамошний «бук»... А на закуску – через дорогу, в букинистический магазин «Находка», длинный стеклянный пенал, – рядом с памятником первопечатнику Федорову, что напротив «Детского мира». Сколько вы насчитали книжных на этом пятаке, дорогие товарищи? Можете сходить – сравнить с днем сегодняшним.

...И тут я встретил девушку своей мечты. Я сообразил это сразу, а вот она... Ограничивалась вежливым интересом. Я начал правильную осаду и выяснил, что девушка очень любит романтическую литературу. Стихи Александра Блока. Повесть Сент-Экзюпери «Маленький принц». Романы Дюма. Жорж Санд...

И вот ищу раз что-то историческое в «Академкниге», окна выходят на Юрия Долгорукого. И замечаю вдруг в антикварном отделе...

Большой шикарный двухтомник отдельно этак стоит.

«Консуэло»! Жорж Санд!!

Но цена... 40 рублей за два тома.

Продавец лениво пояснил: «47-й год издания... Переплет. А бумага какая... Стalinская эпоха. А тираж? Всего 55 тысяч. До завтра не простоит, нет вопроса...»

Я попросил продавца отложить Санд на часок, максимум на два...

В троллейбусе №15, по дороге в институт на Пироговку, лихорадочно соображал:

«Сегодня у нас стипендия. Но мне не дают. Не сошлись зимой взглядами на декабристов, вот и влепила незаслуженный трояк доцент кафедры истории СССР товарищ Минаев... Как быть? Друзья помогут. На друзей вся надежда! Пашка даст, Федя, Серега и Олег. Каждый по червончику. А после отдам. Изловчусь как-нибудь и отдам. Потихоньку... Главное – за Санд успеть».

Сегодня эта книга стоит в нашем книжном шкафу на почетном месте.

Я, правда, не читал, но уважаю. Именно Жорж Санд в двух томах 1947 года издания обеспечила нам долгую счастливую семейную жизнь.

Сдвинула дело с мертвой точки. Да и друзья подсобили. Продавец не подвел.

Памятная весна олимпийского, 1980 года.

...А вы говорите, «пылесборники»... Тыфу просто. ●

БЕЗ МАЛОГО ТЫСЯЧА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ БЕЛОРУССКИЙ ГОРОД БРЕСТ
ОТМЕТИТ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ. ЭТО – ПО ПАСПОРТУ,
КОТОРЫМ В ДАННОМ СЛУЧАЕ ЯВЛЯЕТСЯ
«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ», ОНА ЖЕ
«НЕСТОРОВА ЛЕТОПИСЬ».

И

БО СКАЗАНО: «К ВЕ-
черу же одолел Яро-
слав, а Святополк бе-
жал. И когда бежал он,
напал на него бес, и расслабли
все члены его, и не мог он си-
деть на коне, и несли его на но-
силках. И бежавшие с ним при-
несли его к Берестью».

С паспортами, как, впрочем,
и другими документами, удосто-
веряющими личность, у нас
проблемы природного харак-
тера. Не любит славянское нутро
всякую бюрократию. Хотя и
терпит.

Трудно проверить, даже с по-
мощью такой дотошной науки,
как археология, есть ли на рус-
ских землях хоть один древний
город, день рождения которого
совпадает с днем его истинно-
го основания. Не сказать, что у
наших цивилизованных сосе-
дей на Западе ситуация прин-
ципиально иная. Если дата
основания Гаем Юлием Цеза-
рем будущего Парижа в виде
укрепленного городка на остро-
ве Ситэ известна точно – 53 год
до Рождества Христова, то, ска-
жем, год рождения Стокгольма
весьма условен. Ссылаются шве-
ды на письмо ярла Биргера от
1252 года, в котором упомина-
ется укрепленное поселение на
острове Стадсхольмен, постро-
енное по его велению на месте
нескольких рыбакских дереву-
шек. Но раз письмо было напи-
сано, значит, обсуждаемое в нем
уже существовало.

ОТ БЕРЕСТЬЯ К БРЕСТ-ЛИТОВСКОМУ

Вот и с Брестом похожая исто-
рия. Брестская крепость – это не
только цитадель, расположенная
на острове, образованном
рекой Западный Буг и двумя
рукавами ее притока Мухавца. Это
несколько самодостаточ-
ных укреплений, построенных
в XIX веке за пределами цита-
дели. Одно из них – Волынское,
также известное как Госпиталь-
ный, или Южный, остров. Это,
находящееся на юго-востоке от
города самое скромное из пред-
мостных укреплений, окружав-
ших цитадель. Но сегодня – са-
мое ценное с археологической
точки зрения.

предметах домашней утвари,
украшениях, оружии. Берестье
или Берестей – так называли
это место потомки древнесла-
вянского племени дреговичей,
начавшего осваивать эти боло-
тистые места еще в VI веке. Ар-
хеологи определили, что най-
денный ими детинец начали
строить не позднее чем в конце
X века. А в год, о котором гово-
рится в летописи, детинец на-
считывал более 200 построек.
Он имел треугольную форму,
был защищен земляным валом
и частоколом, был прорыт ров
с напольной стороны, где не
было естественных водных пре-
град. Севернее, на другом бере-
гу Мухавца, вырос посад.

В Бресте любят рассказывать ле-
генду о том, как возник город.
Мол, двигался сквозь дремучие
чащи Полесья купеческий кара-
ван. Глухое болото преградило
ему путь. И тогда нарубили куп-
цы березовых стволов, постави-
ли на трясине гать и тронулись
далее. А на обратном пути ре-
шили остановиться в этих местах
навсегда. На первый взгляд нелеп-
ый поступок. Купцы – не зем-
лепашцы и не охотники. Им не
нужны неосвоенные угодья на
болотах. Им требуются богатые
товаром и обжитые народом го-
рода. Но тут иное дело. Если в ле-
генде есть хоть доля правды, зна-
чит, смекнули купцы, куда ведут
местные реки. Буг – из Галицкой
Руси и Волыни в Польшу, к бере-
гам Балтики, а оттуда уже – в пор-
ты Западной Европы. По Мухав-
цу, а далее волоком можно было

Макет детинца,
из которого
вырос
современный
Брест

добраться до рек, ведущих в Припять, которая впадала в Днепр. А это – путь к Черному морю, а значит, к Византии.

В общем, будь то драговици, заезжие купцы или еще кто, но место было выбрано с умом. Но и рисков хватало. Самостоятельного княжества в этих землях не возникло, стало быть, жизнь на стыке владений русских, литовских и польских князей грозила бесчисленными проблемами. Только в XI–XII веках жителям находившегося когда-то под рукой туровских князей Берестя нанесли недружественные визиты польский князь Болеслав Храбрый, великий киевский князь Ярослав Мудрый (трижды), волынский князь Владимир Андреевич, литовский князь Скирмунт, волынский князь Владимир Мстиславич, польский король Казимир II Справедливый... Дальше – больше. К поля-

кам, волынцам и литовцам присоединились рыцари Тевтонского ордена, захватывавшие город дважды. И это несмотря на то, что в 1390 году Берестье получило Магдебургское право (право на самоуправление. – **Прим. авт.**). Кстати, первым из белорусских городов.

В канун Грюнвальдской битвы, когда тевтоны разоряли литовские земли, в Берестье забаррикадировался от врага вели-

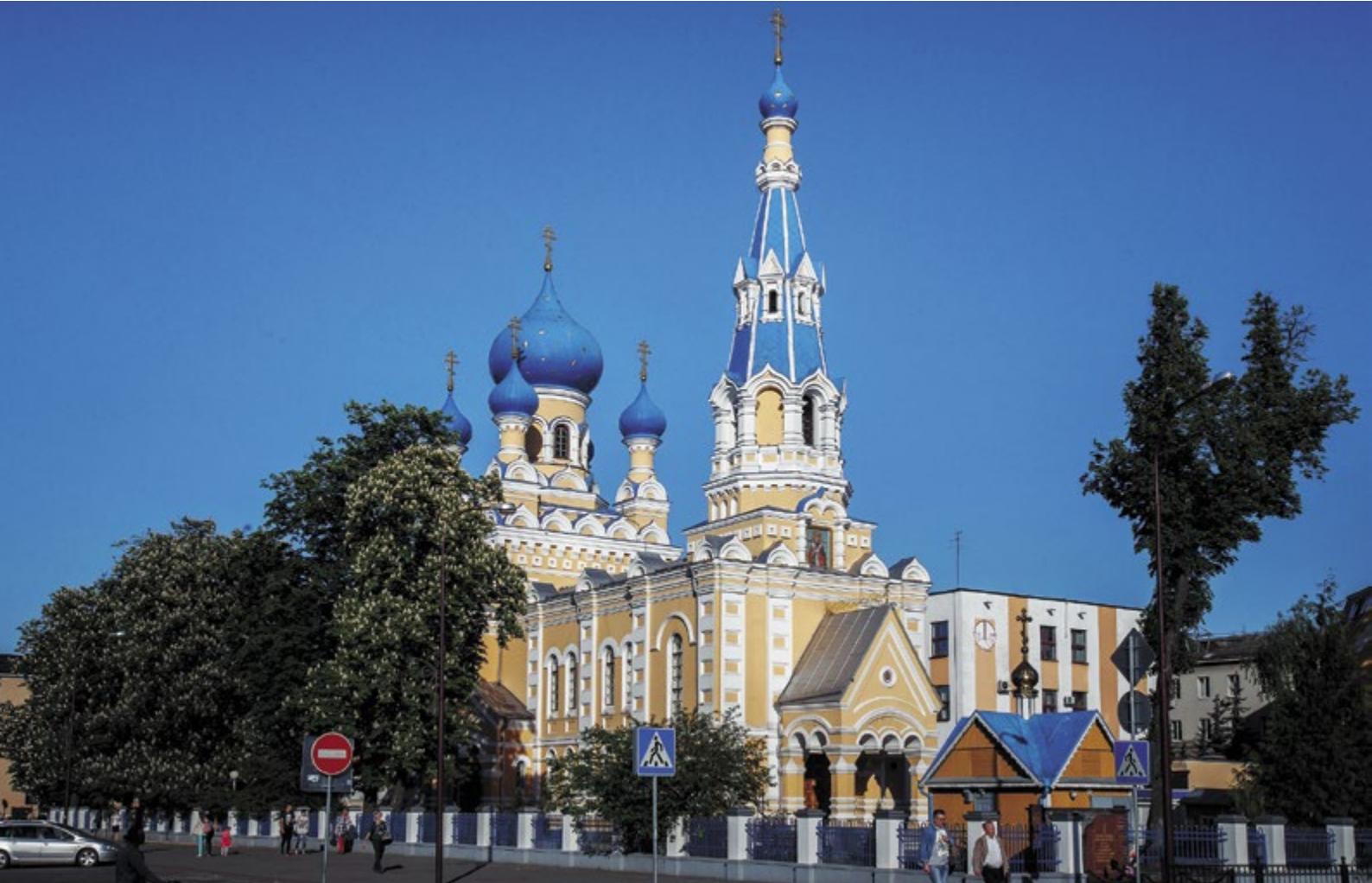
В археологическом музее «Берестье». Вскрытые остатки древнего городища

Памятный знак в честь получения Брестом Магдебургского права

кий литовский князь Витовт. Здесь же произошла встреча литовского властителя и польского короля Владислава Ягайлы. Переговоры привели к решению совместно дать отпор ордену и уничтожить его. Между прочим, в Грюнвальдской битве принимала участие и Брестская хоругвь, то бишь полк.

Грабили земли Берестя ордынцы, заглядывал сюда крымский хан Менгли Гирей. Позже, уже в XVII веке, город сожгли шведские солдаты. Во время Северной войны 1700–1721 годов Берестье посетил Петр I. Здесь располагались провиантские склады Русской армии. Однако складами интересовался не только царь, но и шведы. Вскоре Берестье подверглось нападению и было уничтожено. Урон оказался настолько серьезным, что город на четыре года освободили от всех налогов.

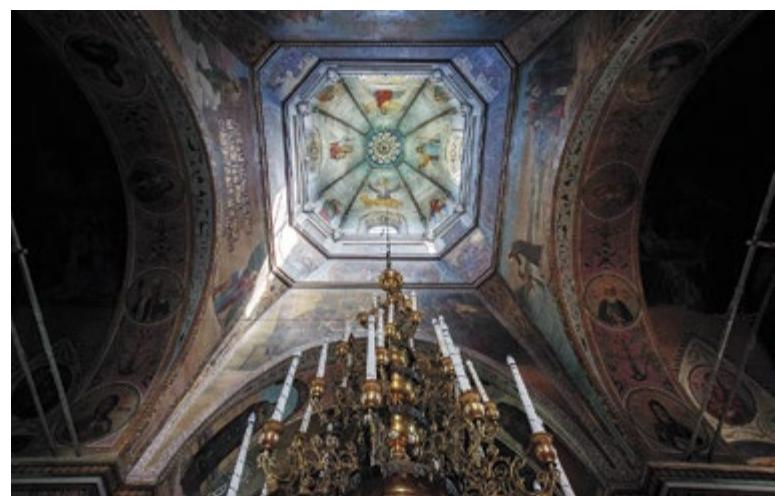
ГОРОД КУЛЬТОВ

После того как славяне общинами усилиями смогли уговорить рыцарей Тевтонского ордена, Брест и окружающие его земли на долгие века оказались под властью Великого княжества Литовского. После подписания в 1569 году Люблинской унии, когда литовцы и поляки объединились в федеральное государство Речь Посполитая, соответственно, в пределах этого государства. Так продолжалось вплоть до 1795 года. После третьего раздела Польши Брест вошел в состав Российской империи. Где и оставался вплоть до 1918 года. Потом случились иные перипетии, к которым стоит вернуться позже. Тем более что в XX веке город был разрушен дважды. Сначала во время Первой мировой войны, когда в 1915-м его оставила Русская армия.

Свято-Николаевская братская церковь на Советской улице. Гrimасы истории

Затем – в 1941-м, когда за него принялись орудия вермахта и самолеты Люфтваффе. Интересно, что во время литовско-польского владычества город, переживавший всякое – губительные пожары, эпидемии, нашествия, восстания, – выкарабкивался из всех передряг и

развивался. Довольно посмотреть на события середины XVII века. О Русско-польской войне 1654–1667 годов сейчас вспоминают редко. О ее результатах, подтвержденных Андрушевским перемирием – тоже. А ведь именно тогда был заложен политический и военный

Интерьер Свято-Симеоновского собора

фундамент под строительство восточнославянского государства, объединившего впоследствии великорусские, белорусские и украинские земли под рукой Москвы.

Для Бреста эта война не прошла даром. Город потерял треть жителей и почти половину зданий и построек, более половины пахотных земель в округе обратилось в пустоши. К этим людским потерям добавились многочисленные жертвы двух эпидемий. А народ тем не менее ехал в эти места. Вместе с простолюдинами, торговцами и шляхтой стремились к Брестскому каменному замку служители культа всех мастей. Фестиваль религий характерен и для сегодняшней Белоруссии. Особенно в западной ее части. В памяти – главная площадь небольшого городка Вилейка, что стоит на пути из Минска в Литву. Памятник вождю пролетариата, а вокруг – православный храм и костел. Памятник Ленину – это, к слову, тоже культовое сооружение. Недаром до сих пор около него проходят соответствующие «молельные» мероприятия.

Так вот, Брест был местом, куда стекались в Средние века все кому не лень. Понятно, что православное население как могло сохраняло свои молель-

ные места. В середине XVI века действовали два монастыря и два храма. К концу столетия при храме Святого Николая открылись православное общество и школа. Но еще в 1411 году в городе построили первую в Белоруссии и крупнейшую в средневековой Европе синагогу.

Памятник преподобно-мученику Афанасию Брестскому, в миру – Афанасию Филипповичу

Параллельно сюда двинулись монахи католических орденов: бенедиктинцы, августинцы, доминиканцы, базилиане, бригитки. Первыми, правда, пробрались иезуиты, основавшие миссию, а затем и коллегиум. Не оставили без внимания брестские земли протестанты. В 1553 году берестейский староста князь Николай Радзивилл Черный начал активно помогать кальвинистской общине. Надо отдать должное князю. При его правлении открылась первая в Белоруссии типография, где в 1563 году закончили на его же средства издание знаменитой Брестской (Радзивилловской) Библии. Сегодня сохранились считанные экземпляры, так как сын Радзивилла, наследовавший власть в городе и повете, будучи оголтелым католиком, приказал сжечь тираж. Ныне Брестскую Библию можно увидеть только в государственных библиотеках Москвы, Вильнюса и Кракова.

В связи с тем, что город подвергался частым разрушениям, немногие культовые сооружения можно видеть в Бресте сейчас. И уж тем более в первозданном виде. Например, синагога была разобрана в середине XIX века в связи со строительством Брестской крепости.

В центре города стоит Свято-Николаевская братская церковь, построенная в 1904 году на месте кафедрального Николаевского собора, где в 1596 году была принята Брестская уния, согласно которой православный люд переходил под юрисдикцию Рима, но сохранял право на службы по православному обряду и на старославянском языке.

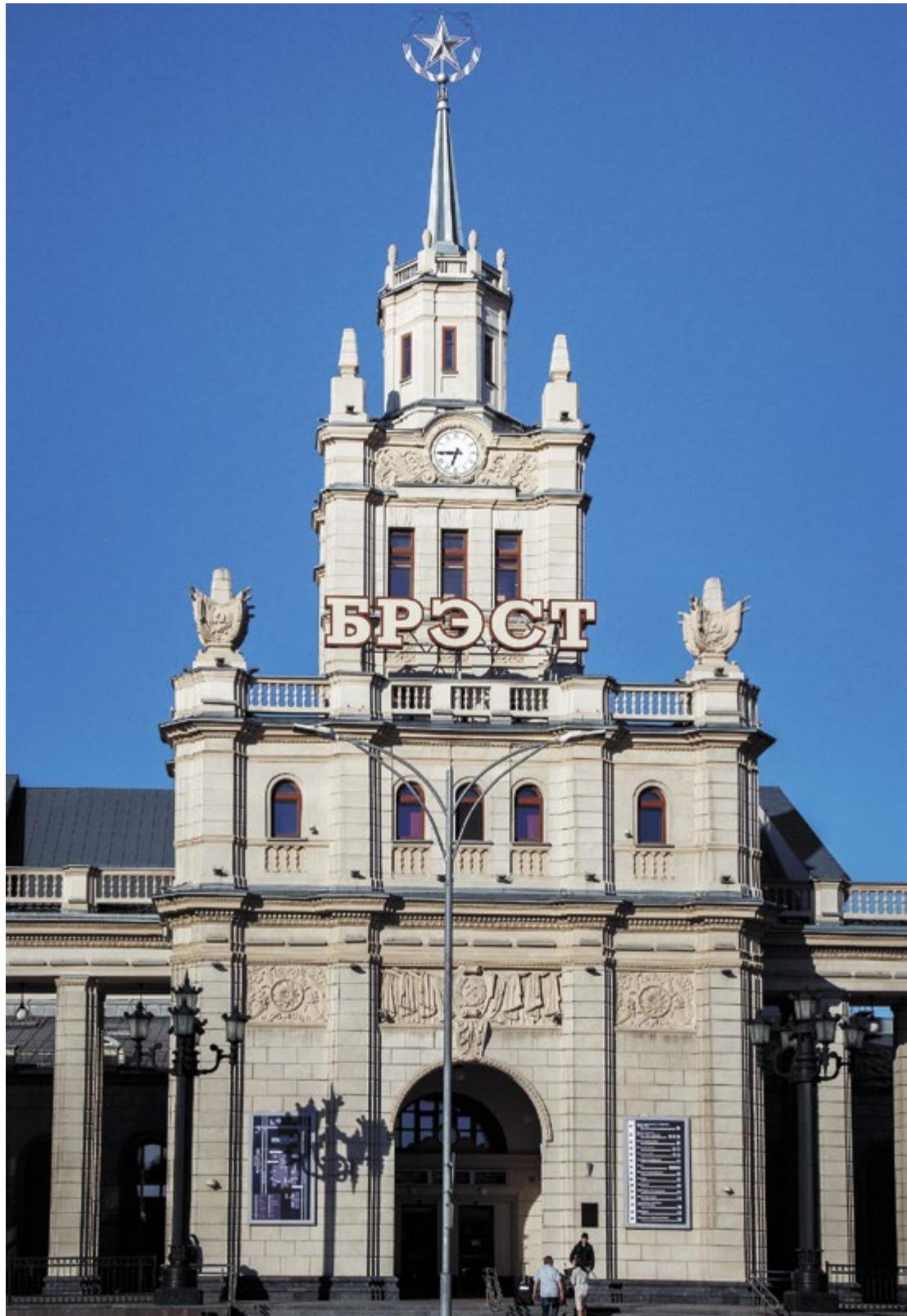
Старейший монастырь Бреста, Свято-Симеоновский, был упразднен в начале XIX века. Не по чьей-то злой воле, а по причине того, что почти все постройки сгорели в двух пожарах – 1812 и 1816 годов. Горело так сильно, что даже рака, в которой хранились мощи преподобномученика Афанасия Брестского, расплакалась. Император Александр I,

Костел
Святого Иосифа
в микрорайоне
Ковалево

посетивший город незадолго до смерти, в ходатайстве о возрождении монастыря отказал. В Петербурге уже задумались о строительстве в центральной части города современной крепости. Кафедральный Симеоновский собор был построен в другом месте спустя четыре десятка лет. В середине 90-х годов XX века обитель в городе появилась. Свято-Афанасьевский мужской монастырь. Сначала возродили часовню, поставленную на месте казни местночтимого святого иеромонаха Афанасия и закрытую в советское время. Затем пристроили к ней кельи и трапезную. Игумена древнего Свято-Симеоновского монастыря убили в 1648-м во время очередной польско-украинской «руины» за то, что он требовал сохранить за православными местные церкви и не передавать их униатам. Согласитесь, половина тысячелетия прошла, но остались на земле места, где в этом смысле ничего не изменилось.

Из новых культовых сооружений в Бресте воздвигнут в 1995 году Свято-Воскресенский собор. Он вмещает до 5 тысяч прихожан и является одним из крупнейших храмов в Белоруссии. В начале нынешнего века был освящен костел Святого Иосифа, ставший третьим католическим приходом в городе. Что характерно, построен он на улице, носящей имя великого русского полководца Суворова, который приводил население Бреста в чувство во время польского восстания Тадеуша Костюшки против царской власти в 1794 году. Но если говорить всерьез о местах, намоленных католическими прихожанами, то уместно вспомнить о церкви Воздвижения Святого Креста, построенной в 1856 году и чудом уцелевшей в двух мировых войнах. В ней хранится одна из самых почитаемых католиками в Белоруссии икон – Богоматери Брестской, копия чудотворного образа из римской базилики Санта-Мария-Маджоре.

Знаменитый железнодорожный вокзал Бреста, один из самых больших в императорской России

ВМЕСТЕ С ИМПЕРИЕЙ

После того как восточная часть Польши отошла к Российской империи, Бресту эдак с полвека не слишком везло. Это был уездный городок Слонимской, затем Литовской, затем Грод-

ненской губернии. Стоит заметить, что от губернской столицы Гродно до Бреста по прямой более 170 километров. А по дорогам... Не одни сутки добираться. В 1811 году был принят план развития Бреста, но

и тут не повезло: началась Отечественная война 1812 года. И хоть город оставался в стороне от направления главного удара Великой армии французского императора, в его окрестностях шли локальные бои, которые вели 3-я русская армия генерала Александра Тормасова, прикрывавшая дороги на Украину.

В 1812 году 17-летний Александр Грибоедов записался капретом в Московский гусарский

полк, который формировался в Первопрестольной на добровольческой основе и на средства графа Петра Салтыкова. Дело шло ни шатко ни валко, и о сражениях с кавалерией Бонапарта оставалось только мечтать. Короче говоря, на войну будущий автор «Горя от ума» так и не попал. А попал на службу в город Брест-Литовский в качестве капрета кадрового Иркутского гусарского полка, сильно потрепанного в боях

Пешеходная зона на улице Советской.
Чем не Замоскворечье?

Экспонаты Брестского музея железнодорожной техники

с французами, особенно под Смоленском и на Бородинском поле, где он прикрывал батарею Раевского. В полку Грибоедов находился четыре месяца. Но, видимо, жизнь в заштатном городке была настолько скучна, что даже он, посвятивший с малолетства жизнь делам серьезным и основательным, не удержался от гусарских развлечений.

Известны два случая, когда Грибоедов «гусарил» напропалую. Однажды он въехал на спор верхом на второй этаж дома во время бала. В другой раз вместе с приятелем по службе навестил костел иезуитов перед церковной службой. Пока приятель придерживал штатного органиста, Грибоедов усился за инструмент. Будучи прекрасным музыкантом, он без труда освоился за органом и исполнил несколько положенных слушаю произведений. А потом «зарядил» русскую «Камаринскую». Согласитесь, подобные развлечения могут прийти в голову студенту философского факультета Московского университета только в случае крайне скучного досуга.

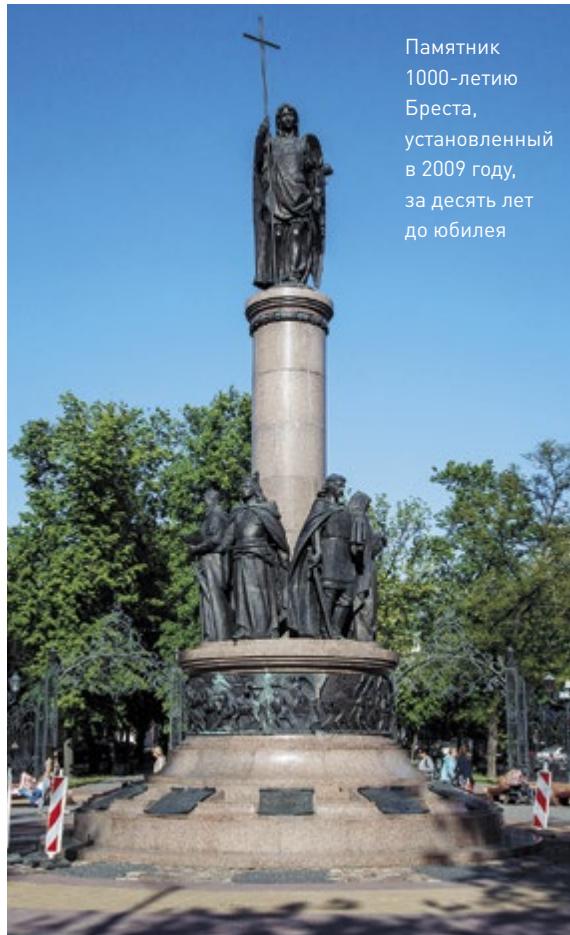
Положение стало меняться после того, как в 1836 году был заложен первый камень Брест-Литовской крепости. В городе началась большая реконструкция, потребовались новые улицы, кварталы, общественная инфраструктура. Построили новые торговые ряды, пивоваренный завод, табачные фабрики, открылся Брестский Александровский кадетский корпус, приходское училище, прогимназия. К 1861 году работало 178 магазинов, 60 харчевен, 5 постоялых и 2 заездных дома, корчма, кондитерская. Ключевым стал 1869 год, когда запустили железную дорогу по маршруту Брест – Варшава. Спустя два года она протянулась до Москвы. А еще спустя полтора десятка лет закончили строительство фундаментального железнодорожного вокзала, одного из крупнейших в России. Всякий, кто пересекал

границу Советского Союза и Польши, а позднее Белоруссии и Польши, не мог не обратить внимания на это в буквальном смысле архитектурное произведение искусства.

Постепенно Брест-Литовск обретал черты губернского города. Крупный железнодорожный узел, от которого пути расходились на запад, восток и юг. Водопровод, женская гимназия, газета, научно-просветительское общество, синематограф, научное общество врачей... По первой Всероссийской переписи, 1897 года, в городе проживало более 46 тысяч человек, а перед Первой мировой войной – еще больше. Это не считая крепостного гарнизона.

Но началась война, и Брест вновь залихорадило. Германские войска оккупировали его уже в сентябре 1915 года. Зимой 1917-го – весной 1918-го город вошел в историю как место подписания Брестского перемирия и Брестского мирного договора между Советской Россией и странами Оси. В итоге Брест на двадцать лет в который раз отошел Польше. В состав другой империи, Советского Союза, он вернулся только 16 августа 1945 года, когда между СССР и Польшей был подписан договор об очередном изменении границ.

Памятник 1000-летию Бреста, установленный в 2009 году, за десять лет до юбилея

НА КАЖДОМ УГЛУ

Бывая в разных городах Белоруссии, частенько ловил себя на мысли, что они, независимо от ландшафта, очень похожи друг на друга. Орша, Могилев, Витебск, Полоцк, Барановичи,

Улица Гоголя.
Аллея кованых фонарей

Сморгонь, Гомель, та же Вилейка. Даже Минск. Размеры разные, количество транспорта и людей на улицах отличается, но всюду что-то неуловимо общее. Завидная даже для западноевропейских городов чистота? Мрачные костелы по соседству с белостенными православными храмами? Всюду реки, речки да озера? Объяснение со временем нашлось. И вовсе не такое уж оптимистично-радостное. Трудно, если вообще возможно найти на карте такую страну, чьи города до основания разрушались бы в бесчисленных войнах с такой частотой и такой основательностью. Отдельные города – да. Британский Ковентри, французский Реймс, германский Дрезден, наш Сталинград. Но там же – благополучные Эдинбург, Марсель, Мюнхен, Самара. В маленькой Белоруссии все было по-другому.

А еще белорусские города рожнят невероятное количество современной уличной скульптуры. Брест по этой части – чемпион. Хотя, допускаю, что остались непознанные города в этой стране, где по части украшения улиц даже Брест смогли опередить. Например, Гродно – пока загадка. Что же до Бреста... Аллея кованых фонарей на улице Гоголя. Серебристые фигуры на газоне у академического театра драмы, напоминающие моаи с острова Пасхи. Памятник «Счастливому сапогу» на Советской улице. Пограничный столб, отделяющий город от крепости. Композиция «Старый город», превратившая древнюю вентиляционную трубу, выползшую когда-то из-под земли, в кошачий мемориал. Монумент в честь Брестской Библии на пересечении улиц Пушкинская и Кирова...

Наконец, никак не обойти вниманием бронзовую страницу с текстом легенды о купцах, основавших Берестье–Брест, на постаменте памятника, посвященного 1000-летию города и установленного в... 2009 году. Предусмотрительный народ белорусы. ☺

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог
Прессы России».
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Прессы по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

**Корпоративная подписка
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Прессы по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru